

Вадим Скумбриев

Метаморфозы сознания

Молекулярная биология развивалась стремительными скачками. Учёные вычистили геном человека будущего от множества болезней. Омолодили стариков, поставили на ноги, казалось бы, безнадёжно парализованных больных. А потом начали не просто исправлять, но модифицировать человека. Только куда заведёт эта кривая дорожка? Жалкая кучка уцелевших после ядерной войны пытается обосноваться на чужой планете под чужим солнцем. Пути назад им нет: ковчег не рассчитан на обратное путешествие. С собой у них нет ничего, кроме знаний, но этого вполне достаточно. Только и знания не всегда несут пользу.

Заря. Фрейя

Корабль остановился, неподвижно зависнув над дневной стороной планеты. Его экипаж давно бодрствовал, тогда как пассажиры только просыпались от многолетнего сна.

Сначала на поверхность спустились автоматические зонды, передавая наверх бесценные данные — состав атмосферы, давление, радиация, световое излучение. Ничто из этого не оказалось сюрпризом для астрономов: сюда не летели наугад. Но до того у них были лишь очень приблизительные представления о планете, теперь же люди выбирали место, где поселиться.

Затем с геостационарной орбиты на низкую спустился челнок-беспилотник, с каждым витком снова и снова фотографируя единственный материк. Снимки он тут же отправлял в центр управления, где их тщательно изучали аналитики. Равнины. Горы. Леса. Джунгли. Озёра. Архипелаги. Никаких признаков городов или коммуникаций. Никаких признаков разумной деятельности.

Фрейя была готова принять в себя новую жизнь.

Корабль раскрыл шлюзы, выпуская посадочные капсулы, похожие на рой светлячков. Одна за другой они отправлялись сквозь атмосферу вниз, озаряя небеса огнём сотен падающих звёзд.

Колонизация началась.

Центр контроля биологических угроз, 34 мая 1 года.

Хелена Моргенсен

По утрам солнце здесь всходило на западе.

Первое время Хелена с удовольствием любовалась рассветами, подходила по утрам к окну, смотрела, как из-за горизонта выплывает чужое светило — такое похожее на Солнце и всё же другое. Яркое, агрессивное. А Солнце — вон оно, светлая звёздочка у созвездия Кассиопеи, уже тускнеющая на фоне горячей зари. Если не знать, так и не поймёшь, что прилетели сюда люди именно оттуда.

Только пути обратно нет. Некуда возвращаться. Новая Земля — это Фрейя. И нужно хорошо поработать, чтобы превратить это место в дом.

Она и работала.

Хелена лежала на белоснежной кушетке, закрыв глаза и отключившись от внешнего мира. Со стороны могло показаться, что девушка спит — если не обращать внимания на воткнутые в шею кабели. Живой компьютер, система расчётных цепей — вот что она такое. Ординатор. И не талантом, а прихотью судьбы, мутацией, которую приручили генетики.

Каждый день она приходила сюда, вонзала штекеры в разъёмы импланта на шейных позвонках и тонула в работе. Первый раз это было больно — разум ещё не понимал, что происходит. Он терялся, как человек, которому вдруг посветили в глаза мощным фонарём. Но первый раз бывает больно не только от проводов. Зато потом от возможностей захватывает дух.

Её сознание кипело. Хелена сливалась с компьютером, ощущая каждый бит информации, как собственную память. Мозг выполнял творческую работу, порождал образы, которые тут же подхватывала квантовая электроника и лепила их один на другой, точно самый сложный конструктор. Хелена улыбалась. Это было сильнее любого наркотика, который только могли придумать люди.

Она изучала жизнь.

Она сплетала логические цепи, сравнивала биохимию организмов и разглядывала всё это со вниманием ребёнка, дорвавшегося до любимой игрушки. Каждый день разведчики добывали новые образцы, и все это отправлялось сюда. Специалисты изучали материал, раскладывали по полочкам, анализировала же его Хелена — единственный ординатор в Центре контроля биологических угроз. Она выделяла токсины, опасные бактерии и вирусы, грибки и прочие организмы, потенциально опасные для человека. Работы было по горло, но это не угнетало девушку. Ей нравилось ложиться на свою кушетку и забывать обо всём, кроме паутины данных, в которой нужно разобраться.

— Посетитель, — вспыхнуло в мозгу, и Хелена открыла глаза. Рядом с её ложем стоял Иван Драгомиров — биолог из оперативной группы. Большим пальцем он с силой давил на красную кнопку на подлокотнике.

— Что-то важное? — спросила девушка. Ивана она не любила за грубость и бесцеремонность, впрочем, так к ней относились многие. Если Хелена была теоретиком, то Драгомиров — практиком, всё время пропадавшим в экспедициях. Да и выглядел он так, будто сошёл с экрана какого-то боевика: бородатый атлет в сложных татуировках, усеивающих мускулистые руки. Хрупкая медноволосая Хелена выглядела рядом с ним совсем беззащитной.

— Важное, — кивнул Драгомиров. Он был в серо-зелёном рабочем комбезе и берцах, явно только что с полевой миссии. — Отключайся от своих железок и слушай.

Бесцеремонность и прямота — вот они, самые нужные в работе качества. Пришлось подчиниться, тем более что настырный Иван всё равно добьётся своего. С другой стороны, по мелочам он никогда не беспокоил, и Хелена не стала злиться. Её вообще редко доводилось испытывать подобные эмоции.

Она молча выдернула штекеры из шейного имплантата. Можно было этого и не делать, Хелена давно уже научилась управлять своим сознанием, но незнакомые с такими тонкостями люди чувствовали себя более уверенно, когда она отключалась аппаратно.

— У меня в экспедиции на одном из островов погиб человек, — с ходу взял быка за рога Иван.

— Вот как? — Хелена приподняла рыжие брови.

— Тебе мало? Пропал. Бесследно. У врача запищали датчики, пошёл сигнал о критическом состоянии, мы оглянулись — а парня нет, как корова языком слизнула.

— И что?

Их взгляды встретились.

— Слушай, ноутбук ходячий, — медленно проговорил Драгомиров. — Я понимаю, что тебе плевать на человека, которого ты даже не знала, но пораскинь своими ледяными мозгами. Мы не идиоты-туристы, технику безопасности не ради галочки изучаем. С нами был отряд солдат, они большие пушки тоже не для виду носят. И вот один из нас исчезает. Так, что никто этого не заметил. Ты себе можешь представить такое? Да никакой Джеймс Бонд такое бы не провернул!

Хелена молчала, глядя ему в глаза. Иван был прав. Она не имела чёткого представления о составе и методах исследовательских экспедиций на Фрейе, но не сомневалась, что организуются они с максимальной безопасностью для участников. И крупного хищника охранники не подпустили бы даже близко.

— Мне нужны данные, — сказала она, перебирая кабели и вонзая их обратно. Иван кивнул.

— Плавающий коралловый остров, примерно два на два километра. В центре — озеро, структура пористая. Фотографии и отчёт, — он бросил на столик рядом с кушеткой флэш-карту, и Хелена воткнула её в разъём на системном блоке. — Писал на борту дикоптера, за оформлением не следил, но всё, что нужно, там есть. Общая информация по островам — в базе. Сколько тебе нужно времени?

— Один день.

Иван снова кивнул, даже не пытаясь спорить. Перебрать гору статей, фотографий и заметок, найти или спрогнозировать облик животного, которое потенциально могло бы без следа убить человека — дело не на час. В былое время это заняло бы работой целый аналитический отдел, а сейчас хватало одного ординатора.

Хелена вставила последний штекер и снова легла на кушетку, забыв об Иване. Её мозг разогревался, начиная работать на полную мощность. В несколько секунд она прочитала отчёт Драгомирова, проглядела фотографии. Каскад данных пролетел в сознании, точно рой мух.

Известняковая глыба с положительной плавучестью — значит, внутри есть пустоты, заполненные воздухом. Растительность почти отсутствует, поверхность покрыта органической губкой.

Поиск сведений о губке. Безвредна.

Хелена мысленно усмехнулась. Подобным эпитетом на Фрейе могли похвастаться очень немногие существа.

Поиск сведений об островах. Улов скудный: только данные о поверхности и гипотезы. Наличие узких входов на глубину, которые могут служить норами для животных. Данных по биосфере очень мало.

Глубокий поиск.

Пусто.

Крупных животных на островах не водилось вовсе. Были мелкие ядовитые твари с сильным ядом, но они не могли оказаться убийцами — ведь делся же куда-то труп. Поразмыслив, Хелена принялась за моделирование. Масса существа — не меньше человеческой. Скорость — высокая. Варианты отступления с трупом: озеро или норы. Вероятность наличия быстродействующего яда — высокая.

Информация веером символов и образов касалась разума Хелены. Разные виды земных животных, изученные виды фрейских, гипотетические существа. Мурены, сухопутные осьминоги, змеи, ящерицы-амфибии. Варианты изучались один за другим, затем критерии дополнялись и всё начиналось сначала.

Лишь сигнал таймера об окончании рабочего дня заставил её очнуться.

Мёртвый пояс, 34 мая. Джеймс Гленн

Этим летом солнце жарило немилосердно. Хотя какое тут лето — нет на этой проклятой планете ни лета, ни зимы. Вокруг — сплошная пустыня, камни вместо деревьев, под колёсами ровера — красноватый песок, и ничего больше. Ни травинки, ни кустика, ни даже красивых жёлтых барханов с верблюдами. Одна только выжженная свирепым чужим светилом пустошь.

Бывший мастер-сержант армии Соединённых Штатов Америки, а теперь — капитан силовых отрядов Совета Фрейи, Джеймс Гленн не любил эти места. Слишком они неприятно выглядели. Он давно уже перестал смотреть на показания термометров — температура снаружи зашла за пятьдесят ещё пару часов назад. Сколько это в привычных для него градусах Фаренгейта? Сверхразум его знает, но уж точно здесь очень, очень жарко. Мёртвая это земля, безжизненная полоса по экватору, и хрен пойми, что тут учёные увидеть хотят. Ни животных, ни растений, а раз так, что им изучать?

Но он сам попросил перевода. Надоело по местным джунглям мотаться, вспоминая африканскую войну, вот и захотелось сменить обстановку. Забыть былое, так сказать. Кто ж знал, что пустыня окажется ещё скучнее. Сиди себе, жди, потом опять жди, пока учёные закончат, и снова в путь. Жаловаться было не на что: в конце концов, Джеймс понимал, что без охраны тут никуда, даже если до сих пор ничего серьёзного не происходило. Нельзя шутить с чужой природой.

Вот он и не жаловался.

Они находились в пути уже шестой день, посетив десяток точек по всей пустыне. Скрашивало скуку разве только то, что Джеймс оказался единственным мужчиной из четверых участников экспедиции — уж повезло, так повезло. И в компании с ним ехали три сексапильные девицы, хоть сейчас раздевай их и в рекламу какой-нибудь косметики или нижнего белья отправляй сниматься. Но нет, у всех троих — учёные степени, как у профессоров. А с виду так-то и не скажешь.

— Дорогие леди, до расчётной точки два километра, — проговорил Джеймс, взглянув на карту. Никакого GPS на Фрейе, конечно, не было, и ему приходилось пользоваться очень грубой картинкой, кое-как скроенной из фотографий с орбиты. Каменный век. Но Джеймс уже давно уразумел, что иногда стоит вернуться к истокам.

— Последняя, потом домой и наконец-то душ, — вполголоса сказала сидящая на соседнем кресле девушка. Фиона Кристофоретти, импульсивная черноволосая итальянка, чудесное сопрано которой вызывало вопросы в духе «почему бы ей не пойти на сцену? Зачем ей эта дурацкая биология?». Даже не биология, нет: она была биоинженером. Как понимал это Джеймс, девушка создавала искусственные органы, импланты, протезы и тому подобные вещи. А попутно — вот, занималась всякой ерундой в экспедициях. Может, это и достойное дело. Только всё равно на сцене или шесте для стриптиза она смотрелась бы куда лучше.

Но при знакомстве Джеймс благоразумно оставил все эти мысли при себе. На работе — только работа. Он профессионал. Правда, солдат, а не охранник и не водитель, но в его ремесле каждый должен уметь всё понемногу. Хотя тут уметь особо и нечего: пустыня Мёртвого пояса — не джунгли здешних умеренных широт, где с каждого дерева на голову может какая-нибудь ядовитая гадость свалиться. Жизни тут нет. Во всяком случае, за три поездки по этим краям Джеймсу ни разу не приходилось нажимать на спуск табельного

автомата.

Ровер то и дело наезжал на камни, но хитрая система электромагнитной подвески гасила удары, и Джеймс ехал почти как по шоссе, лишь изредка ощущая толчки корпуса. Карта подсказывала, что до невидимой точки L — примерно двести метров. Почему господа учёные выбрали именно это место, Джеймс не знал. На его взгляд, вся равнина была совершенно одинакова.

Он вдавил педаль тормоза.

— Приехали, если пилоты не обманули нас с картой, — сказал Джеймс, берясь за ручку двери. — Двадцать градусов семнадцать минут и шесть секунд северной широты. Ждём, всё как обычно.

Рутина. Он спокойно обошёл ровер кругом, тщательно вглядываясь в окружающий ландшафт. Ничего подозрительного, но если права карта, то вон там метрах в ста начинается русло реки. Правда, земля здесь поднималась в гору, и русло скрывалось за холмом, но стоило проверить.

— Выходим, девочки, — сказал он, активировав переговорник шлема и одновременно изучая экран датчика движения. Но и тот молчал. — Всё чисто.

— Как будто раньше бывало иначе, — раздался в наушниках мрачный голос. Это Ольга Крутогорова, сейсмолог, чью фамилию Джеймс даже и не пытался выговорить. Флегматичная рассудительная девица, работать с ней — одно удовольствие, в отличие от итальянки с её дурацкими шуточками. Впрочем, выбирать не приходилось. Да и Фиона выглядела ангелочком по сравнению с некоторыми спутниками из прошлых экспедиций.

Солнце медленно клонилось к горизонту, а в небе неподвижно висел Альфригг — один из четырёх спутников Фрейи. Он не заходил и не восходил, так и торчал в одной и той же точке неба, как приклеенный. Висел на геостационарной орбите — это Джеймсу объяснила одна девчонка из астрономов. Как у большинства земных искусственных спутников. Или теперь правильно говорить «фрейестационарная»? Джеймс в такие лингвистические и астрономические тонкости не вникал. Висит себе и висит, что он, Луны не видел? Вон, лучше на Двалина смотреть, этот раз в четыре больше земной будет, и исправно катится по небу. Жуткая штука. А вдобавок ко всему ночью на небо выползает Бета, как вопреки мнению астрономов народ прозвал вторую звезду системы, и приходится шторы на окнах опускать, чтобы спать в темноте. Нет, времени ещё много пройдёт, пока он привыкнет к новой жизни по-настоящему.

Он шагнул к роверу и вытащил чемодан с беспилотником. Поблизости ничего не видно, так что стоит взглянуть на реку.

— Капитан? — тут же ожили наушники. Голос принадлежал Софи Дюбуа — их инженеру.

— Осмотрюсь, — коротко ответил Джеймс, глядя по сторонам. Нет, ничего. Небо чистое, ни облачка, да здесь и не бывает никогда облаков. И раскалённая Альфа так и норовит вонзиться в голову своим светом, точно хочет сбросить с планеты гостей, изжарить их дочерна. Поначалу Джеймс откровенно ненавидел чужое светило, а теперь искренне желал ему поскорее погаснуть.

— Есть причины беспокоиться? — встряла в разговор Фиона.

— Нет.

Фиона громко фыркнула. Беспечная девочка, подумал Джеймс. В Африке она бы долго не протянула, а уж в джунглях Фрейи тем более. Но, как и раньше, капитан промолчал.

Беспилотник уютно устроился на камне. Зачем он это делает? Тут же пусто, как на Марсе. Даже ландшафт чем-то похож — такая же каменистая красноватая пустыня и пыль везде. И сухо, очень сухо. А без шлема и комбеза вообще беда. Влажность почти нулевая, горло моментально пересыхает, а кожа трескается. Хуже земной Атакамы, где дождь раз в сто лет идёт. Тут его, наверное, не бывает вообще никогда. Но река — это вода, а где вода, там и жизнь. А здешнюю жизнь Джеймс уже успел крепко невзлюбить, не хуже висящей в небе Альфы.

Он взял в руки джойстик, нажал кнопку, и «муха» послушно зажуужжала винтами. Джеймс шевельнул рычажком. На экране возникла безжизненная равнина, которой он уже насмотрелся за эти дни, белое пятно ровера — приземистая округлая машина на шести широких ребристых колёсах, и он сам в двух шагах от неё. Рядом копошились затянутые в серебристые комбинезоны девушки. Все скрытые под тканью детали — системы климат-контроля, плоские аккумуляторы и один сверхразум ещё знает что — аккуратно распределялись по всей поверхности полимерной ткани, так что комбинезоны плотно облегали тела. Удобно в работе и красиво, особенно на женском теле. Недаром рабочие комбезы почти сразу после выхода на рынок стали новым стереотипом в порно.

Несколько секунд Джеймс любовался этой картиной, после чего уверенными движениями направил беспилотник туда, где должна была находиться река. И вздрогнул, когда камера показала ему глубокое ущелье, на дне которого блестела вода. Вот она, река-то. А на карте никаких оврагов.

— Русло реки, — произнёс капитан. — Очень глубокое.

— Злобных орков в засаде нет? — спросила Фиона. Джеймс не обиделся. Пусть лучше его сто раз назовут параноиком, чем один раз напишут некролог. Шуточки учёных, а тем более баб, он сносил совершенно спокойно.

— Всё в порядке, — сказал он, заставляя «муху» повернуть обратно. — До воды далеко, кто бы там ни прятался.

Софи устанавливала какой-то научный прибор с локаторами, антеннами и ещё какой-то хренотенью, принцип работы которой Джеймс и не пытался понять. Поначалу он интересовался такими вещами, но из объяснений девушек понял только то, что прибор анализирует атмосферу, грунт, регистрирует колебания почвы, магнитного поля и кучу всего ещё, отсылая данные на ближайшую станцию. В общем-то, больше капитану и не требовалось.

Он лишь мельком отметил, что до конца работ около десяти минут, и направил «муху» к месту стоянки. А в следующее мгновение безо всякого беспилотника увидел животных на склоне холма.

Три сотни ярдов, отметил мозг, и «муха» плавно шлёпнулась на землю.

— Капитан? — вновь раздался голос Софи. Джеймс не обратил на неё никакого внимания и только поднёс к глазам бинокль.

Пять ящероподобных существ с рыбьими мордами. Сидят на склоне, топорщат спинные плавники и смотрят. Прямо на него.

— Капитан, может, вы всё-таки нам ответите? — не выдержала Фиона. — Что там такое?

— Животные, — коротко ответил Джеймс, продолжая изучать гостей в бинокль. — Какие-то рептилии, кажется.

— А смотрите, как будто армия Конго засаду устроила, — поддела его чёртова

итальянка. Джеймс скривился, точно его заставили съесть свежий лимон. Пускай шутит. Ей в жизни не узнать, что такое засады в джунглях.

— Делайте свою работу, док, а я буду делать свою, — сказал он. Рыбомордые несомненно видели их, и — Джеймс был уверен — наблюдали. Он не был специалистом по животным, но изрядно насмотрелся на них во время африканских кампаний. Было что-то очень странное в этих рыбах-ящерицах, что-то от хищника, изучающего добычу и ждущего удобного момента для нападения, но не такое, как на Земле. Что-то другое.

А знаешь ли ты, — мысленно обратился он к итальянке, — что может устроить самый обычный земной крокодил, если вовремя его не заметить в воде?

Ящерицы. Больше всего существа на холме напоминали земных ящериц, только размером с человека и прямоходящих. А морды всё-таки явно рыбы, и эти плавники на спинах. Водяные они, что ли? Хотя так и так без воды им не прожить. Что они тогда забыли в пустыне, где никого и ничего нет? А воды — так особенно?

— Не хочу казаться параноиком, но эти твари меня пугают, — сказала Ольга. Джеймс мельком взглянул на неё — девушка уже установила сейсмограф и теперь разглядывала «ящериц» в собственный бинокль. — Они как будто следят за нами.

— Именно для этого у нас есть оружие и мужчина в команде, — хмыкнула Фиона. — Если они попробуют напасть, получают пулю.

Потрясающая для биолога любовь к природе, подумал Джеймс.

— Заканчиваем и уезжаем, — коротко заявила Софи. Формально она считалась командиром экспедиции, и теперь воспользовалась этой властью. — Капитан, сфотографируйте этих существ. Нам они без надобности, но могут заинтересовать садистов из Биослужбы.

— Я, кстати, тоже оттуда, — обиделась Фиона, настраивая какой-то прибор.

— Сделаю, — меланхолично ответил Джеймс. Ольга, стоявшая у ровера, без лишних слов бросила ему фотоаппарат. Электроника шлема могла фиксировать изображения и самостоятельно, но не на таких дальних расстояниях.

Но как только капитан взял группу в фокус, те словно по команде повернулись и исчезли за холмом. Джеймс успел сделать лишь один снимок.

— Какого! — громко воскликнул он.

— Ушли, — удивлённо сказала Ольга. — Как будто поняли, что их снимают.

— На Фрейе полно полумразумных существ, — Фиона оторвалась от прибора. — Есть и такие, что поумнее дельфинов будут. Скорее всего, они приняли ваше движение за агрессию.

— Ага, за триста ярдов-то, — не удержался Джеймс. Фиона вздохнула.

— Вы же не знаете, насколько далеко они видят, — буркнула она.

— Через этот раскалённый воздух и песок без очков черта с два они бы увидели хоть что-то. Умникам-астрономам стоило бы назвать планету не Фрейей, а Сетом.

— Сетом? — Фиона повернула голову. — Это кто?

— Древнеегипетский бог пустыни.

— А, мифология... — она тут же поскучилась.

— Довольно, — Софи направилась к роверу. — Мы закончили?

Фиона посмотрела на экран планшета.

— Всё работает как часы, сигналы идут.

— Тогда загружаемся и едем домой. Я хочу в душ.

Урча мотором, гидроцикл лихо рассекал жёлтую воду реки. Керлауг не уступала по размерам земной Амазонке, да и окружавшие реку джунгли очень походили на земные. Если не присматриваться, то и не поймёшь, что вокруг не Земля, а Фрейя. Разве что пылающая над головой Альфа не давала ошибиться.

— Подплываю к месту, — сказала Снежана.

— Сколько ещё? — раздалось в наушниках.

— Метров двести, — девушка щёлкнула кнопкой, и на несколько секунд обзорный экран шлема показал ей полупрозрачную карту местности. — Тёмная энергия, как же мне не хватает GPS!

— Ничего, мы так ещё долго жить будем, — захихикали наушники. — Привыкай, тут тебе не комфортная Земляшечка.

— Да уж привыкла за столько дней.

Она ловко повернула гидроцикл, окатив волной растущее прямо из воды дерево, и за очередным кустом увидела цель своего плавания — колонны автострады, идущие через размытый приливами берег. Хотя какая это автострада: узкая пластиковая лента, связывающая Мидгард с океанским портом, на которой для обгона нужно на встречу выезжать. На Земле даже городские улицы шире.

В этих местах река образовывала широкие «карманы» со стоячей водой, наполнявшиеся от приливов, и строители, не мелочась, протянули над ними мосты. Искривлять путь они не любили. Только теперь из-за этих дурацких колонн Снежане пришлось прервать короткий отдых между экспедициями и плыть за два километра, только чтобы посмотреть на синезелёную плесень. Грибок покрывал опоры сплошным слоем чуть ли не на треть высоты, и выглядело это, по мнению девушки, премерзко. Мало того, ей выдали специальную стеклянную банку для образцов, которую предстояло набить этой гадостью.

— Слушай, у наших умников что, не нашлось лишнего дрона для этой фигни? — недовольно спросила девушка.

— Роботов не так много, Снежка. Свободных людей больше. Вроде тебя. Что видишь?

— Вижу плесень, — честно ответила Снежана. — Или мох. Похоже и на то и на другое.

На Земле она могла бы включить трансляцию изображения с закреплённой на шлеме крохотной камеры. Но на Фрейе спутниковая связь пока отсутствовала, а сотовая в этих джунглях работала с чудовищными шумами помех. Послать хотя бы фотографию нечего было и думать.

— Подробнее, — в голосе дежурного прорезались нотки нетерпения.

— Помолчи, Йозеф. Ты мне мешаешь.

Снежана вытащила гидроцикл на берег, сверилась с часами и вызвала на экран шлема справку — до прилива оставалось ещё около сорока минут. Проверила, заряжен ли пистолет. Двенадцать экспансивных пуль были готовы вылететь из ствола, только нажми на спуск. Ей всегда нравилось оружие — чисто мужским интересом к простым, но смертоносным механизмам. А здесь без него даже за город не пускали. Рай на земле.

Плесень появилась с неделю назад, но только вчера кто-то из речных патрульных додумался сообщить о ней в Центр контроля биологических угроз. Мало ли что это за инопланетная дрянь полезла на бетонные опоры моста? А в Центре зашевелились и

отправили человека посмотреть. То, что человек не был специалистом, никакого отношения к Центру не имел и вообще оказался на ближайшей станции наблюдения случайно, никого не заботило. Плесень же, не ядовитые змеи или кто там ещё, и с реки удобно зайти. Справится любой.

Впрочем, Снежана ещё не пресытилась путешествиями по Фрейе. Континентальный климат Харькова, откуда она была родом, изрядно действовал ей на нервы с самого детства. Летом — страшно жарко, зимой — страшно холодно, а что творится весной, лучше и не вспоминать. То ли дело Фрейя с её вечно тёплой погодой: ну точно рай.

Вооружившись скребком и банкой, девушка направилась к колоннам. Джунгли вокруг безмолвствовали. Здесь пролежала затапливаемая просека, ноги Снежаны вязли в иле, но приближаться к зарослям она не рисковала. Комбез комбезом, но и свою голову иметь на плечах надо.

— Интересно, — задумчиво сказала она, подойдя ближе к опорам. Плесень плотным слоем укрывала поверхность опор и окружала каждую рваным кольцом на земле. На миг Снежане показалось, что отдельные волоски гриба зашевелились при её приближении, но это, конечно, был только ветер.

Ну и дрянь, подумала она.

— Рассказывай, — вновь раздался голос Йозефа.

— Плесень. Сине-зелёная, очень плотная на вид, с длинными волосками, как у мха. Чего ты ждёшь от меня, чёрт побери? Я пилот, а не учёный.

— Тогда бери образец и проваливай оттуда, — в голосе дежурного послышалось нескрываемое раздражение. — Соскобли до бетона, проверь, не нагадила ли она там чем-нибудь.

Снежана шагнула к колонне, и это оказалось ошибкой.

Не встретив твёрдой поверхности, её нога по щиколотку провалилась в густой ковёр плесени. От неожиданности девушка подалась вперёд, инстинктивно выставив перед собой руки — и всем телом упала прямо в мохнатую шубу.

Спасло её только то, что грибок ещё не успел слишком уж глубоко вьестись в землю. Защитный экран шлема заполонил шевелящийся слой гнуса, затянутые в ткань комбеза руки полностью погрузились в плесень, но в конце концов всё же нащупали опору.

— Снежка! — донеслось из наушников. — Чт у тбя тм?

— Дерьмо, — прохрипела Снежана, выползая из плесневого ковра и пытаясь оторвать от комбеза лохмотья грибка. Ткань шипела в тех местах, где её коснулись сине-зелёные нити, а экран шлема помутнел и стал совершенно непрозрачным. — Йозеф! Йозеф, сука, отвечай!

— Я здесь, — хрипло донеслось из наушников. Кажется, кислота, или что там выделяла плесень, добралась до электроники шлема. — Снежка, т мя слышишь?

— Слышу как аутиста-паралитика. Эта дрянь разъедает мой комбез и шлем!

— Ты цла?

— Пока да.

— Сбрысь шлем. Связь держм по рци гдроцкла...

Голос Йозефа заглох окончательно, и Снежана, ругаясь, сорвала с головы шлем. На прежде гладкой и блестящей поверхности появились уродливые тёмные пятна, а защитный экран и вовсе выглядел так, будто его передержали в микроволновке. Комбез тоже пострадал: тут и там виднелись прожжённые кислотой дыры, но на коже осталось лишь

лёгкое покраснение.

Продолжая материться, Снежана подобрала банку и кое-как набила её плесенью. Затем, хромая, направилась к гидроциклу, и тут пришла боль. Поражённые места загорелись, словно их прижгли факелом, во рту появился привкус крови. Машинально Снежана коснулась панели управления медблоком на запястье, но тут же отдёрнула пальцы. Сверхразум его знает, что это такое попало в кровь. Лучше поостеречься.

— А, тёмная энергия, — выдохнула девушка, сталкивая гидроцикл в воду. Теперь, казалось, он весил не меньше центнера. Таким же тяжеленым грузом повис на поясе бесполезный пистолет, который она только что с удовольствием разглядывала.

Голова кружилась, Снежана сунула банку в багажный отдел и нащупала стартер. Краем глаза она заметила, что стекло банки тоже начало мутнеть.

— Что ж ты за штука такая? — сквозь зубы выдавила она, заводя мотор. Изъеденные плесенью колонны, конечно, придётся чинить, а вредителя уничтожать. Но Снежану сейчас занимал куда более важный вопрос: добраться до станции раньше, чем яд достигнет сердца.

Административный центр Мидгарда, 36 мая. Хелена Моргенсен

Это было самое высокое здание в городе. Двадцать пять этажей, не так уж много по земным меркам, но здесь Центр возвышался над городом, как цитадель замка. Когда-то на постройку таких тратили месяцы. Теперь — дни.

Хелена не впервые была в этом месте, но каждый раз поражалась, как быстро люди умеют строить. Ещё три месяца назад здесь не было ничего. А теперь в долине меж двух рек раскинулся целый город для двух тысяч человек — экипажа и пассажиров корабля, прилетевшего на Фрейю. Корабля, который изначально совсем не задумывался, как ковчег.

И если там, на улицах, трудно было оценить размеры грандиозной стройки, то из здания администрации открывался обширный вид. Кабинет Эдмунда Келлера, одного из членов Совета и начальника Биологической службы города, располагался не на самом верху, но и отсюда можно было увидеть весь Мидгард. Потом, конечно, вокруг начнут ставить жилые многоэтажки, появятся настоящие небоскрёбы, и город превратится в отвратительную копию земных мегаполисов. Но сейчас внизу лежали аккуратные, полные плавных изгибов белые домики, выглядевшие так, словно их нарисовал дизайнер-футуролог. Зрелище это каждый раз захватывало не привыкшую к высоте Хелену, пусть и ненадолго.

Здесь ей никогда не давали полюбоваться видами.

Как, например, сейчас. Сперва с утра в кабинет заявился Драгомиров, в обычной для него хамской манере потребовав анализ по его проблеме. Потом, как оказалось, он переправил документ Келлеру, и уже через два часа Хелене поступил звонок с предложением посетить начальника. Вызов автоматического такси, десять минут езды по улицам Мидгарда, и вот они вдвоём входят в кабинет Келлера. Времени на то, чтобы посмотреть в окно, не остаётся.

— Садитесь, — советник приглашающим жестом указал на мягкие кресла. — Я прочитал ваш доклад, доктор Моргенсен. Признаться, меня он напугал.

Хелена слегка поморщилась. Ей не нравилось, когда её называли «доктор». В конце концов, ей всего двадцать два года — земных года — и в былые времена она только заканчивала бы университет. Конечно, Хелена отдавала себе отчёт, что она живёт не в двадцатом веке и сейчас дети в школу идут, едва достигнув четырёх лет, но такое обращение всё же что-то задевало в душе. Для Снежной королевы, как её вполне заслуженно звал Драгомиров, это было весьма редким явлением.

С другой стороны, Келлер был одним из немногих, кто относился к ней, как к человеку. Ему можно и простить.

— Понимаю, — ровным голосом сказала она.

— Вы не нашли подходящего животного среди известных нам и спрогнозировали его портрет. На основании каких данных?

— Ну... — ординатор запнулась. Как объяснить слепому, что такое красный цвет? — Я смоделировала ситуацию по отчёту доктора Драгомирова и выделила качества, которыми должен обладать убийца. Затем я перебрала возможные варианты реализации этих качеств в биологическом объекте и оставила наиболее вероятные варианты. Биохимия существ Фрейи очень похожа на нашу, так что точность прогноза...

— Так, — Эдмунд забарабанил пальцами по столу. Иван хранил гробовое молчание. —

Значит, точность вы гарантируете?

— Девяносто пять сотых, что существо похоже на один из предложенных мною вариантов.

— Это уже достаточно много.

— Тебе бы в сценаристы ужастиков податься, с такой-то фантазией, — буркнул Драгомиров.

Фантазия у Хелены полностью отсутствовала, но, с другой стороны, может, так и пишутся книги? Моделируется ситуация, рассматриваются варианты, рассчитываются вероятности. Только Хелена делает это осознанно, а нормальные люди — нет.

Нормальные люди. Ну да. Тут и спорить не о чем. Она — ординатор. Среди ординаторов нормальных нет. Драгомиров ей каждый день об этом напоминает.

И ничего ужасного в своём выводе Хелена тоже не видела. Нечто вроде ядовитой мурены, нечто вроде осьминога с ядовитыми щупальцами, нечто вроде ракоскорпиона. Возможно, их и можно показать в каком-нибудь фильме. Но это ведь потенциально реальные существа, не больше того. Зачем снимать о них кино?

— Вы дадите санкцию на исследовательскую миссию? — подал голос Драгомиров. Он был мрачен и угрюм. Впрочем, он всегда был мрачен и угрюм, точно ему только что сообщили о смерти любимого хомячка. Другим Хелена его никогда не видела.

— Да. Но, Иван, вы же понимаете, что в этот раз безопасность должна быть абсолютной? С вами отправится усиленная охрана.

— Без проблем, — Драгомиров пожал плечами, но Хелена увидела, как в его глазах вспыхнула злость. — Но возглавлю миссию я.

— Разумеется. Тогда через неделю.

— Неделю? — на лице Ивана не дрогнул ни один мускул. — Зачем столько времени?

— Нужно хорошо подготовиться, — серьёзно ответил Эдмунд. — Наберите пока себе команду. Ваш лимит — десять человек, ещё шестерых пришлёт служба безопасности. Я направлю вам список, когда они разберутся.

— Хорошо, — Драгомиров глубоко вздохнул. — Тогда разрешите откланяться.

Эдмунд кивнул. Хелена собралась было подняться, но советник жестом остановил её.

— Оставайтесь, доктор Моргенсен. Если не возражаете.

Иван молча вышел из кабинета, даже не оглянувшись. Разумом Хелена понимала, что он взбешён, но в душе по-прежнему царило совершенное спокойствие. Вот они, гены ординатора: полное отсутствие эмпатии. Ещё один подарок учёных.

Дверь закрылась, и воцарилась тишина.

— Не буду ходить кругами, и моё, и ваше время слишком ценно, — нарушил молчание Эдмунд. — Мы хотим восстановить проект «Метаморфоз».

Это известие не прошло мимо нервной системы Хелены, и девушка вздрогнула. Грандиозный генетический эксперимент на людях столь же грандиозно провалился в конце двадцать первого века, лет за десять до Чёрного дня. Под давлением напуганной общественности даже в Китае приняли закон о запрете генных изменений человеческого мозга. О более либеральных странах и говорить нечего.

Причиной стала лишь одна ошибка, но этого хватило с лихвой.

— И что требуется от меня? — спросила Хелена, уже зная ответ.

— Генетический материал. У нас, конечно, есть вся документация по проекту, — Эдмунд неопределённо махнул рукой в сторону погасшего монитора, — но мы сейчас не в

состоянии редактировать геном с нуля. Работать с готовыми тканями проще. Если вы только согласитесь...

— Нет.

— Почему? — он напрягся.

— Потому что это слишком опасно для объектов эксперимента. Я не вправе брать на себя ответственность, которая будет на мне, если вы внедрите в зародыши детей мои гены. Вам потребуются серьёзные аргументы, чтобы переубедить меня насчёт этого.

Несколько долгих секунд Эдмунд молчал.

— Нам нужны ординаторы, — наконец сказал он. — Нас слишком мало, доктор Моргенсен. Людей, я имею в виду. Один ординатор заменяет целый отдел, который можно направить на другие задачи. Да вы и сами это знаете. Но у нас их всего пятеро. Пятеро уцелевших из тысячи!

— Разве не создатели виноваты в смерти остальных? — спокойно спросила Хелена.

Эдмунд тяжело вздохнул.

— Виноваты многие, — сказал он. — Ошибки... случаются.

Повисла тишина. Это была болезненная тема — даже для Хелены. В первую очередь потому, что она сама являлась продуктом «Метаморфоза». И косвенно была причиной его закрытия.

Ординаторы, люди-счётчики, способные решать в уме дифференциальные уравнения и многократно эффективнее использовать прямое подключение к компьютеру. Вот какой была главная цель проекта. Остальные линии — всего лишь дополнение. Улучшенное цветовое зрение, усиленная синаптическая пластичность — всё это ерунда. Генетики создавали хомо суперус, сверхчеловека, изменяя мозг хомо сапиенс.

И, конечно, у них ничего не вышло.

Первые смерти начались, когда дети достигли тринадцати лет, и очень быстро стали настоящим девятым валом. Учёные всё же нашли корень проблемы, но от их подопечных к тому времени осталась лишь жалкая горстка. Хелена сама с трудом пережила кризис, едва не вскрыв тогда себе вены — не от несчастной любви, как случается в таком возрасте, а потому, что начала превращаться из девочки в женщину, и гормональная волна накрыла изменённый генетиками мозг. Он не справлялся с тем, чем его наделили. Шёпот в голове, галлюцинации и навязчивые мысли — побочные эффекты от изуродованных генов в её ДНК, отвечающих за работу мозга. Только помощь подруги, такого же модификанта, но с куда более безобидными изменениями, позволила Хелене справиться.

Теперь её внутренние демоны сидели где-то очень глубоко и не давали о себе знать. И самым страшным кошмаром было жить с осознанием того, что однажды они могут проснуться.

— И вы хотите вырастить ещё несколько тысяч ординаторов в расчёте, что хотя бы пара сотен из них останутся в живых? — наконец спросила Хелена.

— Не пара сотен. Ваши коллеги погибали, потому что м... хм. А, тёмная энергия! Мы именно мы тогда не знали, почему это происходит. Но сейчас причина известна, и мы можем её устранить. Можем. Вам нечего опасаться.

— Я подумаю, — ровным голосом сказала ординатор. — Полагаю, остальные отвечали вам так же.

Её собеседник вздохнул.

— Я буду рад, если вы согласитесь, доктор.

— Моё решение не будет продиктовано иррациональными причинами, советник. Радоваться здесь нечему.

Через минуту она уже стояла в коридоре, у окна.

Город лежал внизу, сверкая в свете Альфы. Белоснежные дома, похожие на надутые ветром паруса. Редкие высотки административных зданий. Десятиэтажка Центра контроля биологических угроз — сейчас ординатор спустится вниз, вызовет такси и уедет туда. Подальше от Келлера с его предложениями.

Хелена прислушалась к себе. Нет, она не испытывала злости. Отвращение, неприязнь, презрение — всего лишь слова. Она оценивала слова Келлера будто со стороны. Да, ординаторы нужны городу. Да, она может отдать частичку себя и зачать детей, которых никогда не увидит. Но риски велики, а её личный этический кодекс запрещает подобный поступок.

Навязан ли он извне, воспитателями, или Хелена придумала его сама? Сегодня она впервые задумалась над этим.

Научно-исследовательское судно UFS “Sigyn”, 36 мая. Джеймс Гленн

Он почти не замечал качку — на море стоял штиль. Вообще говоря, капитан вовсе не был «морским котиком» и океану неизменно предпочитал сушу, пусть даже душные джунгли или пустыню, где каждая попавшая под одежду песчинка становится острым ножом, вонзающимся в плоть. Тем более что современная армейская одежда хорошо защищала от песка. Но его предпочтения мало кого интересовали, а нелюбовь Джеймса к океану была не настолько сильной, чтобы отказаться от задания. Так что когда по возвращению из Мёртвого пояса ему отдали приказ сопровождать морскую экспедицию на единственном корабле Фрейи, капитан без раздумий отправился в порт. Всяко это лучше, чем сидеть дома.

А когда оказалось, что каюту ему придётся делить с Фионой Кристофоретти, настроение поднялось ещё больше: знакомые люди всегда лучше незнакомцев. Даже такие, как Фиона.

Итальянка, правда, с виду его настроения не разделяла, и её шуточки стали только острее. Но против отравившего носорожьёю кожу капитана это было как слону опухло.

На самом деле Джеймс с удовольствием поселился бы в матросском кубрике — он ещё застал те времена, когда женщин и мужчин селили отдельно, делая исключение только для женатых пар. Но времена меняются. Феминизм процветал весь демократический двадцать первый век, и вот он, результат. Скажи кто юному Джеймсу, что в будущем он предпочтёт коренастых волосатых мужиков обществу шикарной брюнетки с третьим размером груди и аппетитной фигуркой, рядовой Гленн только покрутил бы пальцем у виска. А сейчас... То ли это офицерское звание его так изменило, то ли настроения в социуме стали другими. А может, он просто постарел.

Не то чтобы ему не нравилась Фиона как женщина, скорее наоборот, но вот поговорить с ней было ровным счётом не о чем. Слишком у них оказались разные интересы. С матросами всегда можно обсудить баб, выпивку, ну и прочие чисто мужские темы. И неважно, какое там у кого хобби. А эта девица всё время в своей биоинженерии и прочих науках, погрузилась с головой, только макушка из пучины видна. Мифы народов мира, которые очень уважал капитан, ей были совершенно неинтересны. Он, конечно, не спорил, но не зная, кто такой Сет — это оставалось выше его понимания.

Впрочем, в любом случае итальянка была намного лучше какой-нибудь занудной брюзгливой карги, разменявшей седьмой десяток, и Джеймс не жаловался на жизнь. Фиона тоже. По крайней мере, вслух.

Их «Сигюн» остановилась в миле от берега — фарватер в этих местах был полностью неизвестен, и к приливной зоне предполагалось пойти на глайдерах. Над головой висел неизменный Альфригг, остальных спутников видно не было, и шёл отлив. Даже отсюда Джеймс мог видеть обнажившееся дно и выеденные водой скалы, наверняка служившие жилищем для множества морских обитателей. Их-то и собирались изучать биологи. В первую очередь — на предмет опасности для людей.

Заскрипели канаты, и дно глайдера с плеском ударилось о воду. Капитан привычными движениями отцепил фалинь и включил двигатель — тот послушно зажужжал, всасывая воду. Дно тут, конечно, поди знай какое, но на мель сесть глайдеру не грозит — для такого случая у него имеются колёса, ныне прижатые к бокам. Опустил полуоси, и съезжай себе

спокойно обратно в воду, как на автомобиле. Мечта, а не машина.

— Не гоните слишком быстро, капитан, — услышал он. — Тут могут быть рифы.

Джеймс послушно снизил скорость. На местах для пассажиров, кроме Фионы, сидело ещё трое каких-то хмырей неприятного вида, которых он до того в глаза не видел. Ну, пускай развлекаются на берегу. А он будет стоять на страже и смотреть, как бы кто из местных тварей не закусил биологами. После того, как на одном из плавучих островов кого-то из учёных таки слизнули, в этом нехитром деле появилось куда больше смысла.

Фрейя утаивала слишком много, чтобы сбрасывать это со счетов. Ядовитые насекомые, ядовитые змеи, ядовитые птицы — всего не перечислить. Прячущиеся в норах крабы-охотники размером с винт дикоптера, медузы, полипы. А в море время от времени датчики ловили инфразвуковые сигналы, суть которых всё никак не могут понять научники. Много тут ещё странного, а странное вполне может оказаться опасным.

— Группа Гамма вызывает «Сигюн», — сказал он в рацию. — Доложите обстановку.

— Чисто, сэр, — ответили с корабля. — Ни слонов, ни Тарзанов.

Это означало, что беспилотные квадрокоптеры не обнаружили с воздуха ни крупных животных, ни хоть сколько-нибудь разумных аборигенов. Правда, на Фрейе главную опасность представляли не «слоны», а мелкие насекомые и рептилии, подавляющее большинство которых вполне могло если не убить человека, то надолго отправить его в госпиталь. Если верить документации, комбез защищал от укусов, но Джеймс давно привык, что даже самая современная техника может подвести.

Ближе к приливной зоне появились и обещанные рифы — прямо со дна, едва выглядывая из воды, торчали острые камни. Их пришлось огибать, а в какой-то момент днище глайдера заскребло по песку, и Джеймс сдвинул рычаг перемены режима хода. Машина слегка вздрогнула, становясь на колёса.

— Нет-нет, отсюда мы пойдём пешком, — поспешно заявил один из «хмырей». Джеймс пожал плечами и, отъехав от кромки воды, остановил глайдер.

— Последняя остановка, не забываем в салоне свои вещи, пожалуйста, — объявил он. Фиона одарила его ледяным взглядом. — Не смотрите на меня так, док. Надо же хоть как-то вас веселить.

— Остроты оставьте при себе, милый мальчик. Я развеселюсь, когда осмотрю эти скалы, — пробурчала итальянка.

— Что же в них такого интересного? Ну, да, стофутовая приливная волна захлёстывает вершину обрыва, картина величественная. Но такое на Фрейе везде, не только в этой зоне, к тому же сейчас отлив. Гномы стараются.

— Гномы?

— Угу. Думаете, в честь кого называли фрейские луны? Альфригг, Двалин, Грер, Берлинг?

— Никогда не задумывалась, — мрачно отозвалась Фиона, разглядывая скалы. Ноги людей вязли в крупном песке, идти было тяжело, и ничто не скрывало эмоций итальянки, которая явно была готова удушить парня, предложившего идти пешком. Тот старательно делал вид, что смотрит куда-то в другую сторону.

— Это легенда о Фрейе, богине весны древних скандинавов. Как-то раз она гуляла по лесу и набрела на пещеру, где четверо гномов любовались чудесным ожерельем. Ну и, конечно, Фрейя захотела получить его. Только гномам не нужны были ни золото, ни серебро, и сперва они отказали богине. Но она всё-таки сумела с ними расплатиться.

— Вот как? — уже слегка заинтересованно спросила Фиона. — Чем же?

— Тем самым! — хохотнул капитан. — Она поочередно отдалась каждому, а взамен получила ожерелье.

— Фу, какая гадость, — скривилась девушка. — Спать с кем-то ради побрякушки...

— Возможно. Но когда наши звёздосексуалы долетели-таки сюда и увидели четыре луны у Фрейи, названия те получили мгновенно. А потом из той же мифологии обозвали и город, и реки, и острова. Конечно, с именем планеты научники облажались ещё на Земле, тут никакой весной и не пахнет, но переименовывать не стали. Символизм, говорят. Глубокий смысл и так далее.

— По мне, так лишь бы прилично назвали, а там уже неважно, — хмыкнула Фиона.

Из песка на миг вынырнуло что-то красное, и Джеймс вскинул автомат. Существо, однако, не стало испытывать судьбу и нырнуло обратно.

— Это что-то вроде рака-отшельника, — с любопытством в голосе сказала Фиона. — Тут очень многие животные двоякодышащие. Эволюция в приливной зоне...

— Лучше посмотрите туда, — подсказал капитан, указывая на скалы. В каменной стене, проеденной эрозией, виднелся круглый вход в пещеру. Двое биологов уже о чём-то разговаривали, то и дело тыча пальцами в сторону входа.

Следующие двадцать минут прошли в спорах и горячих обсуждениях возможного визита в пещеру. Большая часть учёных занялась фотографированием и сбором образцов — тем делом, ради которого они вообще и высадились с «Сигюн», тогда как остальные с совершенно безалаберным отношением к жизни и здоровью полезли было внутрь, и лишь вмешательство солдат заставило их отступить.

— Господа, — сказал Джеймс ледяным голосом, когда установился какой-никакой порядок. Эта группа была, пожалуй, худшей из всех, с кем ему доводилось работать, и вполне заслуживала эпитета «тупые самоубийцы». — Мне, честно признаюсь, на ваши жизни наплевать, ну вот кроме разве что этой милой девочки, — он кивнул в сторону Фионы, и та презрительно скривила губы. Капитан ухмыльнулся. Око за око. — Но если вы там подохнете, начальство устроит мне выволочку, а я этого не хочу. Так что сначала мы посмотрим, что там внутри, а потом уже сунемся сами. Понятно?

Крыть биологам было нечем, и молодой сержант притащил с одного из глайдеров зонд-разведчик. После чего Джеймс вынужден был признать поражение — пещера оказалась неглубокой и совершенно безопасной. Правда, за это время открыли ещё несколько пещер в окрестностях, но капитан заявил, что без предварительной разведки никуда никого не пустит, и всё внимание сконцентрировалось здесь.

В конце концов внутрь вошёл один из солдат с автоматом наготове, отрапортовал «чисто», и следом, радостно гомоня, потянулись учёные. Фиона осталась снаружи, сложив руки на груди.

— Обиделись? — спросил капитан.

— Нет. Думаю, как отомстить.

Джеймс фыркнул.

— Это низменные чувства, которые вас отвлекают от основной цели, то есть изучения местности. Вот, например, видите? — он указал на полустёртый рисунок у входа в пещеру. — Как вам теория о том, что это сделали разумные существа?

Фиона молча подошла к скале и принялась разглядывать рисунок. Чёткие ровные углубления в известняке — или чём-то похожем на известняк — действительно напоминали

некий символ, трудноразличимый из-за многолетней эрозии. В нём была странная симметрия, которой не встретишь в следах животных.

— Никогда не думала, что скажу такое, но выглядит действительно похоже на творение разума, — нехотя ответила итальянка.

— Вздор! — раздалось над ухом. Джеймс слегка повернул голову — из пещеры, согнувшись, выходил седовласый мужчина. Серо-зелёный облегающий комбез делал высокого тощего биолога похожим на какого-то инопланетянина из древней фантастики. — С чего вы такое решили, майн юнге фрау?

— Симметрия, доктор Юнцт. Если бы это оставило животное...

— Абсолютная случайность, — с уверенным видом заявил биолог. — К тому же вы делаете выводы по очень неполной информации. И чем, по-вашему, местные дикари это вытачивали? Смотрите.

Он провёл пальцем по углублению, счищая слой соли. Под ним обнаружилась идеально круглая впадина, подточенная водой и ветром, но ещё ровная.

— Никакой резак не оставил бы такую поверхность, — добавил Юнцт. — А если бы здесь существовала развитая цивилизация, за три месяца мы бы обнаружили её следы.

— Возможно, вы и правы, — вздохнула Фиона.

— Не забивайте себе голову романтикой, дорогая. Романтика — это прекрасно, но в нашей работе она лишняя. Знаете, что мы нашли в пещере? Кости, и судя по всему, кости гуманоидов. Но вы же не думаете, что они принадлежали разумным существам?

Он повернулся и пошёл вдоль берега. Джеймс ухмылялся, глядя доктору Юнцту в спину.

— Вам смешно? — буркнула итальянка.

— Док Юнцт, конечно, мужик умный, но всего знать не может, — со смешком заметил капитан. — И он был прав насчёт неполной информации.

— У вас гениальная идея? — фыркнула Фиона.

— Только предположение. Вы слышали о гебридном методе? Его придумали на Новых Гебридах. Там есть, вернее, уже были когда-то улитки, выделявшие кислоту. Их сажали на камень и...

— Но тогда углубление получилось бы эллиптическим, а не круглым.

— Ну, я же гипотезу высказываю, — пожал плечами Джеймс. — Мало ли каким животным пользовались здешние Тарзаны. Те вот самые, чьи кости в пещере нашли. Но теория интересная, не находите?

Фиона кивнула. Всё её внимание было поглощено рисунком, и, кажется, оттащить от него итальянку сейчас мог бы разве что танк с лебёдкой.

— Сюда бы ординатора, — добавил Джеймс.

— Ординатора... — протянула Фиона. — Капитан, у вас ведь шлем с камерой, да? Сделайте фотографии рисунка — этого, вон того, да, наверное, и всех. И перешлите на мой коммутатор в комбесе.

— У вас есть знакомый ординатор? — удивился тот, послушно поворачивая голову в сторону рисунка и нащупывая пальцами нужную кнопку. *Сохранено как File001*, — появилась надпись в углу экрана.

— Не знакомый, а лучшая подруга ординатор. Она работает в Центре биоугроз, но, думаю, по знакомству сделает для меня небольшой анализ. Фотографируйте, капитан. С разных ракурсов. И макросъёмкой тоже, все мелкие детали. Надо будет ещё сделать трёхмерную модель...

Это было совсем непривычное дело для лингвиста, к которым Вика причисляла себя прежде. Впрочем, с математикой у неё никогда проблем не было, несмотря даже на общий гуманитарный уклон профессии, а языки программирования, как ни крути, всё-таки языки. Ничего сложного, надо только приноровиться.

У неё был достаточно обширный выбор. Например, наблюдатель на станции — эти вообще толком ничего не делали целыми днями, знай посматривай себе на приборы, отвечай на запросы из города да пару раз в день выезжай на осмотр окрестностей. Можно весь день посвятить творчеству, самообразованию и прочим прелестям жизни. Или вот научные экспедиции по всей планете — штука поинтересней. Надо только пройти короткий курс обучения, и вот ты уже умеешь запускать квадрокоптеры или устанавливать всякие научные приборы. Вика, однако, ездить не любила. И как-то само собой получилось так, что она оказалась здесь.

С тех пор, как 3D-печать захватила буквально всё отрасли земной промышленности, прошло не так много лет. Мало ведь придумать технологию, надо её сделать рентабельной. Но то, что было экономически невыгодно землянам, стало единственно возможным здесь, на Фрейе. И люди везли с собой на чужую планету не технику, а инструменты для её изготовления.

Только робот всё равно не может изготовить что-то сам. Ему нужны указания. Вот и занималась Вика именно тем, что училась эти указания составлять.

— Недурно, — прокомментировала Софи Дюбуа, изучая программу. — Для человека, который этим занимается месяц, вообще отлично.

Вика потупила взгляд. Софи было за тридцать, а ей — двадцать два, что нисколько не мешало моментально зародившимся приятельским отношениям. Кроме того, Вика превосходно говорила по-французски, и это вносило в дружбу отдельную лепту: Софи терпеть не могла грубый, по её мнению, английский язык. Вика была не согласна, и иногда жарко спорила насчёт этого с новой подругой. Она приводила в пример Чосера, Шекспира и Спенсера, Софи отвечала целой плеядой французских поэтов. К единому мнению им прийти никогда не удавалось, но от этого становилось только интереснее.

— Ладно, отдохни немного, — добавила француженка. — Всё равно через десять минут обед. И приготовься — у нас будет настоящее задание, а не эта ерунда, — она махнула рукой в сторону экрана, на котором виртуальный робот ловко рисовал сложную стержневую фигуру. Ту, которую только что программировала Вика.

— Настоящее задание? — спросила она.

— Да. Подводная лодка для океанографических исследований. У нас есть чертежи одного из старых аппаратов, очень удачного, но нужно адаптировать их под новую технику. Этим мы и займёмся, точнее, ты. В общем-то, те же упражнения, только детали теперь будут настоящие, не абстрактные. Конечно, всю основную часть сделают профессионалы, там нужна сильная математика, но кое-что...

— Подводная лодка, — задумчиво проговорила Вика. — Ты ведь слышала новости?

— Про убитого учёного? — хмыкнула Софи. — Конечно. Это из-за него и началось. Начальник Биослужбы хочет изучить плавучие острова, точнее, их подводную часть. Будет искать животное, которое это сотворило, есть там у них какие-то подозрения, какие — не

знаю, но что-то серьёзное. Вот мы и сделаем для этого нужную технику. А скоро туда стартует экспедиция для наземных исследований, и я лечу с ними.

— Поздравляю.

— А, пустое, — отмахнулась та. — Я сейчас сижу с тобой только потому, что до вылета ещё куча времени. У наших инженеров полно работы, а твоё обучение — вроде как отдых такой. Программирование — не моя специальность, так, нахваталась по верхам. Но основы преподавать могу.

— Знаешь, мне грустно, — вздохнула Вика. — То, что я изучала дома, здесь оказалось бесполезным и только занимает лишнее место в голове. Мои знания по лингвистике тут не нужны никому. Может, лет через тридцать пригодятся. Или сорок. И попала я на борт ковчега только потому, что мой отец — тоже инженер, специалист по системам инкубаторов.

— Не грусти, — посоветовала Софи. — Ты именно потому и учишься, что не хочешь мириться с этим. К тому же очень быстро учишься, я, честно говоря, удивлена. По возвращению с островов напишу мсье Орлову записку о твоих успехах.

— Не надо.

— Надо. Пусть знает, что ты вся в него пошла, — она громко фыркнула.

— И всё-таки, — Вика задумчиво посмотрела в окно, на тёмное небо, где крохотным сияющим диском висела Бета, а под ней сверкал Двалин. — Я смогла найти занятие себе по душе. А смогут ли они?

— Остальные? — Софи тоже посмотрела на небо. — Не знаю, Вики. Мне, честно говоря, всё равно.

Центр контроля биологических угроз, 37 мая.

Хелена Моргенсен

Плесень густым комком лежала в металлической банке и будто шевелилась под взглядом ординатора. Хелена знала, что это всего лишь иллюзия, но не могла отделаться от странного ощущения, что за ней наблюдают.

Ей не потребовалось много времени, чтобы подтвердить вывод врача: плесень выделяла плавиковую кислоту. Хватило, вообще говоря, пятнадцати секунд, даже химический анализ был только окончательным подтверждением. Только задача Хелены была вовсе не в том, чтобы определить биохимию плесени.

Она должна была понять, что эта дрянь делала на колоннах автострады.

Бетонные конструкции изрядно разъело, но строители быстро восстановили все опоры. А команда спецназовцев с огнеметами прошла вдоль берега, найдя и уничтожив ещё три рассадника плесени. Больше эту штуку не нашли нигде, и этот фактор вносил разброд в стройную картину анализа.

Хелена не знала, откуда появилась плесень.

Она просто не встречалась в джунглях Фрейи.

В конце концов ординатор выдернула разъёмы из шейных имплантатов и откинулась на спинку кресла, позволив себе расслабиться. Данных не хватало. Её работа сделана. Осталось только набросать отчёт Келлеру. Пусть сам думает.

Научно-исследовательское судно UFS “Sigyn”, 37 мая. Фиона Кристофоретти

Совершенно обессиленная, Фиона слезла с капитана и растянулась на койке. Разгорячённое сердце слегка замедлило бег, а по обнажённому животу заскользила мужская рука.

— Ну... Наше сотрудничество продолжилось весьма приятно, — едва слышно прошептала итальянка.

— После экспедиций в Мёртвый пояс и зону приливов о таком исходе я не думал, — сказал Джеймс.

— О каком? — она приоткрыла один глаз.

— О постели. Хотя как раз в постель мы так и не забрались... — капитан окинул взглядом девственно чистую и аккуратную койку, которую они каким-то чудом ухитрились не разворошить.

— А... — Фиона вздохнула и перевернулась на живот. Чего-то такого она и ждала. — Ну, знаешь, сначала я решила, что ты просто тупой солдафон. Но я не занимаюсь любовью с тупыми солдафонами. Мне интересно отдаваться интеллекту, а у тебя, как оказалось, он есть. Так что раз уж мы временно живём вместе и не питаем друг к другу отвращения... ну, ты понял.

— Понять-то нетрудно, — усмехнулся американец. — Слушай, ты разрешишь задать интимный вопрос?

— После того, чем мы тут занимались, что ещё такого интимного ты хочешь обо мне знать?

— Твой возраст.

Фиона хихикнула. Капитан, кажется, сильно отстал от жизни в своих африках: этот вопрос вышел из разряда интимных ещё в её детстве.

— Восемнадцать.

— В земных годах или фрейских? — уточнил Джеймс.

— Ты лучше спроси, хронологический это возраст или биологический.

Капитан сел и помотал головой.

— Тут и думать не надо, — сказал он. — «Авангард», то есть «Спаситель» летел к Фрейе сто десять лет, значит...

— Конечно. Ладно, если тебе интересно, то я родилась двенадцатого апреля две тысячи шестьдесят первого года по старому календарю. Хронологически мне, значит, сто тридцать два — это если не учитывать всякие эйнштейновы игры со временем во время полёта. Биологически, если вычеркнуть гиперсон — двадцать два. А фрейских лет — восемнадцать. Так что я всё равно совершеннолетняя, по любым законам, можешь не беспокоиться, — она вновь хихикнула. — А сколько тебе?

— Тридцать один.

— Земных или фрейских?

— Тех, что в паспорте, — улыбнулся Джеймс, и Фиона захохотала. Капитан ответил ровно так, как и должен был ответить человек его профессии.

— Военный, — она шутливо ткнула его кулаком в бок, и в тот же миг где-то на палубе взвыла сирена.

— Чтоб меня сверхразум отодрал! — Джеймс вскочил с койки.

— Сирена? — растерянно спросила Фиона, теряя весь игривый настрой.

— Общая тревога! — капитан уже торопливо продевал ноги в штанины комбеза. — А учений у нас не запланировано, так что одевайся! Живо!

Всё ещё ничего не понимая, итальянка последовала его примеру. Ожил динамик системы оповещения на потолке, что-то зашуршало, закрипело, и раздался голос дежурного:

— Внимание! Всем гражданским оставаться в каютах. Не выходите на палубу, это опасно. Это не учебная тревога. Повторяю...

Загрохотали выстрелы. На «Сигюн» стояло два крупнокалиберных пулемёта и, кажется, оба они сейчас работали на полную. Джеймс торопливо щёлкнул магнитной застёжкой, выхватил из стенного крепления автомат и шагнул к двери.

— Постой! — Фиона бросилась к нему, сжимая в руках одежду. — А я?

— А ты возьми пистолет в руки и сиди здесь, — уже выходя в коридор, заявил капитан.

Фионе ничего не оставалось, как подчиниться.

Уже в спокойном темпе она натянула комбез и включила все системы. Нарукавный дисплей засветился, виновато проговаривая: «загрузка». Затем он словно очнулся и мигнул, отобразив текущие параметры костюма.

Энергозаряд аккумуляторов — почти полный. Пульс — в норме. Медблок в наруче — под завязку, все компоненты. Хоть сейчас иди воюй. Фиона мельком взглянула на иллюминатор — вместо привычной для Земли ночной темени за стеклом стояли сумерки, затянутые туманом. Бета светила неярко, но куда сильнее Луны. А ведь тут были и свои спутники тоже.

Тело постепенно остывало от любовной неги. Фиона была бы совсем не против, чтобы Джеймс взял её ещё разок, и это оставляло неприятный осадок. Ну, ничего, тревога рано или поздно закончится, и усталый капитан захочет отдохнуть. И тогда выбора у него не будет.

На всякий случай Фиона проверила и пистолет, убедившись, что тот заряжен и исправен. Стрелять из него ей доводилось пока только в тире, но всё ведь случается когда-нибудь в первый раз.

Хуже всего было то, что ей придётся ещё невесть сколько сидеть в этой сверхразумом проклятой каюте и ждать. Ждать, не зная, что происходит наверху. Вряд ли кто озаботится держать её в курсе событий. И что вообще произошло? Фиона прекрасно понимала: это не банальный шторм. Волнение на море присутствовало, что добавило интересных ощущений двадцать минут назад, но всё же не такое серьёзное, чтобы создать угрозу «Сигюн» и её восьмистам тоннам водоизмещения. И, самое главное, по шторму не стреляют из пулемётов.

Значит, нападение на корабль? Только кто тогда напал?

Фиона терялась в догадках — состояние, которое она ненавидела больше всего. И с удовольствием сделала бы больно тем, кто её в такое состояние ввергал. Хотя бы потому, что незнание часто бывает опасно для жизни.

С палубы вновь донеслись выстрелы. На этот раз всё было куда серьёзнее: грохотали автоматы, кто-то надрывно ревел от боли — больше всего этот крик напоминал вопли раненого слона. Какая-то рыбина вылезла из моря, и теперь brave морпехи расстреливают её в упор? Фиона прильнула к иллюминатору, стараясь разглядеть хоть что-то в тумане и полумраке, но тут же отпрянула обратно.

В море кто-то был. Фиона успела увидеть лишь силуэт — огромный, точно синий кит,

и, кажется, с головой на длинной шее. Плезиозавр, автоматически отметилось в мозгу. Нет, конечно, это был не плезиозавр: другая форма, другой вид, но что-то очень похожее на него. Нет, тёмная энергия, она не знала, что это такое. Вообще. Она только слышала плеск воды и видела сгусток тумана. Ей просто показалось.

А-а-а-а-у-у-а, протяжно затрубило создание.

Фиона почувствовала, как у неё дрожат колени. А может, это просто вибрировали стены и пол каюты.

А-а-у-у-о-о-а.

Крики раненого животного на палубе стихли, и на короткое мгновение наступила тишина. Послышались приглушённые команды — какие, отсюда понять было невозможно. Фиона с надеждой посмотрела на динамик системы оповещения, но тот молчал.

А-а-у-о-а.

Существо бросилось на корабль.

Наверное, что-то такое ощущал экипаж «Пекода», когда на него обрушился Моби Дик. Тёмная туша ударилась о борт «Сигюн» где-то в районе кормы — это было всё, что успела увидеть Фиона. Корабль тряхнуло, точно деревянную поделку, девушку сорвало с места и крепко приложило о стену. Полуоглушённая, она попыталась встать, но следующий удар вновь сбил её с ног.

Лёжа на полу, сквозь плывущий перед глазами туман Фиона увидела смявшийся металл стенок, выглядевший так, будто в него врезался поезд. Стекло иллюминатора разлетелось на осколки, и внутрь ворвалась ночная прохлада.

Повезло, — отрешённо подумала итальянка. Возьми чудище на пару метров в сторону, и Фиону попросту раздавило бы.

Она немного выждала, но чудищу, кажется, надоело соперничать со сталью. Зато в ночи вновь раздалась трескотня автоматных очередей.

Держась за стены и пошатываясь, Фиона поднялась на ноги. Голова сильно болела — кажется, это она ушиблась при ударе. Пришлось коснуться кнопок медблока, приказывая электронике ввести обезболивающее и стимулятор. Аппарат недовольно пискнул, но всё же кольнул руку иглой, и через минуту сознание слегка прояснилось.

А-а-а-а-у-у-о-о-а, — донеслось снаружи. Фиона вздрогнула. Что бы там ни требовал дежурный, оставаться в искорёженной неведомой тварью каюте она не собиралась.

Быстрый осмотр показал, что дверь заклинило. Единственным выходом был разбитый иллюминатор — узкий, но и Фиона вовсе не была толстухой. Плечи должны были пролезть, а раз так, пролезет и грудь, и всё остальное.

Несколько минут у неё ушло на то, чтобы вытащить из пазов остатки стекла. На море вновь затрубил кит-плезиозавр, и теперь Фиона ясно увидела его, освещённого тусклым светом Беты — погружённую в воду необъятную тушу, рассекающую волны. Существо высоко подняло голову и плыло прочь от разбитого им корабля.

— Ну и проваливай, — сказала Фиона, вытаскивая последний осколок. Затем она осторожно выглянула наружу, повернула голову — и замерла.

Прямо в лицо ей смотрел инопланетянин.

Существо было гуманоидным, а может, просто таковым казалось: согнутая поза не позволяла рассмотреть его лучше. Вместо кожи его покрывала мелкая красно-чёрная чешуя, на совершенно бездушной морде речного окуня поблёскивали выпуклые рыбы глаза. Их было четыре, и все четыре с холодным безразличием изучали Фиону.

Кр-кр-куаф, — сказала существо и одним плавным движением перемахнуло через фальшборт. Мелькнули красноватые спинные плавники, длинный хвост, заканчивающийся широкой ромбической пластиной, и через несколько секунд снизу донёлся громкий всплеск.

— Фиона! — донеслось откуда-то сбоку.

— Я здесь! — сбросив оцепенение, крикнула она.

— Назад! — рывкнул Джеймс. Что-то было в его голосе такое, что итальянка даже не подумала спорить и просто юркнула обратно в каюту. Грянула очередь выстрелов, что-то тёмное пронеслось снаружи и тут же заревело от боли, когда вновь загрохотал автомат. По спине Фионы пробежал липкий холодок: не спрячась она, вполне возможно, неведомая тварь оторвала бы ей голову.

— Ты в порядке? — в иллюминаторе появилось лицо капитана.

— Более-менее, — Фиона бросилась к нему. — Дверь заклинило, не могла выйти. Что происходит?

— Какие-то твари напали на команду, — Джеймс принялся помогать ей протиснуться сквозь узкое оконце. — На вид как ящерицы. А потом припёрся этот чёртов китозавр и раздолбал нам корму. Корабль пока не тонет, но объявлена эвакуация гражданских. Вертушка уже наготове.

— У меня не работает система оповещения.

— Неудивительно, — капитан одним последним рывком вытащил девушку из каюты и поставил на ноги. — Стреляешь хорошо?

— Ну...

— Понятно. Тогда не пали впустую. Только если точно уверена, что попадёшь. Ясно?

Фиона кивнула. Прежде довольно мягкий в общении, теперь капитан отдавал ей приказы, точно суровый учитель первоклашке. Но никаких вопросов у итальянки не возникло. Сказали — выполняй. Как в армии.

Она взглянула на расстрелянное Джеймсом существо, вздрогнув от мимолётного страха. Пожалуй, только склонный к простым терминам военный мог обозвать *это* ящерицей. Закрытая белой костяной пластиной вытянутая безглазая голова ничем не напоминала земных животных. Шесть цепких когтистых лап ещё подёргивались в последних конвульсиях. Существо было мертво — пули разворотили ему длинную, как у цапли, шею, но даже сейчас казалось опасным. Лишь огромным усилием воли Фиона заставила себя обойти его, особенно страшась длинного хвоста с шипом на конце — она уже привыкла, что на Фрейе очень многие животные вооружены ядом, и посмертная судорога вполне могла захватить её с собой на тот свет. Но тело осталось недвижимым.

— Он слепой? — растерянно спросила Фиона.

— Когда был жив, таким не казался.

Нет, это определённо был не тот антропоид, прыгнувший в воду. Но тогда получалось, что на корабль напали по меньшей мере три разных вида животных. Одновременно.

Потом будешь думать об этом, — сказала себе девушка.

Палуба была залита кровью. Пару раз Фиона поскальзывалась, и только крепкие руки капитана удерживали её от падения. Тут и там лежали трупы нападавших — таких же жутких ящериц в человеческий рост, испещрённых пулевыми ранами. Солдаты знали своё дело.

— Дикоптер, — указал Джеймс. Стоявший на носовой площадке транспортник уже завёл двигатели, и поднятый им ветер трепал волосы девушки. — Садись и улетай.

— А ты? — растерялась Фиона.

— Я остаюсь здесь, мы будем ждать буксира. Ходовая часть полностью разбита...

— Ах ты сволочь! — вспыхнула девушка.

— Сволочь, — легко согласился Джеймс и потрепал её по голове. — Не беспокойся, ничего со мной не случится.

— Скотина!

— Вот так всегда, — вздохнул капитан, хватая её за руки и бесцеремонно затапливая внутрь дикоптера. — Позаботьтесь о ней, ребята.

Солдаты ловко поймали бьющуюся девушку и, усадив её в кресло, пристегнули ремни. Фиона ещё пыталась вырваться, ругаясь по-итальянски, пока дверь не захлопнулась. Только тогда она притихла, молча признавая себе, что всё-таки была рада покинуть разгромленный корабль.

Отчёты о происшествии — всегда сложная штука, особенно если происшествие необычное. А нападение на «Сигюн» обычным отнюдь не было.

Джеймс отдал наверх длинный письменный рапорт, расписав до мельчайших деталей увиденных животных — глупая, по его мнению, затея, потому что трупы убитых ящеров всё равно отправились в жадные ручки патологоанатомов Центра, а китозавра кто-то успел снять на видео. Затем его долго расспрашивали биологи, злясь, когда он не мог вспомнить каких-то тонкостей поведения ящеров при жизни, а теперь вот направили к аналитикам. Хоть какое-то разнообразие.

— Короче, если в двух словах, то полный провал, — закончил рассказ капитан. — Всё. Из меня за последнее время выжали что могли. Какие-то подробности?

— Нет, — его собеседница покачала головой. — Пока достаточно.

Рыжую девицу-ординатора Джеймс видел впервые, да собственно, как и ординатора вообще. Слышать — да, слышал много. А вот так, вживую, не встречал. И ничуть не удивился, когда оказалось, что большинство слухов о них — бред сивой кобылы. Больше того, возникло желание хорошенько врезать тому, кто их распространяет.

Девушка как девушка. Спокойная, выдержанная, вежливая. Далеко не страхолюдина, хоть и не дотягивает до его Фионы. Хотя, может, он просто не любит рыжих. Никакой косметики, медные волосы без затей схвачены стальной заколкой. Говорит не очень-то эмоционально, но, чёрт побери, она ведёт допрос, а не Джульетту играет. Так или иначе, за час общения с ней капитан в жизни бы не подумал, что говорит с ординатором. Человеком-счётчиком. Человеком-компьютером. Разве только если не зайти ей за спину и не откинуть в сторону волосы — тогда, насколько он знал, можно будет увидеть выходную панель шейного имплантата. Но до такого интима их знакомство пока не дошло.

Мрачная Фиона сидела рядом, слушая его рассказ. Она по-прежнему злилась на капитана, хотя вроде бы уже поняла, что он просто выполнял инструкции. Скандал, который девушка устроила по возвращению «Сигюн» в порт, дал бы фору даже истерикам матери Джеймса — той ещё стервы. Впрочем, итальянка быстро вспыхивала, но быстро и прогорала: эту черту её характера капитан заметил ещё в самой первой совместной экспедиции. Вот и сейчас она не зашла дальше пощёчин и криков. Джеймс считал, что неплохо знает все эти бабские способы манипуляции мужчинами, и одобрял только один из них, а именно секс. Но пока что Фиона ещё недостаточно успокоилась для этого. Вот вечером...

— Ваш отчёт отличается от рассказа корабельных офицеров и других солдат в мелких деталях, — сказала Хелена Моргенсен.

— Ну, память дырявая, мог что-то и перепутать, — пожал плечами Джеймс.

— Это несущественно. Главным остаётся одно: два вида морских существ явно действовали в кооперативе. Это очень странно.

— Три, — неожиданно сказала Фиона, и они оба посмотрели на неё. — Три вида, Хел.

— Ты видела ещё кого-то? — спросил капитан.

— Да. Существо вроде рыбы-гуманоида. Плавники на спине, перепонки на пальцах, очевидно, преимущественно морской образ жизни. Четыре глаза. Жабры, но дышало оно,

кажется, не ими. Хотя я и видела его очень недолго, оно сразу прыгнуло в море.

Хелена взяла планшет — мельком Джеймс отметил, что она не пользуется новомодными обручами мыслеуправления. Через несколько секунд ординатор повернула экран к ним.

— Эти? — спросила она. На планшете светилась картинка, в которой Джеймс с изумлением узнал фотографию, сделанную им у реки в Мёртвом поясе.

— Трудно сказать, слишком размытое изображение. Какой-то криворукий недофотограф снимал, не иначе, — с откровенно мстительными нотками в голосе сказала Фиона. — Но это действительно что-то похожее.

— Это вносит коррективы, — Хелена задумчиво постучала пальцами по столу. — Никто больше о таком не упоминал. Чем занималось это существо?

— Ничем. Оно увидело меня, что-то крякнуло и тут же прыгнуло за борт.

Хелена прикрыла глаза.

— Почему ты раньше не сказала? — спросила она.

— От меня отчётов не требовали. А этим придуркам из Центра что ни Расскажи, всё впустую.

— Ладно. Мне нужен как можно более детальный портрет, — вздохнула Хелена и принялась наощупь перебирать кабели. — Смотри на экран.

Она ловко воткнула все восемь штекеров куда-то в шею ниже затылка, и монитор показал им окно графического редактора. Серое поле с координатной сеткой, на нём — серый манекен-человечек, глупо смотрящий вдаль.

А потом началось действие.

Фиона рассказывала. «Голова более вытянутая, плавник длиннее. Нет, ещё длиннее. Вот. На хвосте — наконечник в виде ромба. Да. Вот такой». А на экране всё это воплощалось за какие-то доли секунды, итальянка даже не успевала договорить. Хелена полулежала на кресле-кушетке, закрыв глаза, и, казалось, дремала. Только мельтешение в окне редактора говорило, что это не так.

— Простите, что перебиваю, — не выдержал, наконец, Джеймс. На экране уже вырисовался рыбчеловек — очень похожий на тех, кого он тогда видел на гребне холма в Мёртвом поясе, но какой-то другой. Цвета другие, и детали внешности тоже. — Док, но вы ведь даже не смотрите на монитор! Как это у вас получается?

Фиона посмотрела на него, как на идиота. Хелена медленно открыла глаза.

— Мне не нужно видеть монитор, капитан, — сказала она с лёгкой улыбкой — первой за всё время, что Джеймс пробыл здесь. — Он у меня в голове. То, что на экране — для вас.

— В голове? Но...

— Это нейроинтерфейс, только гораздо более продвинутый. Совсем не то же самое, что обруч мысленного управления, к которым вы привыкли...

— А он вообще динозавр, — фыркнула Фиона. — У него даже телефон кнопочный.

— Ну и что? — пожала плечами Хелена. — Телефон, планшет, смартбрасер — разницы никакой. Тебе всё равно надо смотреть на экран, чтобы видеть, что ты делаешь. А я с компьютером работаю напрямую. Закрывая глаза, я ограждаю себя от лишней информации, чтобы сконцентрироваться на работе, только и всего.

— Понял, — кивнул Джеймс.

Рисование пошло дальше.

Модель получилась не очень полигональной — всё же Хелена не была художником. По

качеству графики что-то вроде персонажа из компьютерных игр начала двадцать первого века, и всё равно ординатор слепила это за каких-то пятнадцать минут. Такого Джеймс ещё никогда не видел.

— Посмотрите, капитан, — услышал он голос ординатора и вдруг понял, что сидит и тупо пялится на экран. — Он похож на тех, что вы видели?

— Сложно сказать, — ответил Джеймс. — Я-то их наблюдал с трёхсот ярдов... метров, хоть и в бинокль. Но точно могу сказать, что хвосты у тех были гладкие, без набалдашников. И гребни не такие пышные и другой расцветки.

— Два разных вида? — задумалась Хелена. — Вы сможете описать их? Более детально, чем показывает фотография?

— Ну... — Джеймс посмотрел на экран. — Ладно, док. Запускайте. Что смогу — вспомню.

Ординатор кивнула, а капитан только вздохнул. Пожалуй, встреча с этой девушкой оказалась лучшим, что с ним произошло сегодня.

Он даже сказал себе, что постарается бывать здесь почаще. Исключительно в научных целях. Просто потому, что ему оказалась интересна Хелена Моргенсен и её работа.

Административный центр Мидгарда, 39 мая. Хелена Моргенсен

Больше всего это место напоминало зал в здании ООН, где за круглым столом собирались дипломаты. Стол здесь тоже был круглый, но размерами сильно уступал земному собрату, да и само помещение тоже. И людей здесь сидело куда меньше: даже пары десятков не наберётся.

Безукоризненно вежливая девица в деловом костюме посадила Хелену на её место, поставила рядом стакан воды, осведомилась, не нужно ли что-нибудь ещё и, получив отказ, ушла. В любом момент Хелена могла вызвать её по местной связи, но знала, что вряд ли сделает это.

Она впервые была на пленарном заседании Совета и с большим удовольствием не пошла бы сюда, но, прочитав её последний отчёт об анализе нападения на «Сигюн», Эдмунд настоял на своём. В какой-то мере он был прав: слишком уж серьёзные новости содержались в том коротком тексте. Но, с другой стороны, чтобы сообщить их Совету, Хелена была не нужна.

Впрочем, подвергать сомнению приказ начальника она не собиралась. Надо прийти на заседание — значит, надо.

Новое правительство сформировалось ещё на Земле, сразу после Чёрного дня. Сперва это была всего лишь группа контроля ситуации, занимавшаяся гуманитарной помощью и эвакуацией людей в безопасное место. Таким местом оказался космодром на франко-немецкой границе, откуда прежде взлетали ракеты-носители, доставлявшие на орбиту модули для постройки «Авангарда». Работали тогда все по принципу «кто что может, то и делает», и как-то само собой вышло, что каждый оказался на своём месте. Теперь эти люди, взяв власть в свои руки, развивали колонию на чужой планете.

И, как считала Хелена, получалось у них неплохо, в особенности если учитывать экстремальные условия Фрейи.

Из всего Совета она знала только двоих: Келлера, своего непосредственного начальника, и Андрея Плутонova, координатора — с ним она разговаривала сразу после прибытия на космодром. Плутонov был профессиональным управленцем, поэтому неудивительно, что он получил эту должность. Остальных ординатор прежде не видела, но меньше всего она хотела исправлять это упущение. С её точки зрения это не было необходимо для её работы.

Когда все расселись, со своего места поднялся Плутонov и вскинул руку, призывая к тишине.

— Коллеги, — сказал он. Никаких намёков на официальный тон в его голосе не было. — Мне, откровенно говоря, надоело начинать каждое заседание с плохих новостей, но приходится. В конце концов, мы тут собираемся именно из-за них. Пункт первый — пищевое снабжение. Антон, прошу...

— Да что тут говорить, — проворчал сидевший почти точно напротив него дородный мужчина с пышными тёмными усами. Голова его была совершенно лысой. — Хреново всё. Мы расчистили поля и засеяли их земными культурами, но они не прорастают. И сверхразум знает, прорастут ли вообще.

— Причина, я так понимаю, в отсутствии на Фрейе времён года? — деловито спросила

худощавая пепельная блондинка по правую руку от него.

— Да есть тут времена года, — поморщился Антон. — Просто климатически они очень слабо выражены, этого мало для земных растений. Мы связались с генетиками и сейчас выводим новые ГМ-культуры, пригодные для местного климата, но всё это требует времени. Разработка, тестирование и так далее. Так что пока по-прежнему жрём цветное желе и пасты.

— Это лучше, чем ничего, — усмехнулась блондинка.

— Есть и хорошая новость, — добавил Антон. — Не всё же негативом вас поливать. В животном инкубаторе растёт искусственное мясо на земных клетках. До стейков нам ещё как до Китая, но здесь проблем ожидается гораздо меньше. Кроме того, найдено несколько местных растений, теоретически годных в пищу. Сейчас их проверяют в Центре биоугроз.

Ненадолго все замолчали.

— Пункт второй, — продолжил Андрей. — У нас всё сильнее активизируются люди, не имеющие полезных специальностей. И эта проблема серьёзней, чем кажется.

— Почему же? — поинтересовалась всё та же блондинка. — Они не хотят работать?

Андрей вздохнул.

— Нечто вроде того, — сказал он. — Они хотят работать, но только чтобы это было легко и просто. Вот и получается, что семьдесят процентов населения представляют ценность, а остальные — нет. Не поймите меня неправильно, мне и самому неприятно такое говорить. Моя собственная жена на Земле играла на скрипке и виолончели, а здесь её навыки пока что никому не нужны. Но! Она прекрасно сознаёт это и сейчас работает диспетчером на базе «Гагарин», где от неё не требуют специального образования и где она может приносить пользу. Возможно, когда мы осядем здесь плотнее, она создаст оркестр и начнёт возрождать искусство, но это дело будущего. А там, — он ткнул пальцем в сторону, — сидят люди, ждущие от Фрейи лёгкой жизни. Те, кто занимался современным искусством, кто водил туристов по Парижу и Лондону, политики и все прочие, кому повезло оказаться в нужном месте в нужное время и попасть на борт «Авангарда». Что мы будем делать с ними?

— Это сложный вопрос, Андрэ, — тяжело прокряхтел ещё один советник. — Низкоквалифицированные работы у нас в основном выполняет автоматика. Мы не на Земле, чтобы следовать старым законам. Выделять пятнадцать процентов производственной мощности живым рабочим и потом продавать эти проценты в супермаркетах по двойной цене... «Колбаса, сделанная человеческими руками!», «никаких манипуляторов!». Чушь это. Для Земли годилось, но для Фрейи — нет. Обеспечить твоих «бесполезных» подходящей им работой мы не сможем.

— С этим надо будет что-то делать, — задумчиво проговорил председатель. — Подумай, Луи. Это, в конце концов, твоё поле.

— Подумаю, — легко согласился Луи. — Отступать всё равно некуда.

— И, наконец, третий пункт, — немного подождав, сказал Андрей. — Перейдём, так сказать, от бытовухи к настоящим проблемам.

— У тебя должны быть веские причины, чтобы называть первые два пункта бытовухой, Андрей, — заметила блондинка.

— Они *очень* веские, Аманда. Эд?

— За последнее время на Фрейе произошло много агрессивных событий, повлёкших за собой гибель и ранения людей, — сказал Эдмунд Келлер. — Несколько дней назад

сотрудники береговой станции «Гагарин» обнаружили дрейфующий катер в приливной зоне, пассажиры исчезли. Пострадала девушка-пилот при попытке собрать образцы плесени с опор моста, которая, как оказалось, разъедает бетон. Это побудило меня задать работу аналитическому отделу — из чистой паранойи, если хотите, но на своей работе я обязан быть параноиком. А позавчера, как вы все знаете, случилось нападение морских животных на исследовательское судно «Сигюн». Погибло восемь человек, корабль сильно повреждён. Всё это было изучено, и результат... скажем так, результат меня не обрадовал. Передаю слово доктору Моргенсен из Центра контроля биологических угроз.

Хелена поднялась, слегка нервничая. Примерно то же самое она испытывала, защищая диссертацию перед толпой учёных, которые внимательно слушали каждое её слово. Заседание напоминало не общение государственных лиц, а скорее посиделку старых друзей, обсуждающих насущные проблемы. Только проблемы здесь были планетарного масштаба, и Хелена чувствовала себя лишней.

— Здравствуйте, — неуверенно проговорила ординатор. — Мною был проведён анализ ряда событий последнего времени. И... В общем... С вероятностью в пятьдесят пять сотых все они или большая их часть — результат деятельности разумной цивилизации, ведущей против нас диверсионную войну.

В зале воцарилась мёртвая, неестественная тишина.

— Ты не ошибаешься, девочка? — посмотрев на коллег, вкрадчиво спросила Аманда. — Мы ведь не обнаружили никаких признаков существования здесь хоть чего-то разумного. А искали весьма тщательно.

— Тонко намекаю, что доктор Моргенсен — ординатор, — скучным голосом заметил Келлер. — Именно поэтому я и позвал её сюда: чтобы убедить скептиков. В особенности скептиков родом из зелёной Ирландии.

— Я не ошибаюсь, — сказала Хелена. Теперь она работала, и эмоции ушли, уступив место расчётливому холодному равнодушию. — Есть много факторов, указывающих на неестественность этих событий. Части из них можно найти объяснение без привлечения дополнительных сущностей, части — нет. Возможно, у нас просто неполная информация. Но одно из объяснений — это действия диверсантов, и пока что это наиболее вероятная гипотеза.

— Глупости, — буркнула Аманда. — Будь это реальные диверсанты...

— Так! — Андрей поднял руки. — Друзья, я очень надеюсь, что истина лежит в оставшихся сорока пяти процентах вероятности. Но сбрасывать со счетов гипотезу доктора Моргенсен мы не можем. Потому что если вдруг окажется, что она была права, а мы — нет, нам конец. А заодно и всему человечеству.

— Ладно, — сдалась ирландка. — Верю. Ещё какие-то предположения, милочка? Например, где могут прятаться эти враги?

— Все нападения совершались вблизи от воды или в море. Плесень тоже появилась возле реки. Если учесть, что на суше следов присутствия разумных существ до сих пор не найдено, с большой вероятностью они живут под водой либо в пещерах приливной зоны.

Аманда помрачнела.

— У нас нет аппаратов, способных осуществлять подводные исследования, — заявила она.

— Я взял на себя смелость заказать инженерам адаптацию чертежей японского подводного катера «Кинтаро», как только произошёл первый случай — тогда пропал человек

на одном из островов, — любезно добавил Келлер. — В свете доклада доктора Моргенсен...

— Своевременный шаг, — сказал Плутон.

— Его всё равно придётся адаптировать, — нахмурилась Аманда. Насколько я помню...

— Конечно, — согласился Эдмунд. — Этим тоже занимаются.

— Видимо, мне придётся проконтролировать твою подлодку, — вздохнула женщина. —

И в следующий раз, господин Келлер, предупреждай, когда задаёшь что-то моим инженерам. Не то я реквизирую твоих биологов как грузчиков.

— Ты тогда занималась чем-то в Мёртвом поясе, — хмыкнул Эдмунд. — А ждать я не мог.

Они продолжали беззлобно переругиваться, пока, наконец, Плутон не объявил, что заседание окончено. Хелена опустила взгляд.

Улыбчивая девушка в деловом костюме провела её к выходу и вызвала такси. Работа закончилась, эмоции возвращались, и Хелене было немного неловко от такой заботы. Но спорить она не стала.

Пятьдесят пять сотых. Не такая уж большая вероятность.

Только вряд ли всё обойдётся.

Вспышка.

Далёкий долгий стон.

Удар настиг дикоптер Снежаны где-то над западной границей Германии. Просто что-то полыхнуло далеко на горизонте, пропала связь, погасла приборная панель. На миг пилоту показалось, что машина устремляется в свободное падение к земле, но двигатели по-прежнему работали, и уже почти вслепую Снежана посадила дикоптер на поле недалеко от какого-то городка, оставив широкую просеку в кукурузном поле.

Не обращая внимания на боль от врезавшихся в тело ремней безопасности, она выбралась из своего металлокомпозитного гроба и огляделась. Где-то в глубине души Снежана понимала, что произошло. Такие картины она много, много раз видела в несчётном числе фильмов, компьютерных игр, они описывались в книгах и комиксах. Но разум отказывался в это верить.

Её подобрали двое растерянных фермеров, почти не говоривших по-английски, а она не знала французского. Только всё равно это не помогло бы — нетрудно было догадаться, что эта парочка тоже ничего не знает, что они страшно боятся и не хотят даже смотреть на юг, где на горизонте до сих пор виднелось уже истаивающее облако взрыва.

Телефоны отключились, связи не было. Не было и электричества — до фермы они добирались пешком. При одном взгляде на безжизненный электромобиль хозяев становилось ясно, что эта колымага больше не поедет никуда и никогда.

Правда, на ферме всё же нашёлся старый трактор с дизельным двигателем и даже топливо к нему, а отец семейства согласился отвезти Снежану к космодрому, где, как надеялась пилот, сохранилась хоть какая-то власть, которая сможет помочь. И уже на космодроме Снежана узнала, что началась война.

Лондон, Москва, Париж, Берлин уничтожены. Противоракетная оборона не справилась с массированными ударами. Кто начал войну, так и осталось неизвестным, да это и не интересовало спешно собранную группу контроля ситуации. Какая, в конце концов, разница, если конец придёт всем? Если небо медленно затягивает пыльная пелена, а через неделю пойдёт первый радиоактивный дождь? Те, кто мог что-то сделать, давно уже так и поступили.

— Значит, вы пилот? — спросил её высокий худой француз. — На чём летали?

— В основном дикоптеры Ка-132 и похожие на него, но справлюсь и с незнакомой машиной, дайте только время освоить. Ну и малая авиация.

— Отлично, — обрадовался он. — Ваша машина цела?

— Упала на кукурузное поле, но, в общем-то, да, если электроника не сгорела. Там груз научной аппаратуры...

— Мы пошлём за ним, но начальства своей фирмы можете не опасаться. Вряд ли оно предъявит вам претензии... хоть какие-то плюсы от ядерной войны, верно? — он натужно рассмеялся. — Нам очень нужны пилоты. Вы согласны работать на нас?

Конечно, согласна. Снежана прекрасно понимала, что тунеядцев держать тут никто не будет. А идти ей некуда. Наверняка украинское посольство точно так же сгорело в атомном огне, как и все большие города.

Только она бы всё равно летала, даже если бы её не просили. Тот, кто однажды

поднялся в небо, никогда не забудет о нём.

Француз пояснил, что на орбите висит уже готовый корабль, изначально предназначавшийся для программы «Авангард», то есть полёта к чужой звезде и колонизации тамошней планеты — Фрейи. Из-за бюрократических проволочек и дурацкой политики Евросоюза всё было полностью готово к доставке на борт колонистов уже второй год, пока парламентарии уточняли состав экипажа. Теперь, конечно, всё это пошло прахом. Высокого разрешения больше не требовалось. Корабль теперь назывался «Спаситель» и готовился отчалить.

Но они не собирались лететь к чужому миру горсткой выживших, и через два дня Снежана уже сидела за штурвалом транспортного вертолёта, направляясь в городок под названием Вестмаас для эвакуации учёных — всех, кого получится найти. Таких рейсов ей предстояло совершить ещё много.

Вот они, людские свобода, равенство и братство. Из умирающего человечества новое правительство, конечно, пытается спасти всех, кого может. Но в первую очередь пилоты летят за теми, кто нужен.

Альфригт холодно смотрел на пришельцев своим глазом-кратером, оставшимся от удара древнего астероида. Люди давно уже не обращали на него такого внимания, как в первые дни: у них хватало своих забот.

Мидгард продолжал стремительно расти. Инженеры возводили коммуникации, обеспечивая всех светом и водой, архитекторы просчитывали перспективы и расчерчивали планировку будущих кварталов, биологи изучали живой мир планеты. Но кроме них, точно так же трудились и другие.

Математическое моделирование выявило, что Фрейя обращается вокруг своего светила за четыреста местных суток, и группа учёных очень быстро придумала новый календарь — десять месяцев, каждый по сорок дней. Бурные споры шли только из-за того, как эти месяцы назвать, так что в конце концов год стал начинаться с марта, январь и февраль канули в Лету, а декабрь вновь стал десятым месяцем. Не меньше споров вызвало и время: сутки на Фрейе длились двадцать шесть часов двенадцать минут, и в конце концов решено было сделать «високосный день», когда в сутках появляется лишний час. Длительность же самого часа осталась неизменной.

За сто двадцать дней строители возвели постоянные дома для двух тысяч человек, несколько заводов, множество лабораторий, внешних станций и аэродромов. Инженеры безостановочно собирали новую технику. Человеку прошлого, наверное, это показалось бы невозможным, но, с другой стороны, что он может знать о современных технологиях? Пускай давно прошла эпоха по-настоящему переломных открытий, когда люди научились летать, изобрели антибиотики, радио и множество других вещей, изменивших общество до неузнаваемости, но прогресс всё равно продолжался. Только теперь человечество училось делать то же самое быстрее, дешевле и качественней.

На орбите висели несколько спутников, привезённых ещё с Земли. Из технических деталей люди везли с собой только сложную электронику, всё остальное производилось уже на месте. Дикоптеры, автомобили, роверы и катера. И, конечно, оружие: доклад Хелены Моргенсен заставил людей встревожиться.

Никто пока ещё не знал, как выглядит враг и существует ли он вообще. Но так уж получилось, что оружие всегда было одним из самых совершенных изобретений человечества, и инженерам даже не потребовалось ничего придумывать — к их услугам было множество старых чертежей. Оружейники старались не думать, что скоро эти создаваемые про запас автоматы придётся пустить в ход.

Но делали их именно на такой случай.

Центр контроля биологических угроз, 1 июня.

Хелена Моргенсен

— Я не понимаю, — сказала она.

— Я, честно говоря, тоже, — спокойно признался Джеймс. — Я считаю это решение глупым, а вас — совсем неподходящей кандидатурой.

— А причины? — с лёгким интересом спросила Хелена.

— Ясны, как день. Вы из пистолета стрелять умеете?

— Нет. Ни разу в жизни не держала.

— Ну, вот и ответ.

— С этим нельзя спорить, — согласилась ординатор. — Но тогда зачем я нужна в экспедиции на остров?

Капитан пожал плечами.

— Доктор Келлер сказал, вы сумеете в реальном времени наблюдать за ситуацией и повысите боеготовность группы, а кроме того, сможете в нестандартной ситуации быстро просчитать, что нам надо делать и как. В это я вполне верю, сам видел, на что вы способны. И с удовольствием вам подчинюсь. Но, тёмная энергия, для этого ещё в двадцатом веке придумали радиосвязь. Вам не обязательно рисковать своей хорошенькой задницей... гм, простите... короче, вы можете сидеть в уютном кресле за компьютером и наблюдать. Для риска есть мы.

— Связь может прерваться, — заметила Хелена, совершенно равнодушно восприняв чересчур вольные слова капитана. По сравнению с тем, что ей приходилось иногда выслушивать, это была сама невинность. Да и говорил Джеймс по-доброму, в отличие от Ивана и остальных. — А ведь это почти наверняка и будет той самой ситуацией.

— Я сказал Эдмунду, что решение примете вы. Сразу оговорюсь, что это будет не увеселительная прогулка. Лично я уверен на все сто, что там, на острове, действительно живут разумные инопланетяне. А раз так, нам предстоит очень горячая встреча.

— Я лечу, — коротко сказала Хелена. Иной человек на её месте мог бы сказать, что сам не знает, почему он решил именно так, но ординатор такого не говорила никогда. Причины согласия, как и причины всех прочих своих решений, она знала отлично. Новый опыт, новые данные, как следствие — повышение точности прогнозов, повышение квалификации и расширение сферы деятельности.

Хороший куш для человека, не ценящего обычные людские удовольствия.

— Тогда идём со мной, — ничуть не удивившись, сказал Джеймс.

— Вы знали, что я соглашусь.

— Как тут не знать, — проворчал капитан, открывая перед ней дверь кабинета. — Вы, девочки, будто не понимаете, что такое риск. Час назад я уговаривал остаться Фиону.

— Неудачно, полагаю.

— Угу. С ней очень трудно спорить.

Хелена подозревала, что знает, каким образом подруга уговорила Джеймса пустить её, но вслух ничего не сказала.

— Группу собирал Драгомиров?

— Да. Но на вас указал лично Келлер. Идёмте, у нас не так много времени. Мой мотоцикл ждёт на улице.

Хелена впала в ступор. Она уже и не помнила, когда последний раз ездила с живым водителем. Даже в Роттердаме и других больших городах, куда ей приходилось выбираться на конференции и встречи, ординатор в основном пользовалась метро и монорельсами. Иногда — автоматическими такси, если требовалось добраться быстро. Пару раз её катали на своих «крутых тачках» местные авторитеты, с которыми знакомилась Фиона. Но и они садились за руль только чтобы показать свой статус. Большую часть времени всё равно работал автопилот, а хозяева развлекались беседой с дамами.

Джеймс водил сам, и непохоже было, что делает он это ради неё. Ему просто нравилось.

Ехать пришлось через весь город. Большого движения на улицах Мидгарда ещё не было, светофоры только устанавливались, и на перекрёстках Джеймс притормаживал, внимательно глядя по сторонам. Ветер мягко обволакивал комбез, принося прохладу, меж ног подрагивал водородный двигатель. Это были новые, совершенно непохожие ни на что ощущения, приносившие с собой странное удовольствие, которому ординатор не могла подобрать аналогов.

Что повлияло на её настрой? Адреналин? Эндорфин? Дофамин? Окситоцин? Хелена не знала, да ей и не хотелось знать. Это было просто приятно, и больше ничего.

Через четверть часа они уже спускались в подвал приземистого, стоявшего наособицу здания, которое Джеймс назвал «школой зелёных беретов». Без особого труда Хелена признала в полутёмном просторном помещении тир.

— С тебя два пива, Алекс, — громко сказал Джеймс.

— Когда на этой чёртовой планете появится пиво, непременно отдам, — с сильным русским акцентом отозвалась темнота. Через мгновение из мрака вынырнул рослый пожилой человек в потёртом военном комбезе. — Алексей Драгунов, инструктор, — он протянул жилистую ладонь.

— Хелена Моргенсен, ординатор, — девушка крепко пожала её. Пальцы Алексея, даром что из плоти и крови, казалось, могли без труда гнуть гвозди.

— Ординатор! — восхитился тот. — Мы тут с Джимом поспорили, согласитесь вы или нет. Я считал, у ординатора мозгов в голове больше, чем у его новой пассии, но ошибся. Жаль.

— К делу, Алекс, — сухо сказал капитан.

— Без проблем. Хелена, вы стрелять умеете?

— Нет, — второй раз за утро честно ответила та.

— Охренеть, — подвёл черту Драгунов. — Слушай, Джимми, ты что, правда думаешь, что за день я смогу из этой милой крошки сделать Клинта Иствуда?

— Мне не нужен Иствуд. Мне нужно, чтобы она знала, какой стороной направлять оружие на противника и примерила броню.

— Ну, для этого времени хватит, — усмехнулся инструктор. — Обождите малость.

Он щёлкнул пальцами, и в тире зажегся свет.

— Хм-хм... — Драгунов принялся изучать разномастное оружие на стойке. — Вот, это будет лучше всего.

В руку Хелене лёг чёрный пистолет. Оружие было маленьким, аккуратным и в чём-то даже изящным, из-за чего девушка даже залюбовалась им.

— Одна из последних перед Чёрным днём разработок наследников Глока, — пояснил инструктор. Хелене это не сказало ровным счётом ничего. — Девять миллиметров, лазерный целеуказатель, не слишком сильная отдача, лёгкий и точный — то, что надо для леди, если

ей важен эффект, а не внешний вид. Теперь, прежде чем мы перейдём к практике, слушайте главные правила. Первое — обращаться с оружием всегда так, будто оно заряжено. Даже если вы вытащили магазин и передёрнули затвор. Второе — никогда не цельтесь в человека. Если, конечно, его не требуется прикончить.

— Поняла, — спокойно ответила Хелена, никак не отреагировав на последнюю фразу. Драгунов расплылся в довольной улыбке.

— Обожаю ординаторов, — сказал он. — У нас с вами всё получится.

Больница была сверхсовременной. Отправляясь в полёт к Фрейе, люди знали, что им придётся столкнуться с чужой, незнакомой жизнью, и не жалели места для медицинского оборудования. Хирурги-роботы, анализаторы, магнитно-резонансные томографы, лаборатории и ещё множество всяческих хреноскопов для исследования и лечения всего, что только можно. Любой провинциальный мэр, построй кто-нибудь в его городе такое чудо, плакал бы от счастья. Но даже в самой лучшей больнице люди, как правило, задерживаться не хотят.

Не хотела и Снежана. После памятной встречи с ядовитой плесенью у неё изрядно пострадали окунувшиеся в концентрированную кислоту руки, но восстановительная терапия закончилась, и теперь Снежана не могла понять, какого лешего её до сих пор держат в больнице.

— Вы бы радовались отдыху, — вздохнул в ответ на её требование пожилой врач. — И тому, что вообще живы остались. А сейчас вам лучше лежать и не вставать, пока ткани не восстановятся полностью.

— Я хочу летать, — упрямо сказала девушка. — Доктор! Я понимала этот запрет, когда у меня пальцы не сгибались — ну, конечно, тогда особо за штурвал не сядешь. Но сейчас-то!

Она подняла вверх руку и демонстративно сжала кулак. Кожа была ещё немного красноватой, но боль ушла, и Снежана ощущала себя совсем здоровой.

— Нет, — отрезал врач. За эти несколько дней, судя по всему, Снежана успела изрядно его достать. — А если вы попытаетесь встать самовольно, мы прикуём вас к кровати.

Против такого аргумента крыть было нечем, и пришлось утихомириться. От скуки Снежана надела обруч мыслеуправления и вновь принялась рыскать с планшета по Сети, изучая новости о последних событиях.

— Вот и лежи тут, пока снаружи такое творится, — бурчала она, читая о торжественной демонстрации опытной грядки с посадками местных растений. Не то чтобы Снежана любила такие мероприятия, но от жизни в больнице она была готова отправиться даже в ночной клуб, если бы они существовали на Фрейе. Хотя, вполне возможно, уже существуют.

Ведь нельзя укомплектовать ковчег исключительно учёными, инженерами, врачами и прочими специалистами. У них всё равно найдутся родственники, которых придётся тоже взять на борт,

Вот как бывает в жизни. Когда на границе между Францией и Германией начали строить новый космодром, над ESA только посмеивались, мол, выбрали же умники широту, севернее только Восточный и Плесецк лежат, зачем оно вам, если есть Куру? А потом наступил Чёрный день, на города упали ядерные ракеты, и оставшийся невредимым забытый всеми космодром оказался востребован как никогда прежде. Эвакуировать людей туда гораздо проще, чем во французскую Гвиану. Нужно только расконсервировать тяжёлые ракеты-носители и переправить выживших на борт «Авангарда». Благо что деньги уже утратили ценность.

И оставалось только радоваться, что счастливый случай направил её дикоптер именно туда. Вынужденная посадка оказалась билетом в новый дом. Фрейю.

Покачав головой, Снежана переключилась на вкладку с поисковиком. Вывела на экран новости о нападении на «Сигюн» и с интересом узнала, что группа биологов уже провела

анатомирование нападавших. Дальше следовала какая-то совсем уж научная муть, из которой Снежана поняла, что эти твари могут дышать и водой, и воздухом, и что вообще это очень распространено среди существ Фрейи.

— В кои-то веки в интернете проще найти статью о двоякодышащих, чем порно, — проворчала она и за неимением другого занятия тут же проверила этот факт. Увы, к разочарованию девушки, на Фрейе уже функционировал полноценный порносайт, правда, с земными видео, зато отлично оформленный и не менее отлично снаряжённый: даже на первый взгляд контента здесь было не меньше чем на десяток терабайт. Не иначе постарался серьёзный ценитель. Кто-то из наблюдателей на станциях, у них там масса свободного времени.

Но тут в палату вошёл угрюмый врач с радиотелефоном в руке, и Снежана поспешно закрыла браузер.

— Это вас, — врач протянул ей телефон. Снежана, поколебавшись, поднесла его к уху.

— Алло, — сказала она.

— Снежана Савицкая? — спросил мягкий, приятный мужской голос.

— Да.

— Меня зовут Эдмунд Келлер, я руковожу Биологической службой Фрейи. Не смог к вам дозвониться, пришлось связываться через персонал больницы. Если вы не возражаете, я хотел бы встретиться где-нибудь в располагающей обстановке.

— Хоть в подводной лодке, — Снежана ощутила резкий прилив хорошего настроения. Вероятность убраться из больницы в ближайшее время наконец-то поднялась выше нуля.

— Это прекрасно, потому что именно насчёт такой лодки я и хотел поговорить, — без тени иронии сказал Келлер. — Тогда я жду вас сегодня в полдень в административном центре. Представьтесь охраннику, и он проводит вас ко мне.

— Значит, меня выписывают? — глупо спросила Снежана. Неожидавшее угадывание выбило её из колеи.

— Дело слишком серьёзное, так что придётся рискнуть здоровьем. Вы согласны?

— Да, — Снежана постаралась скрыть радость. Пускай хоть подводная лодка, но не бесконечная скука в этом месте.

— Жду вас в тринадцать ноль-ноль, — он отключился.

— Сперва профилактические процедуры, — кислая физиономия врача доставляла Снежане почти эротическое удовольствие.

— Хорошо, доктор, — кратко ответила она. — Как скажете, доктор.

Мировой океан, 2 июня. Хелена Моргенсен

Это было тяжёлое, неудобное утро. Хотя бы потому, что Хелена с куда большим удовольствием провела бы его под одеялом. Или на родной кушетке с проводами в затылке, но не в дикоптере над морем.

Говоря капитану Гленну «да», она смутно представляла себе, как это всё будет происходить. Ну а теперь плечи ещё ломило от вчерашних упражнений в полной военной экипировке, не меньше болели и кисти рук — Алексей заставил Хелену отстрелять немало патронов, прежде чем ординатор привыкла к отдаче и весу оружия. Медицинский блок мог ввести ей дозу лёгкого обезболивающего, но Хелена не спешила прибегать к его помощи. Анальгетики глушили её нейронные цепи, притупляя разум. Лучше уж потерпеть.

Она сильно изменилась внешне, когда влезла в пятнистый армейский комбез с мышечными усилителями и прицепила к поясу кобуру с оружием. Даже Драгомиров был впечатлён, сказав, что с такой амазонкой и в разведку идти не страшно. Хелена не поняла, была ли это ирония или одобрение, но слова запомнила.

— Снижаемся, — донёсся из динамика голос пилота. — Личному составу приготовиться к высадке.

Это адресовалось силовикам — четырём крепким парням, бывшим спецназовцам российской «Альфы». Все четверо сидели в пассажирском отсеке с постными скучными лицами, точно ехали в общественном транспорте. Один невесть для чего разминал пальцы — смысл этого Хелена так и не поняла, потому что плоти в его тёмно-фиолетовых руках было не больше, чем в фюзеляже дикоптера. А в протезах не требуется разгонять кровь. Её там просто нет.

Альфовец поймал её взгляд и нахмурился. Хелена осторожно улыбнулась в ответ. Она не любила то, чего не могла понять.

— Садимся.

Иллюминаторов в нутре дикоптера конструкторы не предусмотрели, и лишь по мягкому толчку Хелена догадалась, что полёт закончен. Альфовцы, не сговариваясь, одновременно щёлкнули ремнями и взялись за автоматы. Сидевшая напротив ординатора Фиона радостно потёрла руки.

— Наконец-то! — воскликнула она.

— Открываю, — сказал динамик, и в хвосте дикоптера блеснула полоска дневного света. Люк медленно опускался на землю, превращаясь в трап. — Только аккуратней, парни. Здесь могут водиться тигры.

Солдаты один за другим, изготовив оружие, шагали наружу. Каких-то несколько секунд Хелена ждала выстрелов, но нет, ничего так и не произошло. Коротко зазвучали команды, послышалось чавканье, как будто спецназовцы шагали по влажной грязи. И всё.

Лёгкое разочарование. Хелена даже подумала, что зря согласилась сюда лететь. Но мысль эта тут же рассыпалась под натиском неумолимой логики. Почему она решила, что всё начнётся сразу? Потому что ждала этого? Но это ведь не рациональное суждение. Она не имеет права так думать. И вообще, что она подразумевала под «всё»? Ответ — «что-то». А что — она сказать не могла.

Хелена помотала головой, собирая разлетевшиеся мысли в единый клубок. Она собиралась работать, и следовало подготовиться.

— Выходим, — услышала она голос капитана Гленна.

Учёные собирались, доставая снаряжение. После атаки на «Сигюн» волею начальства в команде их осталось только восемь, считая Хелену, остальные места в транспортных отдали военным. Но с основной задачей, вообще говоря, справился бы кто угодно. Они прилетели сюда искать, а не изучать.

Хелена надела шлем и включила экран дополненной реальности. Мир снаружи молчал, ничем не выдавая своей враждебности. А в том, что он враждебен, не сомневался никто.

— Наблюдаю трёх крупных птиц, — коротко сказал один из спецназовцев. — Тридцать метров, на два часа, в зарослях.

— Ядовиты и агрессивны, близко не подпускать, — ответила Хелена, спускаясь по трапу и вглядываясь в указанном направлении. Практически абсолютная память вкупе с работой аналитика превращали её в ходячий справочник. Тоже необходимая роль.

На самом деле это были вовсе не птицы, а скорее покрытые перьями динозавры наподобие велоцираптора или дейнониха, но Хелена не стала поправлять военного. Успеется ещё. Сейчас её внимание было направлено совсем на другое. Растения, животные. Всё вокруг, что может представлять угрозу.

— Ян, Алексей, дроны, — раздавал указания Драгомиров, вышедший из второго дикоптера. — Фиона, Густав — сенсоры. Софи — связь с землёй, Франц — «крысу». Хелена — контроль ситуации.

Военными он командовать не пытался, да те и не нуждались в его приказах. Спецназовцы разошлись полукругом, изучая окрестности. Дёрнувшихся в их сторону «птиц» тут же срезали короткими очередями, не дожидаясь продолжения. Чтобы не пугать лишний раз местных животных, оружие было оснащено глушителями, и лишь глухие хлопки обозначили конец хищников.

Это было странное место, свой, особый мир, ничуть не похожий на мир материков. Под ногами здесь пружинила вязкая субстанция, больше всего напоминавшая губку, прямо из неё росли причудливые деревья — что-то вроде красного плюща, побеги которого переплетались между собой в большие клубки. Кое-где из губки тянулись вверх ноздреватые колонны, увитые лозой. В этом ползучем, быстро меняющемся лабиринте можно было легко заблудиться, что почти наверняка окончилось бы смертью от яда одного из здешних обитателей.

— Ну и мерзость, — с отвращением пробурчала Софи, вонзая стойки антенны в губку. Та неприятно хлюпала, когда в неё погружался металл. — Тянуть высоко придётся. На эти деревья как, лазать можно?

— Не стоит, — отозвалась Фиона. Она вместе с хмурым блондинистым норвежцем и Драгомировым устанавливала приборы. — Тут полно ядовитых насекомых, укусят, мало не покажется. Даже комбез может не спасти.

— Да? — француженка посмотрела на увитую лозой колонну. — Как в джунгли вернулась, сверхразум их дерит.

— Должен вам сказать, док, — Хелена вздрогнула от неожиданности: капитан Гленн подошёл совершенно бесшумно. — Если на нас нападут, делайте что хотите, но постарайтесь остаться в живых. Ваша жизнь тут самая ценная.

— Когда-то я уже слышала нечто подобное, — ответила она. Слышала, да. Ещё на Земле, давным-давно.

— Это приказ, доктор Моргенсен, — он явно не шутил. — Никаких геройств. Никаких

демонстраций глупости и неподчинения. В случае чего я свяжу вас и сам запихну в машину. Понятно?

— Вполне, — Хелена кивнула. Разумом она понимала правильность слов командира и знала, что подчинится. Но вот принять их той жалкой кучкой эмоций, что жила в душе, не могла.

Свирепое солнце Альфы здесь, казалось, светило ещё ярче, чем в городе. Комбез с его терморегулирующей начинкой позволял Хелене чувствовать себя нормально в такую жару, но всё же что-то не нравилось, точно мурашки пробежали по коже.

Глухое раздражение. Она попыталась понять, что именно здесь не так. Большая поляна, окружённая лабиринтом из плюща и колонн. Кусты с красными плодами. Под ногами — губка, но она здесь, кажется, везде и играет роль почвы. Может, ей не нравится симбиоз? Нет, он не выбивается из общей картины. Тогда что?

— Большая чёрная змея, в проходе между клубками из лиан, на пять часов, — сказал капитан.

Хелена взглянула в ту сторону.

— Не идентифицирована, — сказала она. — Похожа на фрейского аспида, скорее всего, ядовита.

Американец молча поднял автомат, прицелился и нажал на спуск. Оружие негромко хлопнуло, и голова змеи разлетелась кровавыми клочьями.

— Гринписа на тебя нет, — хмыкнула Фиона, поглядев через плечо. Джеймс не обратил на неё внимания.

— Где погиб ваш сотрудник, доктор Драгомиров? — спросил он.

— Около полукилометра отсюда, у центрального озера. Уточните координаты у ходячего ноутбука, если нужно, у меня память человеческая.

— Насколько эти лианы безопасны? В реальности, а не по инструкциям.

— Это не лианы... Сами по себе они не несут опасности. Но, как сказала Фиона, в них может водиться любая дрянь, а на Фрейе очень многие животные вооружены ядом. Шипы, иглы, кислотные плевки, иногда на несколько метров, и так далее. Если видите что-то незнакомое — близко лучше не подходить. И вот эти иглы на растениях, скорее всего, тоже отравлены.

— Что насчёт планов исследовать место гибели?

Драгомиров покачал головой.

— Сначала пройдемся роботами, посмотрим, где есть проходы. В прошлый раз здесь везде были только редкие ростки и сплошная губка, равнина до горизонта, а сейчас вон что, — он махнул в сторону лабиринта. — Мы едва смогли найти место для посадки — одно на весь остров, так бы сели двумя группами...

Одно на весь остров.

Хелена вздрогнула. Эти слова будто перевернули что-то в её сознании. В висках заломило, мысли бурным потоком устремились вперёд. Одно на весь остров. А в прошлый раз ничего такого не было. Голая губка с редкими ростками, как сказал Драгомиров.

Она посмотрела вокруг.

Кусты с большими красными плодами, похожими на болгарский перец. Не идентифицированы, в базе нет ничего похожего.

Шипастые не-лианы, обвивающие губчатые колонны. Не идентифицированы.

Гнёзда каких-то насекомых, полускрытые лозой. Не идентифицированы. Их шесть, и

расположены они в вершинах почти правильного шестиугольника, в центре которого стоят дикоптеры.

— Засекла резкие шумы в ультразвуковом диапазоне, — сказала Фиона, изучая экран смартбрасера. — Скорее всего, животного происхождения. Но не исключено, что...

Итальянка вдруг умолкла, глядя на ближайший к ней перечный куст. Один из его плодов раскрылся, выпуская в воздух клубы густого белого дыма.

Кусочки мозаики один за другим складывались в сознании Хелены, и все вероятности быстро сводились к одному и тому же ответу.

— Объявляю немедленную эвакуацию, — сказала она, коснувшись кнопки передатчика и напроць забыв, что не командует экспедицией. — Это место — засада. Как можно быстрее...

— Засада? — Драгомиров повернулся к ней, всем своим видом излучая недоверие. — Точно?

— Вероятность — восемьдесят пять сотых...

— Уходим! — рявкнул капитан Гленн, не дожидаясь продолжения.

И всё же они не успели.

Один за другим красные плоды лопались, исторгая белый дым. Хлопали разгоняющиеся винты дикоптеров, и в звуки эти вмешался странный стрёкот, точно тысяча кузнечиков разом решила сыграть концерт. Туман заволакивал всё вокруг. *Фррррррр*, раздалось из-за спины, и кто-то, кажется, Софи, закричала от боли. *Фррррр*, донеслось снова. Хелена повернулась, пытаясь рассмотреть, что это такое, и тут двое солдат буквально под руки втащили её в нутро дикоптера.

— Взлетаю, — сообщил пилот. Хлопанье винтов слилось в мерный рёв.

— Химера-2, что с обстановкой? — заговорил Джеймс в рацию, сняв шлем. Хелена непослушными пальцами пристегнула ремень безопасности. Кажется, во время полёта американец был в другом дикоптере. Ну да, она видела только русских. Теперь...

— Химера-1, докладываю. Набрали высоту, наблюдаем вас. На борту трое легкораненых, транспорт повреждений не имеет.

— У нас двое, — сообщил капитан, оглядев пассажиров и задержав взгляд на Фионе, которая озабоченно разглядывала багровый укус на плече. По ткани комбеза струилась кровь. — Потери?

— Все живы.

Джеймс откинулся на спинку кресла и повесил рацию на место.

— Как только наши химики состряпают из фрейских растений хоть что-нибудь алкогольное, я первым подниму стакан за доктора Хелену Моргенсен, — устало проговорил он. — Благослови Осирис, Тор, Христос, Юпитер и все выдуманные боги тот день, когда старый пердун Келлер додумался отправить её с нами!

— Тебе не придётся пить одному, Джим, — хмыкнул сидевший напротив альфовец — тот самый, с искусственными руками. Кроме них двоих, больше военных на борту не оказалось.

— Я и не собирался. Думаю...

— Капитан, — негромко сказала Хелена, глядя на раненую Софи. Женщина без сил лежала в кресле, закатив глаза, и мелко подрагивала. Джеймс посмотрел в её сторону, но больше сделать ничего не успел.

— Химера-1, Химера-1, — ожила рация. — К вам быстро приближается стая птиц.

Повторяю...

Что-то нехорошо захрипело снаружи, и в тот же миг дикоптер трянуло. Хелена вздрогнула. Ей не пришлось долго думать, что произошло.

И что произойдет вскоре.

— Тёмная энергия! — ругнулся пилот.

Из-под Хелены будто выдернули кресло, и ординатор вцепилась в подлокотники. Двигатели визжали, точно электрическая мясорубка, тело ненадолго снова налилось тяжестью — и на дикоптер обрушился сокрушающий удар. Лобовое стекло взорвалось водопадом брызг, внутрь кабины полетели клочья губки попеременно с меловой пылью, а затем машина тяжело бухнулась на землю.

— Наружу! — бросил капитан, ударом кулака по аварийной кнопке открывая трап. Хелена мотала головой, пытаясь прийти в себя. Чьи-то крепкие руки расстегнули её ремень безопасности, заставили встать, и девушка увидела перед собой русского.

— На ногах стоишь? — спросил он. Хелена слабо кивнула. — Давай!

Как она вылезала наружу, Хелена не помнила. Просто в какой-то момент ординатор поняла, что на четвереньках ползёт по мягкой, податливой губке, в которой вязнут ноги, а вокруг царит мягкий полумрак пещеры. Позади остался перепачканный кровью и прилипшими перьями дикоптер, выглядевший так, будто он побывал на бойне. Потом кто-то подхватил её, заставляя встать, и оттащил к стене.

— Всё нормально? — раздался голос Джеймса.

— Цела, — тяжело дыша, ответила Хелена. И тут же поняла, отчего тревожился капитан: рядом с медленно погружающимся в липкую грязь дикоптером лежала Софи. Женщина вздрагивала, судорожно кашляла, выхаркивая тёмную кровь. Руки скребли по груди, словно пытаясь разорвать ткань комбеза, над ней склонился альфовец, но помочь он не мог ничем.

— Фиону тоже ранило, — Джеймс беспомощно огляделся. — Док, вы знаете, что это за яд?

— Я ещё жива, — севшим голосом отозвалась итальянка. Бледная девушка лежала на боку, прижимая руки к животу.

Хелена покачала головой, глядя на корчащуюся в агонии француженку.

— Нужен анализ, — сказала она. — Разве что по косвенным признакам и симптомам...

— Мне тяжело дышать, — прошептала Фиона. — Руки немеют и тошнит.

— Дыхание... — Хелена посмотрела на дикоптер. Тот уже наполовину ушёл в пещерное болото. — Вы согласны рискнуть, капитан?

— Что нужно делать? — тот не колебался.

— Медицинский шкаф дикоптера. Портативный аппарат ИВЛ. Чемоданчик... — Хелена на миг прикрыла глаза. — Чёрный, со схематически нарисованными лёгкими. И общую аптечку, если утащите.

— Я иду, — капитан поднялся на ноги. — Олег, присмотри за ними.

Пододошедший альфовец угрюмо кивнул.

— Софи умерла, — сказал он.

Из пробитого потолка лился яркий солнечный свет, играя на волнах озерца в центре круглой пещеры. Губка вокруг него была даже на вид мягкой и липкой, сыграв роль буфера, и, наверное, только это и позволило выжить хотя бы некоторым. В иное время Хелена испытала бы нечто вроде восторга, найдя такое место: несмотря на полумрак, она ясно

видела, что кроме дыры в потолке, выходов из пещеры нет. Замкнутое пространство, где могла бы развиваться совершенно причудливая жизнь. Только замкнутое ли?

Со дна озера поднялся и лопнул пузырь воздуха, и Хелена вздрогнула, возвращаясь в реальность. Фиона лежала на спине, бессмысленно глядя в потолок.

— Искусственное дыхание, — велела она, бросаясь к подруге.

— Понял, — сказал Олег.

Хелена зажала итальянке нос и, глубоко вдохнув, приникла к её губам. Это был не тот же самый яд, что убил Софи: здесь ни судорог, ни кровавого кашля. Только паралич. Если так, это...

Она резко выдохнула.

Вдох. Зажать нос, крепко поцеловать Фиону. Выдох. Повторить. Повторить. Повторить...

— Смените меня, — тяжело дыша, Хелена привалилась к мягкой стене. Посмотрела на озерцо — дикоптер уже ушёл в губку почти полностью, но рядом с ним копошилась какая-то измазанная в грязи фигура.

Десятком секунд позже капитан Гленн поставил перед ней чёрный чемоданчик.

— Она жива? — коротко спросил он.

— Если верить медблоку, пока да, — Хелена торопливо открывала покрытый остатками губки и грязи трофей. — Расстегните ей комбинезон, искусственное дыхание не прекращать.

Она аккуратно прилепила на обнажённую кожу электроды и запустила управляющий компьютер. Затем, убедившись, что тот готов к работе, включила программу. Баллон с газовой смесью остался в своём гнезде: здесь он пока не требовался.

— Пока хватит, но будьте готовы продолжить, — велела ординатор.

— Дышит, — сказал Джеймс. Хелена поглядела на грудь Фионы и с облегчением увидела, что та и впрямь поднимается и опускается. Аппарат весело пикинул, выводя на экран текущее состояние пациента. «Подключите датчик сфигмографа», замигала надпись в углу.

— Что такое сфигмограф? — спросил Джеймс.

— Прибор для измерения пульса, — ответила ординатор. — По-хорошему стоит отключить медицинский блок комбеза и прикрепить эту штуку, чтобы компьютер мог нормально следить за состоянием пациента. Но в нашей ситуации...

— Что это за яд? — перебил её американец. Хелена пожала плечами.

— Нечто вроде тетродотоксина, судя по всему, — она вновь посмотрела на Фиону. Та будто спала. — Что отравило Софи, я не знаю, но это совсем другое.

— Я думал, вы аналитик, — медленно проговорил Олег. — Ну, из тех, кто в офисе сидит и за дверь носа не показывает, а когда припечёт, только паникует. Был неправ и прошу прощения. За мысли.

— Я всего лишь прочла инструкции ко всему, что есть в дикоптере, и запомнила их, — усмехнулась Хелена.

— Многим этого «всего лишь» очень не хватает, — покачал головой спецназовец, садясь на камень. — Никогда не любил ординаторов, но сейчас... ну...

— Ничего страшного, — пробормотала Хелена. Теперь, когда всё закончилось и наступила передышка, её слегка трясло. Адреналин, не иначе. И кортизол. Контролировать это она не могла, и мысли разбегались, не позволяя сконцентрироваться. — Кто-то ещё выжил?

— Нет, — ответил сидевший возле Фионы Джеймс. — В машине трупы Густава и Яна. Они сидели ближе к кабине, кажется, их посекло обломками. Остальных не видел, наверное, тела уже ушли на глубину.

— А помощь с материка?

— Наше падение видели с Химеры-2. Наши датчики жизнедеятельности ещё работают. Конечно, связь уже не добивает до них, но Драгомиров должен знать, что мы остались живы. У меня с собой несколько сигнальных ракет, если услышим вертушку, дадим им знать, что мы ещё не померли.

— Осталось только его дожидаться, и лучше бы его, а не местных, — усмехнулся Олег.

— Местных? — растерялась Хелена. Она вроде бы понимала, о чём говорит этот человек, но как только пыталась задуматься и сформулировать что-то, оно тут же расплывалось, ускользая от понимания. Это пугало её. Это временно или нет? Последствия гормонального всплеска или чего-то ещё?

Может, вернутся и голоса, которых она наслушалась в тринадцать лет?

— Когда сбивают вражеский вертолёт, — сказал Олег, — за ним высылают поисковую команду. И кто успеет раньше, зависит от того, где сбили. Сейчас мы, как ни крути, на территории врага, а до людских станций двести километров.

— Значит, ждём гостей, — подытожил Гленн, и Хелена наконец поняла, что они имеют в виду.

Ей не понравились эти слова.

Административный центр Мидгарда, 2 июня.

Снежана Савицкая

Она никогда не любила такого рода места. Деловые центры, администрации и все прочие муравейники, где не протолкнуться от чиновников, где правит бал бюрократия и чтобы пройти все процедуры быстро, нужно приходить с топором или автоматом. Снежана уже не застала живые очереди в кабинеты — всё-таки к семидесятым годам двадцать первого века в Украине сумели по-настоящему внедрить цивилизацию и в госучреждения, но достаточно наслушалась рассказов о них от старших товарищей. К тому же электронные очереди избавляли от траты лишнего времени вне кабинета, но никак не затрагивали происходящее внутри.

Здесь, однако, ничем таким и не пахло. Даже само здание производило совсем другое впечатление — наверное, из-за юности и футуристичности постройки. Как и прочие строения Мидгарда, административный центр был построен с помощью технологий 3D-печати, и дизайнер не скупился на красоты. Плавные изогнутые белые стены, широкие светлые окна, пластиковый пол под ногами — даже как-то неприятно было пачкать его уличной пылью. Нет, конечно, автоматический уборщик это вытрет, но всё равно...

Фасад — аккуратен и строг. Холл — не хуже, чем в европейских институтах. Всяких украшений вроде хрустальных люстр, конечно, пока нет, но вполне возможно, что когда-нибудь прикрутят и это. А пока что — просто и со вкусом.

Куда лучше больницы, во всяком случае.

Охранник молча подвёл её к нужной двери, на которой скромно значилось «Эдмунд Келлер, начальник Биологической службы», указал на табличку и пошёл обратно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Спасибо, — вздохнула Снежана, глядя ему вслед. Затем, немного потоптавшись перед дверью, постучала и нажала на ручку.

За столом сидел опрятно одетый мужчина средних лет с очень обыденным лицом. Его легко можно было представить себе в каком-нибудь Макдональдсе, в баре, смотрящим трансляцию матча по футболу или хоккею, да где угодно. И здесь, в скромном кабинете, в аккуратном деловом костюме с фиолетовым галстуком, тоже.

Разве что лежащие на столе ноги никак не вязались с образом высокого начальства.

— Добрый день, лейтенант. Садитесь, — Эдмунд быстро сел прямо и указал на свободное кресло.

Снежана молча села. Хозяин кабинета выдержал паузу, после чего сказал:

— Признаться, я бы не стал вытаскивать вас из больницы и прерывать лечение, если бы в этом не было необходимости. Надеюсь, вы простите меня за это.

— Ничего-ничего, — быстро ответила Снежана. — Я понимаю.

— То, что я сейчас скажу, должно оставаться в секрете по меньшей мере три дня, — продолжал Эдмунд. — Насколько мне известно, вы знакомы с доктором Хеленой Моргенсен?

— Да. Я эвакуировала её из Вестмааса.

— Тогда вы знаете, что она — ординатор, и лишних вопросов задавать не будете. По её расчётам, на Фрейе с высокой долей вероятности живут разумные существа. Когда я звонил

вам утром, я ещё не был уверен в этом. Но теперь сомнений не осталось.

— Я слушаю, — ровным голосом сказала Снежана, хотя внутри она растерялась. Чего от неё могут хотеть?

— Наша экспедиция на один из плавучих островов провалилась. Она была атакована из засады, и засаду эту устроили совсем не дельфины. Один из дикоптеров сбит, сейчас туда вылетают спасатели. Главная же проблема в том, что мы не знаем, как именно выглядит наш враг. Известно только, что он, скорее всего, ведёт подводный образ жизни.

— Подводная лодка, — сказала Снежана, вспомнив собственную глупую шутку, оказавшуюся правдой.

— Да. Сейчас наши инженеры модифицируют проект одного из старых судов для океанических исследований. Но, к сожалению, у нас нет ни одного человека, кто умел бы управлять им, хотя есть вся документация...

— Но почему я? — изумилась девушка. — Я же пилот, тёмная энергия, а не подводник! Я могу поднять в воздух дикоптер, вертолёт, лёгкую авиацию, но на кораблях в жизни не плавала!

Эдмунд глубоко вздохнул.

— Вы ведь знаете, почему, — сказал он.

Снежана отвела взгляд.

— Вы — модификант, — жёстко продолжил мужчина. — Вы скрываете это ото всех, я понимаю. Но среди попавших на Фрейю людей вы — единственный модификант-мнемоник, знакомый с вождением нестандартного транспорта, что даёт вам преимущество перед всеми остальными.

— Откуда? — тихо спросила Снежана.

— Я был одним из тех, кто встраивал в вас изменённые гены.

Этот ответ окончательно добил её.

С самого детства она знала, что не такая, как нормальные люди, хоть с виду ничем от них не отличается. Повезло ей только в том, что остальные дети вокруг тоже были «не такими». Её обследовали врачи, с ней работали специальные учителя. Снежана впитывала знания, как губка, с лёгкостью запоминала самые сложные стихи, теоремы, методы и решения. Приступая к новой задаче, ей требовались лишь осознать принцип, а дальше включался созданный генетиками механизм, и новая информация намертво закреплялась в мозгу.

Ей не объясняли, что именно сделали учёные. *Ты просто умнее других*, говорили учителя. Снежана знала, что это не совсем так, но молчала. А однажды к ним в класс пришёл грустный директор и сказал, что со следующего года они пойдут в общеобразовательные школы. Потому что проект закрывают.

Снежану выпустили в большой мир. *Ты умнее*, вспомнила она. Только ей не хватило ума скрыть свои способности. А дети очень не любят тех, кто отличается от них.

Взрослые, впрочем, тоже.

— Ладно, — наконец сказала она. — Верю. Чего вы от меня хотите?

— Я хочу, чтобы вы обучились управлению нашей лодкой и доставили учёных к плавучему острову. Это опасная миссия, скрывать не буду. Но нам нужна информация. Иначе можно забыть о колонизации Фрейи. Нас уничтожат.

Довод был железобетонный. Снежана медленно кивнула. Что же, она привыкла рисковать. Каждый полёт — это риск. Когда дикоптер взмывает в небо, всегда есть шанс не

вернуться. Что с того, если здесь он будет в сотню раз выше?

— А почему бы не отправить робота? — на всякий случай спросила она.

— Я консультировался с инженерами, — ответил Эдмунд. — Создание специального автоматического аппарата потребует гораздо больше времени на разработку аппарата, а времени у нас нет. Телеуправление тоже не подходит. Сквозь слой морской воды пройдут только сверхдлинные волны, но они не годятся для этой цели: слишком медленная связь, нужны огромные антенны и так далее. Остаётся живой пилот. Такой, которого можно было бы обучить за очень короткий срок.

— Я согласна, — вздохнула Снежана. — Но у меня есть одно условие.

— Условие? — Эдмунд поднял брови. Он явно не ожидал ничего подобного.

— Да. Вы расскажете, что сотворили с моим телом, когда я ещё только росла в инкубаторе.

— Резонная просьба, — он кивнул. — Хорошо. Как у вас с нейробиологией?

— Только знаю, что это такое, — честно ответила Снежана.

— Понятно. Тогда попробую как можно проще. Ваша модификация являлась контрольной для проекта «Метаморфоз». Грубо говоря, она нужна для проверки, чтобы сравнить частичное изменение мозга с полным. С помощью технологий редактирования генома мы изменили часть генов в вашей ДНК. В основном это гены, отвечающие за работу гиппокампа, синаптическую пластичность, синтез глутаминовой и гамма-аминомасляной кислот...

Он посмотрел в совершенно пустые глаза собеседницы и вздохнул.

— Понимаете, человек не приспособлен для запоминания слов и абстрактных понятий. Куда проще ему запоминать навигацию по местности и материальные, видимые объекты — такой вот эволюционный недостаток, доставшийся нам от предков. Мы устранили его с помощью перестройки нейронов в вашем мозгу. А вот всё остальное, хоть и обусловленное генетически, может быть достигнуто при помощи тренировок обычным человеком. Вы не полноценный ординатор, но зато у вас отсутствуют их проблемы. Всё, чем вы отличаетесь от среднестатистического человека — это способность очень быстро обучаться любому делу, доступному вашему интеллекту.

— Поняла, — тихо сказала Снежана.

— Можно сказать, что вы и ваши коллеги — едва ли не лучший наш результат, — закончил Эдмунд. — До вас генетические эксперименты касались регенерации, прочности мышц и костей, лечения склонности к раку и наследственных болезней. Потом мы попытались затронуть мозг и... ну, вы знаете, чем это кончилось. Зато вперёд выдвинулись контрольные линии вроде вашей. Возможно, в будущем именно они станут использоваться для создания специалистов-модификантов, а ординаторы так и останутся нашей ошибкой. Я ответил на ваш вопрос?

— Да, наверное... — протянула Снежана. — Знаете, в лётной академии меня хвалили за успехи в учёбе, а мне было стыдно, потому что я знала, что это не мои заслуги.

Эдмунд пожал плечами.

— Это не так, — сказал он. — Вы же не станете корить высокого спортсмена за хорошую игру в баскетбол только потому, что он от рождения высокий? Ваша заслуга в том, что вы хотели учиться. Без этого генетически модифицированная память и мышление бесполезны.

— Мне пора, — Снежана поднялась. Слова Эдмунда Келлера что-то задели в её душе, и

она очень жалела, что на Фрейе в нынешние времена нечем напиться. — Сообщите, когда я понадобится.

— Всенепременно, — кивнул её собеседник.

— Хр, — сказала Фиона.

— Молчи, — Хелена осторожно коснулась её губ. — Первичное действие яда проходит, но говорить тебе пока не стоит.

Итальянка на миг прикрыла глаза.

— Ну и отлично, — вздохнула ординатор.

Они сидели в пещере уже несколько часов. Сперва Хелена с тревогой поглядывала на индикатор заряда прибора ИВЛ, но тот был полон и не спешил пока опускаться до нуля. Кто знает, сколько ещё будет действовать яд? Газовой смеси в баллоне точно не хватило бы: по инструкции это сорок пять минут нормального дыхания. А Фиона не может дышать только из-за паралича мышц, подавать ей чистый воздух не так необходимо.

Оставалось только благодарить конструктора, додумавшегося включить в медицинский шкаф дикоптера всё, что только можно. Впрочем, это ведь универсальная машина. На ней могут и медики летать, и спасатели, и кто угодно. А комплектация одинаково полная у всех. Мало ли что может случиться, тем более на Фрейе?

Мужчины тщательно исследовали пещеру и не обнаружили ни пустот, ни скрытого выхода. Кроме нескольких грязно-белых булыжников, здесь не было вообще ничего. Забраться наверх по куполообразному скату, покрытому всё той же губкой, не представлялось возможным. Люди угодили в настоящую западню, как мухи в кувшинчик непентеса.

— Если совсем неумоготу станет, можно будет попытаться вырезать ступеньки и выбраться по ним, — сказал Олег. — Правда, не автоматами же стены долбить... Под слоем этой дряни тут известняк, он хоть и мягкий, но у нас есть только ножи.

— Захочешь, так и гранит расковыряешь, была бы необходимость, — хмыкнул Джеймс. Капитан сидел на большом камне и тщательно проверял механизмы винтовки. — Только наверху нам делать особо нечего. Док, что там с растительностью? Лодку сделать получится?

Хелена покачала головой. Флору островов она изучила неплохо, и кроме кустов там почти ничего не росло. Кое-где встречались джунгли вроде тех, где они попали в засаду, но не больше того.

— Только если вы умеете делать лодки из лозы и лиан, капитан, — отозвалась она.

— Я-то умею, но в такой лодке только по реке плавать, океан не осилим. Тёмная энергия! Тут даже хуже, чем в африканских джунглях!

— Время перечитать Даниэля Дефо, — подытожил Олег. — К слову, я должен ещё раз извиниться, Хелена.

— За что?

— За то, что думал о вас гадости. До того, как познакомился.

— Вы — исключение. Большинство после знакомства продолжает и думать, и говорить.

— Возможно. Наверное, это потому, что я в какой-то мере знаю, каково вам. Я же сознательно заменил себе руки. Люди этого не понимают.

— Ну ещё бы, — усмехнулся Джеймс, изучая поверхность озера. По той пробежала лёгкая рябь. — Если ты потерял руку в катастрофе и тебе приладили новую, красивую и полимерную, ты — жертва. А если оттяпал её сам, чтобы поставить протез и гнуть пальцами

подковы, ты — идиот. Вот так они и думают. Попробуй объясни, что это не их собачье дело.

— Я слышал, Иван зовёт вас ходячим ноутбуком, — Олег посмотрел на Хелену. — И вы терпите?

— Да. Мне безразлично, как он меня называет.

— Этим вы только ухудшаете ситуацию, — покачал головой спецназовец. — Человек ответил бы. Или подчинился. А вы — ни то, ни другое. Вам всё равно.

— Разве это может быть причиной оскорблений?

— Не причиной. Тем, что провоцирует оскорблять вас снова и снова. Вы — *не такая*, как все, и даже не пытаетесь притворяться. Вот и всё.

— Хр! — возмутилась Фиона.

— Интересная мысль, — задумчиво проговорила Хелена.

— Подумайте над этим, — он хотел сказать что-то ещё и вдруг насторожился. Джеймс тоже перехватил винтовку, соскальзывая с камня и укрываясь за ним.

— Что... — начала было Хелена, но альфовец крепко зажал ей рот и покачал головой. Затем он указал на озерцо.

Вода в нём ходила ходуном.

Олег отпустил девушку и скользнул за соседний булыжник. Хелене пришлось остаться на видном месте, играя роль наживки. Впрочем, даже спрячась она, девать Фиону было всё равно некуда — итальянка по-прежнему лежала без движения, а перемещать её было нельзя. И ординатор просто села, поджав ноги и наблюдая за озерцом.

Из губки по-прежнему торчал хвост дикоптера — судя по всему, машина достигла дна. Волны раз за разом набегали на серые пластины корпуса, издавая едва слышный плеск. В пещере не было ни малейшего ветерка, и объяснение могло быть только одно: кто-то поднимается со дна, помогая себе мощными рывками.

Хелена осторожно вытащила пистолет. Затем, вспоминая уроки Алексея, передёрнула затвор и нажала на крохотную кнопчку у дула, включая лазерный целеуказатель.

Палец сам лёг на спусковой крючок.

До озерца метров пятнадцать — примерно столько же, сколько было до мишени в тире. Идеальные условия для неё, но про себя Хелена решила, что стрелять без нужды не будет. В конце концов, у неё есть двое военных, которые с удовольствием сделают это сами.

Из воды показалась зеленовато-серая голова ящера, и ординатор крепко сжала рукоять оружия. Ящер быстро огляделся, заметил Хелену и плавно выполз на болотистую губку, не отрывая взгляда от девушки. У него был зелёный гребень, спускавшийся по спине, а хвост заканчивался тонким острым жалом.

На какой-то миг Хелена испытала лёгкий укол страха. Возможно, будь она нормальным человеком, то боялась бы куда сильнее, но разум ординатора работал по-своему. Хелена чётко знала, что за камнями вокруг сидят наготове двое бойцов, а существу возле озера негде укрыться от пуль, кроме как в воде. Да и оружия у него никакого не было видно, если не считать таковым хвост и когти.

Ящер подполз ближе, продолжая изучать Хелену. Та по-прежнему сидела, сложив ноги. Краем глаза она видела, как Джеймс изучает инопланетянина, едва выглянув из-за камня. Значит, надо дать ему время. Не шевелиться.

— Ку-кр-кр-куур-аос, — сказал-пропел ящер. Высокие звуки его голоса то пропадали, то вновь возникали, точно испорченный музыкальный файл, и у Хелены заломило в висках. А из озера тем временем лезло подкрепление.

Один, другой, третий. Машинально девушка отметила, что у этих существ по шесть глаз, а не четыре, как у виденного Фионой. Были и другие отличия, но в целом ящеры всё равно выглядели очень похожими на собратьев с «Сигюн». Другие расы? Другой вид?

— Кр-кр-куаф, — донеслось из-за спин инопланетян, и в тот же миг застрекотали автоматы.

Стоявших впереди буквально снесло, словно по ним ударили невидимым цепом. Один из ящеров бросился в отчаянную атаку на Олега и тут же упал, получив короткую очередь в голову. Губка быстро окрашивалась кровью, и как-то совершенно механически Хелена поняла, что у аквантов она красная — красная, как у людей.

Выстрел. Выстрел. Ящеры умирали молча, а ординатор по-прежнему сидела, не шевелясь, и бесстрастно наблюдала за бойней.

Должна ли она испытывать эмоции? И если должна, то какие?

Она не знала.

— Коа-кр-хоо-фр! — заверещало существо за спинами солдат. Те тут же сгруппировались, оперативно отступая обратно в лужу-озерцо.

— По ногам! — крикнул Джеймс, бросаясь вперёд. Акванты один за другим ныряли в тёмную воду, и лишь последний вздрогнул, когда Олег короткой очередью перебил ему голени.

Но и он, пошатнувшись, всё равно исчез под водой.

А следом прыгнул капитан Гленн.

— Хр! — вздохнула Фиона. Хелена подалась вперёд. Её разум захватила тревога, и ординатор с мрачным удовлетворением отметила, что в отношении людей чувства у неё всё же есть.

Вода успокоилась.

— Вот ведь полоумный, — пробормотал Олег.

— Он выплывет?

— Надеюсь.

Десять секунд. Никакого движения.

Двадцать. Всё по-прежнему.

Тридцать.

Сорок.

— А-а! — Фиона шевельнулась. Глаза её сверкали.

— Тихо! — Хелена зажала ей рот, и в тот же миг вода взорвалась тучей брызг. Олег, закинув автомат за спину, бросился на помощь. В полутьме пещеры его фиолетовые протезы были почти невидимы и казалось, будто он вовсе лишён рук, но через секунды обманчивая иллюзия пропала — ухватив Джеймса за плечи, альфовец быстро вытаскивал его на сушу. Капитан тяжело дышал, но продолжал крепко сжимать лапы ящера — одного из тех, кто напал на них.

— Всё... — выдохнул Джеймс, оттаскивая инопланетянина от воды. Тот был без сознания. — Умей извлекать выгоду даже из поражения, говорил какой-то древний умник. Как же он был прав, тёмная энергия!

— Отойди, — Олег схватил ящера за руки и без особых усилий потащил его прочь от озера. За ногами существа тянулся кровавый след.

— Хр! — снова возмутилась Фиона.

— Спокойно, — ответил Джеймс, стряхивая воду с комбеза. — Я живой, всё в порядке.

Итальянка застонала, слабо шевелясь.

— Успокойся, ну, — он сел рядом. Хелена с любопытством следила за ними, забыв даже о пленнике. — Всё, всё закончилось.

— Ещё нет, — заметил Олег, швыряя пленника у одного из булыжников. — Есть чем связать этого рыбоида?

Хелена молча достала из аптечки длинный шнур, предназначавшийся для фиксации больных и наложения шин. Олег хмыкнул, но всё же взял его и довольно сноровисто стянул ящерицу руки и ноги.

— Теперь остаётся снова ждать помощи, — сказал он, и, будто в ответ, в наступившей тишине откуда-то издалека донёсся звук летящего дикоптера.

Центр контроля биологических угроз, 4 июня.

Джеймс Гленн

К удивлению капитана, поимка рыболода, или акванта, как его окрестили учёные, отнюдь не продвинула дело познания врага. Наоборот, пленник породил многочисленные учёные дебаты и склоки. Целая толпа биологов, запрудившая виварий Центра, только и делала, что ругалась между собой, обсуждала концепции и гипотезы. Но к чему-то определённому они так и не пришли.

Один этолог, француз по имени Пьер Леманж, провёл серию экспериментов и выяснил, что интеллектом инопланетянин ненамного превосходит дельфина. Пленник оказался способен понимать простые жесты, например, говорившие о подаче пищи, но сам большого интереса к мучителям не проявлял и только сидел наполовину в искусственном озере, наполовину на берегу, поглядывая изредка по сторонам. Попытки вступить с ним в контакт с помощью универсального языка математики закончились безразличием: пленник не знал ни теоремы Пифагора, ни конических сечений. Равнодушными его оставили и прочие геометрические демонстрации.

— И это местная разумная жизнь? — восклицал француз, тыча пальцем в экран монитора.

С ним согласились, что выглядит это действительно странно. С другой стороны, возражали оппоненты, аквант вполне мог оказаться достаточно умным, чтобы имитировать инстинктивное поведение, другими словами, попросту притвориться дурачком. Леманж в ответ заявил, что контакт с таким существом в любом из двух случаев маловероятен, и что он умывает руки.

Затем кто-то высказал гипотезу, что это на самом деле просто дрессированное существо, как ящеры на «Сигюн», а кукловоды по-прежнему скрываются в глубине плавучих островов. Ему ответили, что акванты могут совершенно иначе воспринимать изображения и попросту не поняли, что именно рисовал Леманж, после чего дискуссия вышла на новый уровень.

Джеймс наблюдал за всем этим с терпением истинного естествоиспытателя. Людей в аудиторию набилось немало, так что в конце концов он поднялся и опёрся о стену, дав устроиться поудобнее девушке-лингвисту, которая сидела рядом. Как выяснилось из короткого разговора, лингвистика была её работой там, на Земле, здесь же она проходила квалификацию в операторы 3D-принтеров. А с поимкой акванта девушке пришлось вернуться к старой профессии, правда, толку от неё в этом учёном балагане было немного.

Сам капитан толком не знал, зачем он вообще здесь сидит: у него было свободное время, которое вполне можно было провести за книжкой или фильмом. Но нет, что-то удерживало его здесь, хотя немалую часть разговоров он попросту не понимал. С другой стороны, Джеймс в конце концов поймал представителя разумной внеземной жизни — когда ещё такое случится? Да и эрудицию можно подтянуть, не совсем же он дурак. Жаль только, едва отошедшая от яда Фиона ушла резать привезённых с острова мертвецов, заявив, что ей надоело толочь воду в ступе. Учёные старшего поколения нагоняли на неё глухую тоску.

— Вы уверены, что эти существа демонстрировали разумное поведение? — спросила лингвист.

— Более чем. Эти твари пришли за нами, тут сомневаться не приходится, и хорошо знали, что мы были в пещере. Но при этом я видел несколько разных существ. То есть они были очень похожи, но... А, тёмная энергия! Ну, вот представьте себе отряд людей, где у одних по четыре глаза, а у других — по шесть. Я, как видите, поймал шестиглазого, тогда как четырёхглазый получил пулю.

— Но это же очень важно! — возмутилась девушка. — Почему вы об этом не скажете им?

— А я сказал, — усмехнулся Джеймс. — Просто эти умники не читают отчёты, написанные какими-то там вояками, а вскрытие командира ещё не провели. Да там, если по чести говорить, и вскрывать нечего, его буквально в кашу перемолотло, простите за подробности.

— Наверное, наши учёные действительно неправы, — вздохнула лингвист. — Но я верю доктору Леманжу. Это существо и впрямь или глупо, или маскируется.

— Знаете, Виктория, он, может, и прав, но мы ведь не видим всего айсберга. Только вершину. Я не биолог и вообще не учёный, но я военный, и один факт мне известен точно: это, — он показал на экран, который показывал происходящее внутри клетки с аквантом, — представитель существ, напавших на нас, и существа эти обладают разумом. Нечто похожее моя подруга видела на борту «Сигюн», то же самое видел я на острове. Вполне возможно, что этот, например, солдат, а четырёхглазый — командир. А ящеры на «Сигюн», которых тут упоминали, совсем уже животные. Ну, вроде как дрессированные собаки у них такие.

Виктория с сомнением покачала головой.

— Научить говорить можно и шимпанзе, — сказала она. — Их речевой аппарат не приспособлен для наших языков, но они могут обучаться языку жестов, которым пользуются глухонемые. Они понимают смысл слов и, например, используют слово «грязный» не только по прямому назначению, но и как оскорбление. И всё-таки обезьяны недостаточно умны для ведения полноценной войны, а ведь если я правильно поняла, предполагается именно это. Обезьяну не научишь тактике и стрельбе.

— Если этот парень — всего лишь солдат, то большой интеллект ему не нужен, — хмыкнул Джеймс. — Ну, не обезьяна, конечно, но всё же. Другое дело, что на наш захват вряд ли послали бы рядовое мясо. Это как к упавшей летающей тарелке с зелёными человечками отправлять курсантов из училищ.

Тут на кафедру поднялся низенький лысоватый биолог и поднял руку, призывая к тишине.

— Коллеги, пришёл отчёт от аналитиков, — сказал он. — Весьма запоздалый, надо сказать. Сообщено, что данный экземпляр отличается от замеченных на «Сигюн» и в Мёртвом поясе. Отличия довольно критичны: например, у нашего пленника шесть глаз, в то время как у объекта с «Сигюн», по словам очевидицы, четыре. Кроме того, четырёхглазое существо упоминается в отчёте участвовавших в операции военных и, как выяснилось, его труп сейчас находится в морге...

Джеймс громко фыркнул.

— По всей видимости, это разные виды, возможно, находящиеся в подчинении по иерархической структуре, — закончил лысый. — Более высокоразвитые используют существ вроде нашего пленника как солдат. Именно поэтому наши попытки войти в контакт с помощью математики потерпели неудачу.

— Другими словами, это как если бы мы поработили обезьян и заставили их нам

служить, — заметил один из слушателей.

— Идея довольно странная, но мы уже убедились, что на Фрейе наши представления об эволюции слабо применимы. Возникает, однако, вопрос, как эти виды разошлись, и почему возникло такое подчинение...

— Они так до вечера спорить будут, — вздохнула Виктория.

— Это если повезёт! — хмыкнул капитан. — Но в целом главное я уяснил. Нужно больше пленных. Не то эти учёные господа так и будут топтаться на месте. А вообще, я считаю, этих разных видов у аквантов полно. Если предположить, что наш пленник — простой рядовой, то виденный мною четырёхглазый — сержант или капрал. Сам собой напрашивается вывод, что есть ещё лейтенанты, майоры, капитаны, и так до главнокомандующего. Правда, сколько у него глаз, я предполагать не берусь.

— Разумная идея, — послышалось сверху. Джеймс повернул голову — на следующем ряду у самого края сидел, улыбаясь, седовласый учёный. — Должен признать, я не ожидал такой работы мысли от военного человека.

— Надо же разрушать стереотипы, — ухмыльнулся американец.

— Только я позволю себе немного дополнить вашу мысль. Скорее всего, акванты — это конгломерация форм, разделённых по исполняемым функциям. Как муравьи. Рабочие, солдаты...

— Звучит похоже на правду, — согласился Джеймс.

— Это одна из рабочих гипотез. У тех, кто взял на себя труд прочитать всю доступную информацию и заглянуть в морг, — биолог вновь улыбнулся.

— А! Отрадно видеть, что тут собрались не только старые маразматика.

— Как грубо, — обиделась Виктория.

— Ну, я же не вас имел в виду...

— Тем не менее, всё это лишь гипотезы, молодой человек, — помолчав, сказал биолог. — Вы совершенно правильно сказали, что нам нужно больше пленных. Пойманный вами аквант, несомненно, ценная добыча, но лишь потому, что другой у нас нет.

— Значит, нужно организовать охоту? — Джеймс крепко задумался.

— Ну почему же? — удивился его собеседник. — Думаю, они придут к нам сами.

— Зачем они вообще напали на нас? — вздохнула Виктория

Капитан посмотрел на неё.

— Это же ясно, как день, — сказал он. — Потому что мы прилетели заселить мир, который они считают своим.

Административный центр Мидгарда, 4 июня.

Хелена Моргенсен

Эдмунд Келлер слушал внимательно. Отчёт Хелены он прочитал очень быстро, после чего пожелал выслушать его ещё и от самого автора. Ординатору пришлось подчиниться, и она входила в кабинет Келлера с чувством, что над ней издеваются.

— Всё хуже, чем я думал, — помолчав, сказал Келлер, когда Хелена закончила. — Вопросов множество, а ответов у нас нет. Логика не сходится. А значит, мы что-то упускаем.

— Что вы имеете в виду?

Он откинулся на спинку кресла.

— Понимаете, доктор Моргенсен, я передал ваш отчёт в отдел обороны, где его изучили и проанализировали. Вы не делали никаких выводов из произошедшего, потому что вам этого не поручали, а если говорить откровенно, это и не ваша работа. Здесь нужно подключать не биохимию, а тактику и стратегию.

— Мне по-прежнему неясно, — сказала Хелена.

Келлер вздохнул.

— Ваш отчёт прочитали военные. И им сразу бросилась в глаза странная деталь. Засада была организована превосходно: если бы не ваша прозорливость, скорее всего, вся группа погибла бы. А вот на захват этой же группы, угодившей в пещеру-ловушку, направили совершенно не приспособленных к этому, хм, существ. В рапорте капитана Гленна утверждается, что действовали они хуже зелёных новичков, хотя он и соглашается, что, скорее всего, это действительно были солдаты. Сейчас доктор Кристофоретти проводит анатомирование последнего из убитых, по-моему, это доставляет ей какое-то извращённое наслаждение. Но я не думаю, что это что-то изменит. Моё мнение останется прежним.

— Когнитивный диссонанс из-за противоположности этих двух фактов?

— Да. Из этого следует то, что мы попросту не знаем всей картины.

— Ещё бы, — Хелена позволила себе лёгкую усмешку. — Мы не знаем об аквантах практически ничего.

— По сути, да. Я хочу, чтобы вы собрали данные по биосфере Фрейи и помогли военным разработать инструкции для солдат на основе наших новых данных. Возможно, были бы хорошо, если бы вы занялись изучением военной науки. Тогда мы займёмся поиском и изучением аквантов уже вплотную. Вполне возможно, мы сумеем войти в контакт с ними и заключить мир.

— И я должна быть готовой корректировать эти инструкции?

— Разумеется.

— Тогда я займусь сегодня же.

— Превосходно. Что ж, тогда более не задерживаю.

Хелена не шевельнулась.

— У меня есть один вопрос, доктор Келлер.

Он поднял взгляд.

— Да?

— Тогда, на острове, моя лучшая и единственная подруга умирала от яда. Любая другая девушка на моём месте впала бы в панику. Конечно, возможно, она пересилила бы себя и сумела бы вспомнить о приборе искусственной вентиляции лёгких. И даже установить его.

Но в любом случае её эмоции мешали бы делу, а руки дрожали бы от притока адреналина.

— Понимаю, — глухо сказал Келлер.

— Раньше я думала, что это просто из-за флегматичного характера, — угрюмо продолжала Хелена. — А теперь вот настал критический момент, и было то же самое, что и обычно. Я боялась за Фиону, боялась, что сделаю что-то не так, но это не мешало мне действовать.

— Разве это плохо?

— Если смотреть с точки зрения Фионы — нет. Для меня же это как минимум странно, потому что ни один нормальный человек не испытывал бы того же, во всяком случае, без серьёзной подготовки. Я хочу ответов, доктор Келлер. Насчёт того, что со мной сделали.

— Вы не первая, кто их требует, — проворчал он. — Проблема в том, что вы можете в них разобраться... Вот что. Я дам вам это, — он достал блокнот, вырвал лист и изящной ручкой размашисто написал на нём адрес. — Договорюсь с ним, а моя секретарша сообщит, когда вам прийти. Он ответит гораздо лучше меня.

Хелена взяла в руки листок.

«Улица Брэдбери, д. 5, Владимир Рыжков», — гласила надпись.

Центр контроля биологических угроз, 4 июня.

Фиона Кристофоретти

«Тетродотоксин: небелковый яд нервно-паралитического действия. Химическая формула: CHNO . Физическое действие на организм: молекулы тетродоксина закупоривают натриевые каналы нервных волокон, блокируя ток ионов натрия и, таким образом, управление мышцами. Симптомы отравления...»

Фиона прочитала это на Википедии — ничего лучше под рукой не нашлось. От каждой буквы её мутило, точно она коснулась творчества маркиза де Сада, и статья так и осталась недочитанной. В конце концов от избытка чувств Фиона стёрла всю историю браузера, едва сдерживаясь, чтобы не расколотить планшет о стену.

Это было во время короткого периода на больничной койке. Потом итальянка вернулась к работе, и очень быстро нашлось дело ей по душе.

— Не сложнее, чем потрошить лягушку в школе, — сказала она, ловко делая надрезы, точно занималась этим всю жизнь. Руки слушались её пока ещё не очень хорошо, но, как мудро рассуждала Фиона, существо на столе вряд ли будет протестовать.

Жан, сухопарный худой француз, посмотрел на неё с неодобрением. Он был серьёзным, слишком серьёзным для учёного, как считала Фиона, и шутки на работе не любил. Итальянку в помощниках он воспринял как неизбежное зло.

«Загубит образец, так он всё равно ценности не представляет, слишком повреждён», — пробурчал он тогда в ответ.

Фióне на это было глубоко наплевать.

Она попросту отводила душу.

— Плавней движения, — проскрежетал Жан. — Плавней! Вы не курицу разделяете, аккуратно!

— Тоже мне, аккуратист, — Фиона выяснила, что кости грудной клетки акванта очень похожи на человеческие и теперь возилась с хрящами, собираясь снять рёбра. — Этому-то уже всё равно!

— Зато не всё равно мне, — отрезал француз. Экземпляр был восьмым, который лёг под нож, и Фиона не сомневалась, что предыдущие разложили чуть ли не на молекулы. Жан просто брюзжал, вот и всё.

Итальянке нравилось потрошить одного из тех, кто ещё вчера едва не убил её. Нравилось щеголять в костюме биозащиты, пусть даже в нём было слегка душновато. И особенно нравилось вспоминать полузабытые навыки — месяцы практики патологической анатомии не прошли даром.

Этот аквант был буквально изрешечён пулями, которые, как выяснилось через минуту, превратили его грудную клетку в кашу. Наверное, только поэтому Фиону и поставили на его анатомирование, наплевав на иную расцветку и прочие детали, делавшие его более интересным, чем остальные. Она не знала, была ли это такая психологическая реабилитация или просто кто-то из начальства решил таким образом посмеяться, но в любом случае была благодарна тому, кто это придумал.

Ей нравилось.

— У этого вместо лёгких челюстная полость с водой, — заметила она, тыча пальцем в чудом уцелевший орган. Пули прошли чуть ниже, свинцовыми глазками проглядывая в

раздавленных тканях. — Он не двоякодышащий.

— Если бы господа солдаты стреляли аккуратней, мы бы нашли и другие различия, — пробурчал Жан. — Срежьте вот эти мышцы.

— Господа спасали свои жизни, а не добывали для вас материал, — Фиона принялась отделять мышечные волокна от костей.

— Наука должна быть прежде всего, — в голосе Жана был такой авторитет, что Фиона не выдержала и прыснула со смеху. — И в этом нет ничего смешного! Без науки человечество обречено на гибель!

— Да, да, верно, — Фиона срезала очередной пласт и уставилась на открывшую картину. — Тёмная энергия!

— Что такое? — Жан тоже посмотрел. — Чужеродное существо?

— Похоже на паразит. Или мицелий кордицепса. По «Discovery» была однажды передача, я хорошо запомнила.

— Вы основываетесь на общеобразовательных программах для детишек? — насмешливо спросил Жан. — У других экземпляров такого не было.

— Этот от них отличается. Хотя это можно было сказать и без вскрытия.

— Вот как?

— Ну да. У него шесть глаз вместо четырёх, — Фиона захохотала уже в голос.

— Как будто мы сами не заметили, — саркастически ответил Жан. — Гриб, значит... Сфотографируйте его. С разных ракурсов, и без вспышки. Кто знает, как он реагирует на свет.

Как ни старалась итальянка, вывести его из себя у неё не вышло. Впрочем, своё удовольствие от работы она всё равно получила.

— Кр-кр-куаф, — сказал аквант.

— Детектор шевелится, — сообщил Петер. — Запись такая же. Ты права как никогда, Вика. Он говорит на ультразвуке.

— На смеси частот, если быть точным, — без особой нужды поправила его девушка, удивляясь сама себе. Может, она заразилась занудством от этого педантичного до кончиков ногтей немца? Или это так на неё подействовала смерть Софи? — Ладно, мы выявили некоторые осмысленные фразы, которые он говорит. Уже хоть какой-то прогресс.

— Я бы не был таким оптимистичным. Нам ещё нужно понять, что эти фразы означают.

Вика лишь покачала головой. Пока крупные учёные спорили друг с другом в зале совещаний, они с Петером ухитрились поговорить с Эдмундом Келлером и выторговать себе несколько часов работы над пленным аквантом. Глава Центра особо не возражал — его, кажется, уже начинала доставать эта бесплодная гонка, и ждал он только момента, когда закончатся подготовительные работы с подводной лодкой, чтобы расставить точки над «ё». Поэтому теперь они, вооружившись современной аппаратурой, пытались понять речь пленника. К сожалению, получалось пока не слишком-то хорошо.

— Если вспоминать гипотезы о способах контакта с инопланетной жизнью, то так или иначе этот контакт возможен, только если обе стороны хотят его установить, да и то не всегда, — сказал Петер. — Ну, положим, наш парень слишком туп, чтобы понять теорему Пифагора и конические сечения. Тогда понятно, почему у того французика ничего не вышло. Но ведь говорить он может!

— Капитан Гленн сказал, что наш аквант может быть рядовым их армии. По крайней мере, он видел подобное существо, которое ему что-то приказывало на том же языке.

— Кр-кр-куаф, — прострекотал пленник.

— Опять то же самое, — Петер постучал по экрану прибора. — Совершенно такая же аудиограмма.

— Осталось только наверняка понять, слова это или всё-таки просто бессмысленный лепет, — усмехнулась Вика.

Формально они подчинялись доктору Герману Цанну, но тот прямо заявил, что даст молодёжи шанс проявить себя, и в работу не вмешивался, лишь наблюдая со стороны за их усилиями. Такое руководство вполне устраивало Вику: в конце концов, занимались они тем, что оказалось не по плечу целой команде учёных лбов, и вряд ли ещё один мог что-то поменить.

Правда, их собственные успехи тоже пока оставались скромными. Они лишь выявили несколько фраз, которые проговаривал пленник, и узнали, что его речь частично лежит в слышимом диапазоне, а частично является ультразвуком. То есть овладеть его языком для человека невозможно.

Требовался лингвентсор, но хотя любой специалист мог бы собрать его за полчаса, его надо было настроить — и вот здесь по-прежнему царила полная тьма. Они даже не знали толком, являются ли издаваемые пленником звуки значимыми фразами, хотя всё и указывало пока что на это. Аквант не собирался идти на контакт, а как заставить его, Вика не знала. Не знал и Петер.

— Он хуже жестянок, — сказал напарник, покосившись на охранника за стеклянной стеной. — Те себе руки-ноги на механическую дрянь заменяют, так хоть частью людьми остаются. А тут — животное. Как есть животное.

Охранник его не слышал. Может, оно и к лучшему, подумала Вика, потому что иначе солдат попросту задушил бы Петера собственными руками, сплетёнными из блестящих стальных жгутов. На самом деле эти распирающие футболку мускулы культуриста были вовсе не стальными, а из каких-то полимеров, но на этом познания девушки в науке о протезах заканчивались.

— Может, подключим ординаторов? — спросила она. — Что-то дельное скажут...

— Фу! — Петера аж передёрнуло. — Да они сами как эти твари. Общался я с одной такой. Рыжая, красивая, а заговорит, прямо холодом обдаёт. Роботы это, только засунутые в человеческое тело. Не, ну их куда подальше.

— Что там на очереди? — вздохнула Вика. Петер посмотрел на экран смартбрасера на запястье:

— Раз ты определила диапазон их речи, попробуем выделить фонемы. Да?

Девушка молча пошла к столу, где громоздилось выданное им оборудование. Работы у них было ещё много.

Административный центр Мидгарда, 6 июня.

Джеймс Гленн

— Не кажется ли тебе, Андрей, что нас сегодня маловато? — спросила Аманда.

— Текущие вопросы касаются только нас с тобой и Эда. Глупо расспрашивать агронома о методах изучения чужих цивилизаций.

Джеймс откинулся на спинку стула. В комнате их было четверо — он сам и трое правителей. Аманда Бартлет, начальник Технической службы Мидгарда. Эдмунд Келлер, начальник Биологической службы. Андрей Плутон, координатор Совета. И он сам, капитан Гленн, оперативник, которого вытащили на совещание к большим шишкам просто потому, что он видел и слышал больше других. По его мнению, вытаскивать сюда стоило бы Хелену, которая всё равно поняла из увиденного куда больше него и могла рассказать это. Но сейчас им требовалось мнение военного.

— К слову о вашем вопросе, капитан, — продолжил Келлер: незадолго до совещания Джеймс имел-таки глупость поинтересоваться насчёт ординатора, за что теперь корил себя. — Доктор Моргенсен направлена изучать материалы по военному делу для повышения квалификации. Её отчёт мы уже получили, но она — не специалист в области войны и не обладает опытом. В отличие от вас.

Джеймс не разделял его отношения к своим аналитическим способностям, но смолчал.

— В своём отчёте вы упомянули странное несоответствие в методах аквантов. Можете пояснить более детально?

— Да что тут пояснять? — вздохнул он. — У меня такое впечатление сложилось, что эту засаду на острове не акванты устроили, а кто-то другой. Если бы не предупреждение Хелены... доктора Моргенсен, мы бы все там и остались. Снижение уровня видимости, атака ядовитых насекомых, причём разных видов с разными ядами. Насколько я понимаю, в таких условиях для первой помощи нужно ещё найти правильное противоядие, если оно вообще есть. Короче говоря, засаду они устроили идеально. И сбили наш дикоптер тоже очень быстро — значит, заранее готовились. А вот когда мы упали в пещеру, всё вдруг стало наоборот. Ну, я понимаю, непредвиденная ситуация, но всё равно нас должны были поймать без особого труда. Но акванты действовали, как идиоты. Полезли под пули, без прикрытия, с одним тупорылым разведчиком. И получили.

— У вас есть предположения, как можно сложить эту картину? — спросил Келлер. Он слушал очень внимательно и, кажется, даже включил диктофон.

— Нет. Я солдат, а не философ.

— Но одно предположение вы всё же высказали: это могли быть устроить разные расы, — заметил Плутон.

— Я не ручаюсь за его достоверность, — Джеймс пожал плечами.

— Понимаю. К тому же оно, скорее всего, неверно: две цивилизации не ужились бы в одном океане. Аманда?

— У меня тоже никаких мыслей, — вздохнула женщина. — Правда, у пятнистого в голове нашли какой-то грибок, но что это такое, пока никто не знает. Симбионт, паразит... Неясно всё. Разве что они просто не были готовы к тому, что сбитый дикоптер провалится в пещеру. Если выход только один, то взять находящуюся там группу без тяжёлого вооружения или гранат почти невозможно. Только если завалить трупами. Они это и попытались

сделать.

Джеймс покачал головой. Не было это похоже на прорыв с живым щитом. Акванты просто пришли захватывать землян. Вылез один ящер, крякнул, что всё хорошо, и полез напролом. Даже за камни не заглянул, где могли прятаться — и ведь прятались! — враги. А ведь найдись у него мозги проверить пещеру, прежде чем давать отмашку, черта с два они бы пленного захватили. Как бы самим выжить.

— Н-да, — Плутонов постучал пальцами по столу. — То есть чистое везение?

— Мне всегда везло, — усмехнулся капитан.

С другой стороны, вдруг подумал он, а что, если аквант просто не заметил их? Что, если он привык пользоваться другими чувствами — эхолокацией, например? Вроде бы то ли киты, то ли летучие мыши ультразвуком ищут добычу. Сонаром. Просканировал пространство, ничего не нашёл, и решил, что всё в порядке. Это как если бы сам Джеймс в очередной хибаре деревушки долины Конго изучил все комнаты и не заметил какого-нибудь паренька под кроватью.

Нет. Привычные ко всему, что он, что парни из его отряда норы мышиною не пропустили бы.

Всё-таки акванты воевать не умеют.

Но воюют. А иначе и нельзя.

— Думаю, причина лежит глубже, — задумчиво проговорил Келлер. — Понимаете, логика аквантов, как ни крути, остаётся человеческой, просто потому, что другой не существует. Они познавали те же самые законы, что и мы. И решают задачу пусть иным способом, но задачу ту же самую. А вот их мораль и методы могут быть совершенно иными. Например, они могут быть лишены страха смерти, как японские камикадзе во время Второй Мировой. Об этом судить ещё рано, но понимание будет ключом к разгадке.

— Мы пока даже не знаем, принадлежат ли виденными капитаном существа к расе наших врагов, или это подчинённые им животные, — заметила Аманда.

— Для этой цели мы и запускаем лодку к началу той цепи островов, что идёт через весь океан. Как там её? А, вспомнил. Ёрмунганд. Мировой Змей.

— По мне, так мы слишком цепляемся за мифологию, — сказал Плутонов. — Не стоило так называть местные достопримечательности. Во-первых, это трудно выговорить, во-вторых, помнится, у них всё кончилось Рагнарёком.

— Мы свой уже пережили, — буркнул Джеймс.

Советники переглянулись.

— Значит, остаётся только ждать результатов, — подытожила Аманда. — Что там с пилотом, Эд?

— Уже нашёл. Очень милая девочка, модификант с линией ускоренного обучения. Летает на дикоптерах, сейчас уже уверенно правит лодкой. Через несколько дней отправляем.

— Ох и прибудет нам работы...

Джеймс молчал. Ему не впервой было встречаться с высоким начальством, но эти люди производили странное впечатление. Казалось, их заботит только выполненная работа — и ничего больше. Они ходят сюда, на заседания Совета, как обычный инженер в свой офис. И насколько мог заметить Джеймс, это было куда эффективней, чем просиживать штаны в парламенте, голосуя за очередной законопроект.

Никто ведь никогда не задумывается, как этот проект повлияет на общество. Каждому

важно только высказать своё мнение и заставить других принять его.

— Ладно, — наконец сказала Аманда. — Я дам установку собрать контактную группу. Снабдим их всей нужной техникой, и пусть попробуют хоть как-то показать аквантам, что мы не хотим воевать.

— Не хотим? — хмыкнул Джеймс.

— Именно так. Вы ведь не думаете, что у нас есть шансы победить целую цивилизацию?

Капитан Гленн мог бы рассказать ей о конкистадорах, которым удалось примерно то же самое, но он промолчал. Пусть блондинистая ирландка и не была его непосредственным начальством, но спорить с верхами обычно себе дороже.

— Но и успехи наших лингвистов пока весьма скромные, — скептически заметил Эдмунд.

— Возможно, пленники просто впадают в шок. На воле всё будет иначе.

— А может, и нет.

— Это пустой спор, — поморщилась Аманда. — На сегодня всё.

Мидгард, 6 июня. Хелена Моргенсен

Она выехала на проспект Лема — две широкие полосы, разделённые аккуратной зелёной изгородью. Весь город был похож на эту улицу: такой же чистый, опрятный, яркий, точно картинка, обработанная в графическом редакторе. Иногда Хелене казалось, что это всё — сон, так не бывает, что сейчас всё кончится и она проснётся в своей постели в Нидерландах.

Только Нидерландов больше нет. Они превратились в огромный залив, когда рухнули дамбы. И если бы не эвакуационная команда, неизвестно, от чего погибла бы Хелена — от радиации или воды.

— Улица Брэдбери, дом пять, движение завершено, — объявил компьютер автоматического такси. Хелена выбралась из машины, подавив желание провести запястьем по оплатному терминалу. Некоторые привычки въедаются в душу так, что от них очень сложно избавиться.

Когда-нибудь, наверное, на Фрейе вновь появятся деньги. Но сейчас человечество пока не нуждалось в них.

Дом академика Рыжкова ничем не отличался от соседних. Такой же яркий белый цвет, напоминавший о пластике бытовых приборов, такие же плавные формы — минимум углов, минимум выступов. Даже в экстремальных условиях инженеры старались строить красиво. Дом казался маленьким, на двоих, не больше. И, скорее всего, академик жил один.

Хелена очень надеялась, что больше их разговор не будет слушать никто.

На зов звонка из-за двери донеслось приглушённое «входите», и Хелена нажала ручку двери. Эмоции, которые она сейчас испытывала, были хорошо знакомы и оттого не так сильны, как раньше — это была нерешительность. Она ждала ответов. Но для этого следовало зайти в дом к незнакомому человеку, а за двадцать два года Хелена так и не смогла научить себя уверенности.

Дом и вправду был маленьким. Дверь открывалась сразу в единственную комнату, весьма аккуратную и ухоженную. В углу стоял стол с компьютером, и сразу можно было заметить, что здесь по-настоящему работают. Владимир Рыжков не пренебрегал бумажными носителями — стол был буквально завален папками, чертежами, какими-то рисунками, записками и прочим хламом. Подобного Хелене видеть не доводилось.

— Не удивляйся, — сказал хозяин дома, заметив её взгляд. Доктор Рыжков стоял у окна, с интересом разглядывая девушку. На вид ему можно было дать лет шестьдесят, но Хелена знала, что это лишь видимость. Википедия, резервные копии которой заботливо вывезли с Земли, любезно снабдила её всей общедоступной информацией. Владимир Рыжков родился ещё в конце двадцатого века. — Это старые привычки. Не могу я с электронщиной работать, на бумаге как-то приятнее.

— Здравствуйте, — сказала Хелена на русском языке.

Он поднял брови.

— Ты знаешь русский?

— Я изучила шесть основных европейских языков.

— Ординатор... — протянул Рыжков. — Понимаю. Хорошо, пускай будет русский. Последний раз я на нём говорил слишком давно, чтобы упускать такой шанс.

— Вы... — она смутилась.

— Не беспокойся. Я знаю, ты перешла на мой родной язык, чтобы вызвать симпатию. Обычный психологический ход. Но работающий, надо сказать.

Он указал на небольшой диванчик, приглашая гостью сесть. Хелена молча подчинилась.

— Я знаю, зачем ты здесь, — продолжал он. — Долго думал, что тебе сказать. С одной стороны, мы игрались со слишком опасными вещами, чтобы раздавать знания о них кому попало. С другой — ты отнюдь не «кто попало», и уж кто-то, а ты имеешь право знать обо всём.

— У меня есть и свои причины, — обронила Хелена.

— Да? Что ж, это лучше, чем я ожидал. Ладно. Это будет сложный разговор. Без допинга не обойтись...

Вздыхнув, он подошёл к шкафу, и Хелена испытала растерянность. Потому что из шкафа Рыжков достал бутылку шотландского виски.

— Сувенир, — сказал он, перехватив изумлённый взгляд девушки. — Сорок килограмм личных вещей на человека — очень много, если подумать. У меня и половины не набралось. Вот и добил лимит. Этой бутылке было три года, когда она попала на борт «Авангарда». Теперь, хе-хе, лучше даже не считать... Ты позволишь?

Хелена лишь кивнула, не в силах сопротивляться этому ласковому напору. Перед ней возник закруглённый стакан, в который Рыжков щедро плеснул золотистого напитка.

— Закуски, конечно, нет, но виски и не закусывают, — сказал он. — Попробуй.

Хелена осторожно поднесла стакан к губам. Глотнула — жидкость обожгла горло, ударила в носоглотку и горячим камнем упала куда-то вниз. От неожиданности она поперхнулась, но тут волна отступила, оставив приятное послевкусие.

— Вы были руководителем проекта? — с трудом спросила она. Слова будто застревали в горле, и их приходилось выталкивать наружу, точно пробки.

— Я заведовал несколькими линиями. Генеральным директором был Эдмунд Келлер.

— Он сказал, вы ответите на все вопросы.

— Отвечу. Можешь даже не задавать их — я знаю всё и так.

— Знаете? Откуда?

— Это очень просто понять, дорогая. Для меня. Тебе, с твоим логическим и насквозь рациональным, лишённым эмоций мышлением, гораздо сложнее. Минусы ума, можно сказать.

— Ладно, — решила Хелена и отпила ещё немного. Напиток действительно был приятным, несмотря на огненный эффект. Нужно было лишь пить маленькими глотками. — И какой же тогда у меня первый вопрос?

— Ты хочешь знать, кем были твои биологические родители и, главное, можно ли их вообще считать таковыми. Так вот, были и можно. Твой геном, конечно, сильно изменён. Гораздо сильнее, чем у твоих коллег. Вопрос о родителях сложен, и всё же... В общем, в шестидесятом году мы посчитали неэтичным использовать добровольцев. Все модификанты — дети участников проекта, тех, кто согласился. Получилось по четыре на женщину и по семь на мужчину, нда-с...

— И мои родители...

— Я проверил базу данных, когда Келлер предупредил о твоём визите. Твоя мать — Ханна Янсен, известная нидерландская учёная. Увы, она была в Роттердаме, когда на него упала ракета... Твой отец — Владимир Рыжков.

Целую секунду Хелена переваривала это откровение. Голова слегка кружилась, мир

покачивался. Сколько она выпила? Выпила первый раз в жизни. Рыжков...

— Н-но... — с трудом проговорила она.

— Да. Я твой биологический отец — по крайней мере, той части, которую не затронуло вмешательство. Если хочешь, мы проведём экспертизу и образуем семейную ячейку. Настоящую семью. Это самое малое, что я могу для тебя сделать.

— Это... слишком...

— Неожиданно? — он улыбнулся. — Понимаю. Но ты сама хотела ответов.

— То, что со мной сделали, — Хелена заставила себя собраться. Это было даже хуже, чем тогда, в пещере, когда схлынула гормональная волна. А можно ли ей вообще употреблять алкоголь? Хотя Рыжков наверняка знал... — Я пыталась найти данные ещё на Земле, но...

— Но информация по «Метаморфозу» закрыта даже для специалистов. Ничего удивительного. Я же сказал, что это опасные игрушки... — Рыжков налил ещё виски. — Всё началось с того, что группа инженеров разработала способ прямого управления компьютерами, через сигналы от нервов. Нейроинтерфейс. Сначала они использовались для помощи парализованным больным — добровольцам ставили имплантаты, почти такие же, как у тебя, и они подключались к ЭВМ. Им-то помогало, а вот для здоровых людей результат оказался, мягко говоря, никаким. Человеческий мозг имеет свои ограничения. По скорости получилось не намного быстрее, чем обычные клавиатура и мышка, а напрямую передавать информацию из компьютера в мозг мешали барьеры в сознании. Когнитивные искажения. Баги аналогового мышления, можно сказать. Тогда-то и возникла идея попытаться устранить эти барьеры и попробовать ещё раз.

Рыжков залпом опрокинул стакан и вновь наполнил его. Хелена помотала головой. Её начало клонить в сон.

— Десять лет ушло только на то, чтобы теоретически обосновать эту задумку, — продолжил профессор. — Выявить нужные участки генома и понять, как их надо изменить. Научившись редактировать генетическую информацию эмбриона, мы победили шизофрению, муковисцидоз, синдром Дауна и множество других напастей, сделали солдат с отрастающими руками и ногами, но это — совершенно иная сфера. Здесь мы не исправляли, а создавали новое.

— Получилось не слишком-то удачно, — проговорила Хелена.

— Да. Модификации должны были создать нового человека. Мыслящего по-другому. Но мы и представить не могли, что всё выйдет именно так. Смертями.

— А опыты на животных?

— Отдельные элементы линии тестировались на обезьянах. Но полную картину мог получить только человек — и как ты знаешь, многое мы упустили.

Голова кружилась всё сильнее. Хелена допивала второй стакан виски, во рту таял мягкий, непривычный вкус.

— Но вы ведь следили за состоянием подопытных, — тихо сказала она. — Я хорошо помню. Каждую неделю психологические тесты, анализы...

— Ты знаешь, что такое китайская комната? — спросил Рыжков.

Хелена покачала головой.

— Это очень старый мысленный эксперимент. Представь, что ты сидишь в комнате, изолированной от внешнего мира и не знаешь ни одного китайского иероглифа. Но у тебя есть толстенная книга с инструкциями, как располагать иероглифы и складывать их в

зависимости от входящих данных. А снаружи сидит человек, знающий китайский язык. Он будет подавать тебе карточки с вопросами на китайском, а ты — подбирать ответы согласно инструкции. Ты не знаешь смысла иероглифов, но отвечаешь так, что он тебя понимает. Если он спросит, какое твоё любимое животное, ты ответишь «слон», хотя не поняла ни вопроса, ни ответа. И с его точки зрения ты знаешь китайский язык, хотя на самом деле это не так.

— Понимаю.

— Наше подсознание, — Рыжков постучал по голове, — это та самая инструкция для твоего сознания. Ты видишь вопрос, но не понимаешь его истинного смысла, а подсознание выдаёт ответ, который ты и записываешь на бланке. Отличие от китайской комнаты только в том, что инструкция предполагает определённые варианты ответа для определённого склада человеческого ума. И как следствие, мы можем делать выводы из того, ответит ли она на вопрос про любимое животное «слон» или «мышь». Это очень упрощённое, утрированное объяснение, но...

— Нет нужды уточнять, — прервала его Хелена.

Рыжков грустно улыбнулся.

— А теперь представь, что у подсознания *другие* инструкции. Оно точно так же выдаёт ответы, но наша интерпретация их уже не работает. Ты отвечаешь «слон», а на самом деле имела в виду мышь. И все наши тесты становятся бесполезными, потому что они дают ложные результаты.

— Значит, — медленно сказала Хелена, — это и случилось с теми, у кого модификации затронули мозг?

— Не со всеми, но с полноценными ординаторами — да. Ваше мышление изменилось. Пусть немного, совсем чуть-чуть, но оно стало другим. Логика осталась прежней, иначе и быть не могло, а вот принципы работы подсознания — нет. Увы... Мы поняли ошибку слишком поздно. Видишь? Если конструктор сделал самолёт и тот упал, он исправляет конструкцию. А мы просто закрыли проект и разбрелись кто куда.

— Но ведь не все ординаторы погибли, — прошептала Хелена.

— Да. И результат угнетает меня.

— Я такая, какая есть.

— Не спорю. И всё же это провал. Эдмунд хочет снова создать ординаторов... не знаю. Решай сама, дорогая. Я не вправе тут тебе указывать. Хоть он и просил меня повлиять на твоё решение.

— Чёртов политик, тёмная энергия... — Хелена поднялась с дивана. Ноги слегка подкашивались, а мысли, прежде ясные и чёткие, вновь словно разбегались в разные стороны. Тогда на неё повлиял кортизол. А сейчас? Этиловый спирт? Альдегиды?

Что-то ещё?

— Он не знал, что ты моя дочь.

— Простите, профессор. Я жила двадцать два года... земных года без семьи и не... хочу её заводить. А моя... жизнь не стоит того, чтобы благодарить за неё.

— Понимаю, — сказал Рыжков. — Но всё равно знай, что я для тебя не чужой человек. И тебе в этом доме всегда рады.

— Я... — Хелена попыталась сделать шаг и сама удивилась, насколько это оказалось сложно. — Запомню. Я, наверное, слишком пьяна...

Ей пришлось перейти на какой-то другой, незнакомый язык — русские слова путались

на языке и не желали складываться в предложения. С удивлением Хелена поняла, что говорит на родном нидерландском, и что даже английский исчез где-то в глубинах памяти.

— Разучилась молодёжь пить, — Рыжков осуждающе покачал головой и залпом допил остатки виски. Он был совершенно трезв. — Оставайся у меня, я уж на полу одну ночь как-нибудь посплю. Утром отправишься домой.

— Я...

— Никаких возражений, — он поднялся и уверенным движением поймал Хелену за руку. — Господи Иисусе, одни беды с этими детьми...

Альфа заливала океан ярким светом, и вода сверкала так, что больно было смотреть. Освещённость на десять процентов выше земной — сухие, бездушные цифры. Они ничего не говорят о том, как это выглядит на самом деле.

Яркий свет, пожалуй, был главным недостатком Фрейи в глазах Снежаны. Она общалась с разными людьми, в том числе с военными, бывавшими в джунглях, и джунгли эти у них упоминались исключительно в качестве ругательства, да и других проблем хватало. Но это — дальние края, а вот свет мешал жить даже в городе.

Рано или поздно они привыкнут. Ну а сейчас приходилось терпеть.

Экипаж «Трайдента», как обозвали катер на верфи, составлял пять человек. Один военный, одна пилот и трое учёных. Военный, по мнению Снежаны, был совершенно лишним: если уж что и случится на борту, его гламурный чёрный автомат всё равно никого не спасёт. Но умники в штабе решили по-своему. Их право, только пусть в её работу не лезут.

Ни с кем из новых коллег знакомиться она не стала. Этих людей она всё равно видит в первый и последний раз. И кого ей набрали? Плоскогрудая блондинка, стриженная под каре. Солдат, с интересом косящийся на Снежану — в глазах его читался вполне естественный интерес. Сухопарый немец. Невысокий мужичок с властным взглядом из-под аккуратных техн-очков, обсуждающий с немцем какие-то тонкости ихтиологии. Вот и вся команда, которая сидит сейчас у иллюминаторов и от нечего делать смотрит, как белые буруны разлетаются в стороны от судна.

Катер нёсся по водам океана, направляясь к ближайшему острову, и с каждой минутой Снежана чувствовала себя всё более неуютно. Вода — не её стихия. Зато, если вспомнить новости, именно отсюда идут все беды. Погибший учёный. «Сигюн». Лодка с пропавшими пассажирами. Что там ещё? Ах, да.

Чёртова плесень.

— Начинаю погружение, — сказала Снежана. Пульт управления системами катера оказался прост до безобразия, куда проще, чем у дикоптеров и вертолётов. Она полностью выучила его меньше чем за пару дней, и ещё несколько ушло на тренировки. Никаких проблем здесь она так и не увидела, считая, что с заданием вполне справился бы любой обычный человек.

Хотя она же не знала, как думают остальные. Судить она могла только по себе. Да и какая теперь, в конце концов, разница?

Она включила систему заполнения цистерн главного балласта, мельком заметив колебания на экране вывода данных со звуковых сенсоров. ИНФРАЗВУК, гласила надпись под колеблющимися линиями. Снежана задумалась, что бы это могло значить, но тут обзорное окно ушло под воду, и кабина заполнилась мягким светом, сменившим адское пекло наверху. Солдат поёрзал на своём кресле, не отрывая взгляда от бокового иллюминатора.

Подсознательно Снежана думала увидеть что-то вроде образовательной картинки по «Discovery» — то есть риф, красивых рыбок, плавающих вокруг, и так далее. Но вокруг простиралась лишь голубая пелена, как и в озере, где Снежана проходила тренировки. Океан не отличался от озера ничем.

— Глубина двадцать метров, — оповестила она, сама не зная, зачем это делает.

«Трайидент» немного задрал нос, и пришлось задействовать вспомогательные цистерны. Подобные манёвры удавались Снежане плохо — лодка шла волнами, то вверх, то вниз. Но вышколенный, как наложница в гареме, компьютер молчал — значит, всё в порядке.

— Чтоб я ещё раз на такое согласилась, — пробурчала Снежана себе под нос. Хоть и простое, управление по-прежнему было совершенно непривычным. Всё равно, что пересестись с автомобиля на... она даже не могла подобрать аналогию.

Дурацкая была идея.

Связь с берегом прервалась. Это тоже прибавляло тревоги пилоту, привыкшей, что потеря связи — ситуация внештатная. Не говоря уже о том, что прежде летавшей в небесах девушке было очень неприятно погружаться под воду. Приходилось сдерживать себя, полностью отдавшись управлению и забыв обо всём прочем. Но длилось это недолго.

— Приближаемся к цели, — угрюмо заявила Снежана, глядя на экран показаний гидролокатора. Во время погружения остров был примерно в километре, теперь до него осталось метров сорок. То и дело мерцал экран звуковых сенсоров, регистрируя всё новые шумы. Что-то нехорошее было в них, Снежана понимала это, но что — узнать не могла.

Инфразвук — неестественный, вдруг поняла она. Вот что здесь не так. Инфразвук должен кто-то издавать, и неизвестно почему Снежана была уверена, что это именно «кто-то», а не «что-то».

— Готовьте камеры, — сказал кто-то, кажется, немец — она не стала оборачиваться, будучи всецело поглощена приборами. А потом из голубой мглы выплыла коралловая стена, и Снежана заставила лодку плавно повернуть, ведя её вдоль острова.

В чём не было уже никакого смысла, потому что главную цель миссии они выполнили. Самый твердолобый скептик признал бы в увиденном творение разума.

— Тёмная энергия... — потрясённо высказал солдат. Граница между ним и учёными будто стёрлась — сейчас все они были туристами, впервые увидевшими Ниагарский водопад.

Они проплывали мимо города. Наверное, так мог бы выглядеть подводный термитник — огромная, необъятная конструкция, непомерно разросшийся коралловый гриб, ставший домом для чужих существ. Термитник уходил куда-то далеко вниз, в глубину, а наверху пробивал сверкающую пелену воды, превращаясь в остров. Люди высаживались на него, даже не подозревая, что лежало у них под ногами. Зато о визитёрах хорошо знали обитатели.

Снежана видела их, наблюдавших за крохотной скорлупкой у своих берегов. Наросты на гладкой стене города были башнями, готовыми встретить врага, и на башнях сидели защитники. Растопырив гребни, они внимательно изучали чужаков, и Снежана не сомневалась, что сигнал уже послан вглубь гнезда, что внутри принимают решение, и вряд ли это решение окажется положительным для гостей.

Их не станут звать внутрь. Их уничтожат.

— Начинаю возвращение на базу, — сказала она, отворачивая рули. Вновь задёргались показания звуковых сенсоров, но теперь девушка могла слышать это — тонкий писк где-то на границе слуха. Экран будто взбесился, и она наконец поняла, что это значит.

— Стойте! — возмутилась блондинка. — Мы же почти ничего не увидели!

— Мы увидели достаточно, — холодно ответила Снежана.

— Да подождите вы! — она даже привстала.

— Черта с два!

Снежана резко повернула, настраивая «Трайидент» на обратный курс. Блондинку

отшвырнуло в сторону, прямо в объятия солдата, но её участь пилота уже не заботила: всё внимание сконцентрировалось на спасении себя самой. Пассажиры были уже не важны.

Из-за неприметных выступов на риф одна за другой выплывали рыбины — отсюда они казались размером с хорошего тунца. Затем на звуковом экране промелькнула отчётливая волна — и весь косяк устремился к «Трайденту».

И-и-и-и-и-и-и-и, пел воздух в кабине.

Бурлили винты, толкая лодку вперёд. Снежана повысила тягу, стараясь выжать из машины всё, что только можно, проклиная Келлера за эту авантюру, да и себя саму, что согласилась на это. Она не знала хитростей управления подводной лодкой, не знала, какие режимы двигателей сейчас будут наиболее эффективны, не знала, что вообще нужно делать. Она была пилотом дикоптера, волею начальства засунутым в крошечную скорлупку из композитов и металла, а потом погружённым во враждебную среду. А ей — враждебную вдвойне.

И-и-и-и-и-и-и-и.

Всплывать, вдруг поняла она. Нужно всплывать на поверхность. Там будет хоть какое-то преимущество.

В хвосте лодки что-то взвизгнуло, чавкнуло, и приборы тревожно замигали. «Повреждение правого винта», — вспыхнула надпись на боковой панели. «Повреждение корпуса», — вспыхнула другая. Изображённая ниже красивая трёхмерная моделька лодки замигала красным в районе хвостового стабилизатора.

— Знаю и без тебя, тупая железяка! — рявкнула Снежана. Пассажиры сидели на своих местах, мертвенно-бледные, разве что солдат казался чуть поживее. Картину эту девушка увидела лишь мельком, заметив отражение в стекле, и тут же забыла, поглощённая работой. Мимо проскочила рыбина, размашисто виляя плавником, резко развернулась, становясь прямо на пути «Трайдента», и через мгновение на лобовое стекло обрушился удар живого тела.

Конструкции выдержали. Всё-таки инженеры предполагали экстремальные условия для своего творения, и их не сдерживали привычные для авиации нормы минимума массы. Рыба соскользнула в сторону, мелькнув серой складчатой спиной, и Снежана облегчённо вздохнула. На какой-то миг она представила себе, что было бы, расколоти эта тварь кабину.

— Это же прилипалы! — ахнула блондинка. — Тёмная энергия, они самые!

Снежана её не поняла. И только когда скорость лодки начала падать, обернулась и посмотрела на иллюминаторы.

Их вовсе не пытались уничтожить.

Прилипалы одна за другой ударялись о стенки корпуса, присасываясь к нему. Затем они втягивали воду, превращаясь в огромные надутые шары, и тут же выбрасывали её вперёд, тормозя лодку. Двигатель надрывно ревел, пытаясь справиться с этой силой, но рыб становилось всё больше, и машина медленно уступала.

Снежана не знала, что будет дальше. Может, их остановят, а потом прибудет какая-нибудь штурм-группа. Может, их отбуксируют в город. А там — кто знает, что акванты делают с людьми?

Но тут она вдруг поняла, что вода вокруг сильно посветлела. Запущенный механизм продувки цистерн балласта по-прежнему работал, и лодка поднималась. Рыбы не давали ей двигаться вперёд, но не могли помешать всплытию.

— Кажется, ушли, — пробормотала Снежана, и через несколько секунд в обзорное

стекло ударил слепящий свет Альфы.

Солдат выдал длинную тираду на каком-то кошмарном диалекте.

Немец прокашлялся.

Молчавший всё это время мужичок в техн-очках тяжело вздохнул.

— Чего же вы ждёте? — взвизгнула блондинка.

Но двигатель уже нёс их дальше и дальше от проклятого острова: прилипалы оказались в воздухе и больше не могли остановить его. Забыв о пассажирах, Снежана сверилась с картой и сделала вираж, выходя на нужный курс. Погружаться больше в воду она не хотела, как и оставаться здесь ещё хотя бы минуту.

— Не могу сказать, что наша миссия закончилась неудачей, хотя она и оказалась столь короткой, — сказал мужичок, снимая очки. — И хочу поблагодарить нашу прекрасную леди-водителя. Отдаю дань вашему мастерству вождения.

Снежана лишь покачала головой, но похвала ей понравилась. Всё же она занималась слишком непривычным для себя делом...

И, вдруг поняла она, противным.

Никогда больше она не полезет под воду. Пусть Келлер нанимает тех, кому океан интересен по-настоящему.

А её стихия — воздух.

— Надеюсь, вы понимаете всю важность нашего открытия, герр Энджелл, — проговорил немец, потирая щёки. — Майн юнге фрау, скажите, мы можем связаться с землёй? Погоня может продолжаться, и если мы погибнем, человечество должно...

— Дайте мне отдышаться, тёмная энергия! — бросила Снежана. Правый двигатель работал вполсилы и явно на последнем издыхании, отчего приходилось делать поправку на рысканье. Правда, наверняка в морских терминах это звалось как-то иначе, но сейчас Снежане было плевать. — Эти грёбанные акванты и их вонючие рыбины меня измотали нахрен, чтоб их три пьяных Люцифера оттрахали!

— Понимаю вашу эмоциональность, мисс, но доктор Юнцт прав, — встрял Энджелл. Немец выпучил глаза и, кажется, потерял дар речи. — Лучше подать сигнал сейчас, иначе потом может быть поздно.

— Хорошо, — буркнула Снежана, нажимая кнопку подъёма антенны. До берега сто пятьдесят километров — должно добить без труда.

Больше всего ей хотелось выпить чего-нибудь крепкого и завалиться спать. Желательно с каким-нибудь красивым мускулистым пареньком, который помог бы снять стресс. Можно было бы воспользоваться даже солдатом, если бы Снежана не чувствовала чисто физического отвращения к этой гнусной роже.

Хотя в крайнем случае она согласна была снять стресс и сама.

Они сидели в корпусах лабораторий Вестмааса — пятьдесят учёных, те, кого здесь застала война. Крошечный научный городок остался невредим, но растерянные люди лишились связи, той невидимой нити, которая давным-давно стала частью их жизни. И наступил хаос.

Никто не знал, что случилось в мире: была только вспышка и гул далёкого удара, уничтожившего Роттердам. Люди спрашивали друг друга, пытались узнать новости у тех, кто приезжал сюда извне, но те сами ехали сюда за новостями, а их не было. Молчало телевидение, молчали радиостанции. Всем становилось ясно только одно: мир рухнул, и мало-помалу жители впадали в панику.

А хуже всего было то, что небо затянуло мраком, и как грибы плодились истаявшие когда-то верования, где главную роль занимал грядущий конец света. Уже наступивший конец света. Единственная церковь не могла вместить вновь обрётённых прихожан, и тем приходилось молиться на открытом воздухе, под свинцовыми небесами. На руинах снесённой когда-то мечети появился неведомый откуда взявшийся муэдзин, и нестройный хор голосов призывал Аллаха смилостивиться, пока у соседей звенели колокола.

Трудно поверить, во что может превратиться цивилизованное, процветающее общество за каких-то три дня.

Когда на улицах появились первые проповедники, директор института не стал ждать. Он понимал, к чему это приведёт, и на четвёртый день все сотрудники, собрав ценные вещи, ушли за крепкие заборы. Ворота за ними захлопнулись, оставив город снаружи умирать.

Хелена не знала, сколько это продлится. Она не изучала социальные ситуации и не могла рассчитать нужные вероятности. Возможно, окажется заточение слишком долгим, она сошла бы с ума: моделировавшие её разум генетики не проводили тесты на столь критические ситуации. По счастью, об учёных не забыли.

— Вы хотите жить, доктор Моргенсен? — спросил её худощавый молодой немец. Они сидели в спектрографической лаборатории, вдвоём, и только капающая где-то вода из незакрытого крана да их слова нарушали тишину. — Плотины разрушены. Через день, не больше, вода подступит к Вестмаасу.

— У меня не редуцирован инстинкт самосохранения, — ответила Хелена. Её разум ликовал — уже просто потому, что сменилась обстановка. Возникла цель. Нашлось, о чём думать.

— Понимаю. То, что я вам скажу, не есть тайна — то же самое предлагают всем остальным в этом здании...

— Но со мной вы говорите наедине, — с иронией сказала Хелена.

Немец не смутился.

— Потому что ваша жизнь самая ценная, доктор Моргенсен. Мы можем найти замену любому из тех, кто заперся здесь. Любому из моего экипажа, включая и меня самого. Любому, кроме вас.

— Вам нужна не я, а мои гены.

— Нам нужны ваши способности, — мягко ответил он. — Так же как способности всех, кто может принести пользу в будущем. Для этого мы здесь, и не стану скрывать, что это место оказалось в приоритете из-за вас.

— Даже не из-за наводнения?

— Даже так. Это веская причина, но мы могли бы прилететь и завтра. Ординатор — важнее. Вы слышали о проекте «Авангард»?

— Корабль для межзвёздного полёта?

— Именно. Он был достроен и оснащён за несколько лет до Чёрного дня — огромная удача, хотя с какой стороны посмотреть... Теперь мы зовём его «Спасителем», и на борту есть место для двух тысяч человек. Мы хотим видеть вас среди них.

— Думаю, вы прекрасно знаете, что я отвечу.

В её голосе не было ни капли эмоций, и немец кивнул. Он действительно прекрасно знал ответ.

Через полчаса Хелена устраивалась в кресле второго пилота одного из вертолёт — её вывозили первой. За воротами института уже собралась толпа, крича что-то нестройными голосами, через забор летели камни. Вертолёты были грузовыми, их набивали под завязку, зная, что возвращаться сюда уже не будут. Никто не протестовал: знали, что так надо.

— Летать боишься? — спросила девушка-пилот, надевая шлем. У неё были густые русые волосы, схваченные на шее магнитной заколкой, в её речи проскальзывал русский акцент, и она была очень молода — ровесница Хелены, не старше.

— Нет, — ординатор покачала головой.

— Отлично. Пристёгивайся.

Хелена закрепила ремень безопасности, слыша, как гулко бьётся в ворота что-то тяжёлое и кричат люди снаружи. Может, среди них был и сосед из дома напротив, каждое утро поливавший свою лужайку из толстого зелёного шланга. И соседка из дома слева, заядлая собачница, чьи питомцы не раз ездили на международные выставки. Какая разница? Она улетит, а все они останутся здесь — останутся тонуть в уже наступающем на город море.

— Взлетаем, — оповестила пилот. Винты раскручивались, хлопая всё чаще и чаще. — Меня зовут Снежана. Путь будет долгий, так что, наверное, надо познакомиться.

— Хелена.

Ординатор откинула голову на спинку кресла. Она не чувствовала жалости к остающимся. Для них нет места в вертолётах, взять они больше никого не смогут. Да и не она решает здесь всё.

Значит, беспокоиться не о чем.

Возвращение в порт полуразбитого, облепленного прилипалами «Трайдента» не оставили без внимания.

Энджелл и доктор Юнцт дали короткое сообщение о том, что гипотеза окончательно подтверждена: на Фрейе действительно есть своя цивилизация, и человечество впервые в своей истории встретилось с чужим разумом. О состоянии корабля они не упомянули ничего. Наверное, не подумали, а может, просто не захотели, решив удивить людей.

Журналист — профессия вечная, и человечество не осталось без них даже после апокалипсиса. Порт звенел от щелчков камер — давно уже ненужных, лишь имитируемых аппаратурой, сиял от вспышек, бесполезных под яростным солнцем Альфы. Но журналисты ожидали встретить учёных, возвращающихся с рутинной миссии, а увидели героев, едва выживших после нападения чудовищных тварей. А вот и сами твари, бессильно повисшие на корпусе лодки, а где-то под ней они ещё трепыхались, поднимая сильные волны и будоража зрителей.

Встречать учёных приехал генерал Вальтер Эвальд из штаба ВВС. Чтобы открыть двери «Трайдента», пришлось задействовать двух морпехов с электропилами — даже мёртвая, рыба держалась крепко и не желала отпадать. Когда вращающиеся диски коснулись плоти, журналисты сняли и это. И только потом — выходящих из лодки людей.

Речь генерала об угрозе со стороны аквантов и необходимости жёсткого ответа. Интервью. Бесконечные вопросы. Съёмка. Снова интервью...

Через несколько часов пристань опустела, и только два инженера, качая головами, разглядывали оторванный напроць хвостовой стабилизатор «Трайдента».

Пристань затихла, и эстафета теперь перешла городу — получив подтверждение своим опасениям, люди не собирались сидеть сложа руки. Вопреки обыкновению, Андрей Плутонов с коллегами не ушли сегодня домой, как обычно, в семь вечера. У них было слишком много работы, и Совет заседал до глубокой ночи.

Никто не сомневался, что следующий ход будет за аквантами.

И что скоро они его сделают.

Станция «Гагарин», 11 июня. Фиона Кристофоретти

Они сидели на балконе второго этажа, откуда можно было смотреть на лежащее внизу море. Начинался прилив, и вскоре вода подойдёт почти к самому основанию здания станции, но пока что до этого было ещё далеко.

Фиона пришла сюда полюбоваться рассветом, но теперь сильно сомневалась в романтичности этого действия. На небе там же, где и всегда, висел Альфригг, клонился к горизонту Двалин, в зенит вышел Грер, а возле созвездия Кассиопеи торчал диск Беты, и всё это сияло так ярко, что можно было без труда считать иголки. Мало того, что на Фрейе не было времён года, так тут не было ни рассветов, ни настоящих закатов. Фиона знала, что лет через пять сияние Беты заметно ослабнет, но жалюзи на окнах снимать не собиралась.

Правда, на западе Альфа всё же поднималась, собираясь отвоевать положенную территорию. И, вообще говоря, все это не отменяло уплывшей куда-то за горизонт романтики.

— Тёмная энергия, я до сих пор иногда сомневаюсь, что осталась жива, — сказала итальянка. — Ты просто не представляешь, до чего это жутко — пытаться вздохнуть и понимать, что тело тебя не слушается. На редкость мерзкая смерть.

— Мерзкая, — согласился Джеймс. — Но как по мне, куда хуже помирать в своей постели, в окружении внуков и правнуков, немощным старичком, вспоминая себя в молодости.

— Не говори глупостеё! — вскинулась Фиона.

— Я не хочу стареть, дорогая, — Джеймс сложил руки на груди. — Не хочу чувствовать себя слабым и знать, что когда-то я был другим. Нынче можно легко дожить до сотни и больше, я знаю. Медицина у нас хорошая. А дальше? Жить стариком? Черта с два! Я лучше отправлюсь в какую-нибудь самоубийственную миссию. Такую, чтобы точно концы отдать.

— Псих, — буркнула девушка.

— Нет. Я просто люблю жизнь.

— Тогда постарайся не умирать в ближайшие пятьдесят лет!

— Ты правда думаешь, что наши отношения столько продержатся? — усмехнулся Джеймс.

— А что, уже есть предпосылки? — подозрительно посмотрела на него Фиона.

— Нет. Но я реально смотрю на вещи.

Она замолчала. Капитан, по сути, был прав. Никто из её ухажёров долго не задерживался: слишком уж импульсивной и непостоянной была сама девушка. Правда, никто из них и близко не дотягивал до того, чем они с Джеймсом занимались наедине. К тому же теперь они были связаны, вместе оказавшись на краю гибели и выбравшись оттуда. Такое просто так не порвать.

А ведь всего две недели прошло после «Сигюн», если подумать. Только кажется, будто на самом деле — несколько лет.

— Давай не будем забегать вперёд, — наконец сказала она.

— Не будем, — согласился Джеймс. — Кстати, слышала новость? Дионис всё-таки внял моим молитвам.

— Что? — растерялась итальянка.

— Что-что, — засмеялся Джеймс. — На этой планете появились спиртные напитки!

Неделю назад один французский винодел откупорил партию своего... чёрт его знает, чего, напиток он творил из каких-то местных плодов вроде яблок. Пускай будет сидр, неважно. Так вот, он узнал, что плоды эти проходят последние глубинные проверки в Центре и не стал ждать, а просто позвал друзей, тоже французов — наверное, только у них в стране живут такие рискованные парни — и устроил вечер дегустации. А вчера он, живой и невредимый, представил этот сидр публике. Хелена в своём Центре за голову, наверное, хватается, но человек сорок уже эту отраву пригубило. И если через пару дней никто не помрёт, я к ним присоединюсь. Чтобы пораньше успеть. А то мало ли, может, в следующий раз он сделает вино из местных одуванчиков.

— Пьяница, — вздохнула Фиона, но капитан лишь снова рассмеялся, и она призналась себе, что тоже вовсе не прочь выпить. Диета последних месяцев, состоявшая из пищевых концентратов и воды, успела настолько ей надоест, что девушка набросилась бы даже на плоды баклажанов, которые терпеть не могла с самого детства. Вот они, минусы освоения чужой планеты. Пока не проверишь детально биосферу, в пищу её употреблять нельзя. То есть можно, но только если выделить химическим путём все нужные витамины и минералы, а потом запихнуть их в разноцветную пасту и желе, обеспечив полную стерильность.

Полезно, питательно, даже вкусно, а всё равно жрёшь через силу, потому что это не еда.

Правда, на днях выступал какой-то мужик из Совета, рассказывал, что несколько видов местных растений прошли испытания и признаны безопасными, но на опытной делянке они пока что едва колосятся и созреют только через пару месяцев. Там, где нет ни лета, ни зимы, семена можно сеять когда угодно. Только всё равно придётся ждать, прежде чем испечётся первый хлеб.

— Надо будет позвать Хелену на дегустацию, — сказала Фиона. — Она никогда в жизни спиртного не пила. Даже представить боюсь, на что похож пьяный ординатор.

— Капитан Гленн, — ожил коммуникатор Джеймса. — Это Йозеф. Срочно, в диспетчерскую. Доктора Кристофоретти тоже прихватите, уверен, она где-то рядом.

Итальянка разочарованно вздохнула. Ромantisческое любование рассветом было безнадежно испорчено. Хотя какой это, к чёрту, рассвет...

— Что этому уроду от нас надо? — спросила Фиона, поднимаясь со стула.

— По мелочам он бы звать не стал, — медленно проговорил Джеймс.

Мидгارد, 11 июня. Хелена Моргенсен

Она не планировала сюда возвращаться. А уж её-то планы всегда отличались максимальной приближённостью к реальности.

Но на этот раз в её дела вновь вмешалось что-то вне её понимания. Хелена не испытывала ничего к Владимиру Рыжкову. Он был просто человеком, с которым она пообщалась. Ни родственных чувств, ни чего-то ещё.

И всё-таки она сюда вернулась.

— Ничего удивительного, — усмехнулся Рыжков, когда ординатор озвучила эти мысли. Сегодня профессор не стал доставать бутылку, за что Хелена была ему благодарна. Они вновь говорили на русском, и ординатор обнаружила, что разговор на полузабытом за это время чужом языке доставляет ей странное удовольствие. Прежде она такого не испытывала. — У тебя не атрофированы эмоции. Да, ты очень флегматична и думаешь чересчур рационально, но робота из тебя мы не сделали, да и не могли сделать. Ты была и есть человек.

— Но я не чувствую к вам эмоциональной привязанности.

— Потому что ты привыкла понимать те эмоции, что тебе доступны, с раннего детства. Сейчас ты испытываешь новые ощущения, а они иррациональны. Просто подожди, и время само разрешит эту задачу.

— Мой характер. Редуцированные эмоции и логическое мышление. Вы предполагали такой эффект? — задумчиво проговорила Хелена.

— Да. Мы исследовали несколько десятков савантов, пытаюсь выделить нужные гены, и добились определённых успехов. Увы, оказалось, что нельзя создать полноценного ординатора, просто усилив какие-то процессы в теле или ослабив другие. Все зоны мозга многофункциональны, и их изменение затрагивает разные виды деятельности организма. Так же как и нейротрансмиттеры, над которыми мы работали — отсюда странности савантов. Мы понимали, что дети-ординаторы будут резкими флегматиками — это неизбежная плата. Но, конечно, мы знать не знали, что произойдёт через двенадцать с лишним лет.

— Значит, именно поэтому я равнодушна к сексу?

— Разве тебе это мешает?

— Нет, но ведь это не единственное отличие, — вздохнула Хелена. — Я слишком отличаюсь поведением от нормальных людей, и я изгой в любой компании. На работе, например. Меня понимают очень немногие. У меня нет друзей, кроме Фионы — а она такой же модификант.

— Фионы? — нахмурился Рыжков.

— Фиона Кристофоретти, линия ускоренного анализа информации.

— Не знаком, — он покачал головой. — Но понимаю. Общество часто не любит тех, кто кажется ему странным. Не принадлежит ему. В своё время то же самое было с теми, кто сознательно ставил себе кибернетические протезы. От них отшатывались, как от опасных сумасшедших. А они в ответ носили нарочито заметные искусственные руки и ноги, не пытаясь маскировать их. Руки солдат сверкали сталью и пластиком, а разработанную инженерами искусственную кожу никто не брал.

— Потом к ним привыкли.

— Да. Рано или поздно привыкают ко всему. Когда-нибудь и ординаторы станут обыденностью. Конечно, много их не будет — всё-таки с точки зрения большинства людей вы ущербны. Вы займёте свою нишу — анализ, инженерное дело, разработка и так далее. Просто ваша судьба будет определена с рождения.

— Не слишком-то этично. Это было одной из причин, почему я отказалась сдать генетический материал для Келлера.

— А рациональное мышление вообще по своей сути противоречит любой этике, — горько улыбнулся Рыжков. — Я знаю только то, что мы провалили создание *хомо суперус*. И выяснили, что это в принципе невозможно. Если только не отказаться от всего человеческого вообще.

— А кибернетика?

— Все наши компьютеры — цифровые устройства. Мозг — аналоговое. Разумеется, существуют преобразователи, но одно дело — перевести в цифру звук, и совсем другое — мысль. Срастить мозг человека с компьютером и киборгизировать его невозможно, для этого потребуются совершенно немыслимые устройства. Твой имплантат ведь, по сути, просто линейный выход: обычное хирургическое сращение нервов, то же самое, что с кибернетическими протезами. Например, по одному из оптоволоконных кабелей компьютер транслирует тебе информацию о своём состоянии, и ты видишь в голове его рабочий стол. Ровным счётом то же самое, что тактильные ощущения от протезов. Понимаешь? Особенности мышления позволяют тебе воспользоваться компьютером как дополнительным инструментом, но им нельзя заменить мозг. Сделать искусственный глаз — ради бога, искусственную руку, которая будет управляться мыслью — пожалуйста, мыслеуправление компьютером — да, да, но не изменить разум.

— Тупик.

— Тупик для тех, кто хотел создать сверхчеловека, — покачал головой Рыжков. — Твоя Фиона, так же как и та девица, которая пилотировала «Трайидент»... ну, да, её взяли из-за линии ускоренного обучения, потому что подводников не было... да и остальные контрольные модификанты — они оказались более перспективным направлением. Конечно, ординаторы тоже нужны. Но в глазах Келлера вы — инструмент, а Фиона и остальные — общество.

— Неприятно сознавать себя инструментом. И то, что кто-то решил за меня, куда я пойду, — Хелена не скрывала злости. Редкая эмоция, и оттого приятная.

— Никто не решает за тебя, — терпеливо пояснил её собеседник. — Тебе лишь дают шанс. Нельзя создать модификанта под какую-то конкретную работу и разграничить общество на касты, потому что всегда останется выбор, куда пойти. Даже если генетики найдут способы специализировать человека, они не смогут вложить в его разум любовь к профессии. Ты — ординатор, и ты можешь быть математиком, строителем, инженером, лингвистом, филологом, пилотом... биохимиком. Твоя основная сфера — анализ, но этим она не ограничивается. Ты можешь быть даже военным офицером, что доказала во время своей экспедиции на остров. Да, я читал отчёты о ней. Ты очень хорошо себя проявила.

— И всё-таки я — инструмент, — упрямо повторила Хелена.

Рыжков пожал плечами.

— Зато ты куда важнее для общества, чем девяносто пять процентов его членов, — сказал он. — Потерю художника, который рисует синие квадратики на белом фоне и отправляет эти картины на выставки современного искусства, общество не заметит. Потеря

ординатора, занятого разработкой препарата от патогенного грибка — это десятки тысяч смертей из-за того, что препарат не будет создан в срок.

— Генетический материал, — медленно проговорила Хелена. — Вы почти убедили меня это сделать.

— Я знаю подход к тебе, и будь уверена, если захотел бы, ты бы даже не заметила навязывания чужого мнения, — серьёзно заметил Рыжков. — Ординаторы нам очень нужны, в этом Келлер не лгал. Я согласен с ним, что мы должны рискнуть. Но окончательное решение остаётся за тобой.

— Да. И теперь я знаю ответ. Мне нужно лишь обдумать его.

Тропические леса Фрейи, 11 июня. Джеймс Гленн

— Десять минут до точки назначения, — сказала пилот.

Двигатели дикоптера ревели. Задание, которое передал Йозеф ещё на «Гагарине», свалилось точно снег на голову. Впрочем, ни Джеймс, ни девочка-пилот со странным именем Снежана, ни все остальные солдаты, прибывшие на станцию для исследовательской миссии в приливной зоне, удивления не высказали. Дерьмо случается, как говорят в народе, а на войне так особенно часто.

Бурно отреагировала лишь Фиона, да и то после того, как выяснилось, что она остаётся и никуда не летит. Кажется, эта неутомная девица даже после приключений на «Сигюн» и пещеры, когда только расторопность Хелены спасла ей жизнь, так и не научилась осторожности. К счастью, ни биологи, ни любые другие учёные для задания не требовались, и Джеймс с чистой совестью заявил подруге, что подвергать её опасности не будет, да и не может: это попросту не в его компетенции.

Разумеется, такой ответ отнюдь не удовлетворил взбалмошную итальянку, но ничего слушать капитан больше не стал — пилот уже готовила дикоптер к взлёту.

Теперь они летели в джунгли — восемь командос, вооружённые до зубов и готовые стереть с лица Фрейи хоть самого дьявола. Если, конечно, тому вздумается прилететь сюда из того ада, что творится сейчас на Земле. В роли Князя Тьмы выступали акванты, и Джеймс чувствовал себя героем фантастического боевика, летящего на задание, где он будет раздавать оплеухи плохим парням.

Эти ощущения придавали ложную уверенность в себе, и он тщетно пытался избавиться от них. У него наспех собранная команда, ещё не успевшая по-настоящему сработаться, они не подготовлены к бою с инопланетянами, и это главное, о чём нужно думать. Иначе их всех ждёт гибель.

Стычка на острове не принесла никаких эмоций, кроме тревоги за Фиону. Сейчас же начиналась настоящая война: акванты в открытую напали на людей. Во всяком случае, именно такой аварийный сигнал поймала аппаратура станции.

— Вижу лагерь, — сообщила Снежана по рации. — Передаю картинку, на первый взгляд всё чисто. Готовьтесь, мальчики.

— Всегда готов, — вполголоса ответил Джеймс, и девушка заливисто рассмеялась. К ней присоединился сидевший напротив капитана Олег.

Оставив в памяти зарубку — спросить насчёт этого, Джеймс вцепился в ремни безопасности — дикоптер начал снижаться, и довольно быстро. Одновременно он взглянул на экран.

Посреди поляны стояла машина учёных — такой же дикоптер, как у них. Отличался он только тем, что корпуса двигателей залепила какая-то чёрная дрянь, похожая на смолу. Вздумай пилот взлететь, и винты разнесло бы в клочья.

— Приземляемся, — сказала пилот, и в хвосте дикоптера блеснула полоса дневного света. Двое солдат перехватили поудобней оружие и, не дожидаясь, пока рампа коснётся земли, прыгнули вниз. Ещё двое встали у выхода, прикрывая разведчиков.

— Чисто! — донеслось снаружи.

— Выходим, — сказал Джеймс.

Лагерь был разгромлен полностью. Две палатки изорваны в клочья, походная утварь

разбросана по всей поляне. Казалось, некий чудовищный зверь изрядно постарался, уничтожая всё это, даже кусты вокруг оказались посечены, но не пулями, а чьими-то лапами. Фридрих, следопыт, тщательно изучил землю и нашёл одну-единственную гильзу — кто-то всё же успел схватиться за оружие.

— Вон там кровь, сэр, — сказал он, указывая на пятно фиолетового мха возле одной из палаток. Рядом валялся разбитый планшет. Джеймс подобрал его и внимательно осмотрел — капли крови на нём уже запеклись и потемнели.

— Есть связь с пилотом вертушки научных, — услышал он по рации голос Снежаны. — Он сейчас откроет двери.

Задний люк машины и впрямь медленно открывался. Двое солдат встали рядом, держа автоматы наизготовку.

— Ну, неужели! — из нутра дикоптера показалась низкорослая фигура в синесеребристом лётном комбезе. — Ребята, как же я рад вас видеть!

— Где остальные? — без обиняков спросил Джеймс.

— Уволокли в джунгли, — пилот сбежал на землю. — Я был в вертушке, аппаратуру распаковывал, когда они напали. Закрылся там, а они этой дрянью винты залепили, взлететь не смог...

— Давно? — перебил его капитан.

— Давно? — удивился пилот. — А! Не знаю, часа два назад. Они сначала пытались меня достать, но бесполезно.

— Сколько тут народу было?

— Двое солдат и четверо научных.

— Сэр, есть следы! — это Фридрих. — Много и разных!

— Посмотри, куда они ведут, — чуть повернулся Джеймс.

— Яволь.

Вскоре картина наконец прояснилась. Судя по всему, акванты тайно распределились по кустам, после чего стремительно обездвигили людей плевками какой-то отравы, следы которой обнаружились по пожухлой траве. Разгромив лагерь, акванты попытались уничтожить и дикоптер, но тот оказался слишком крепок для их оружия. На свою голову, пилот попытался запустить двигатели, после чего винты тут же залепили чёрной смолой — правда, добраться до человека враги так и не смогли. Тогда он просто бросил парализованных учёных на спины шестиногих ящериц и ушли в джунгли. Со слов уцелевшего выходило так, что повязали всех буквально мгновенно и так, что толком среагировать не успел никто. А находишься он тогда не в машине, то и сам бы оказался в плену.

Все следы уходили в одном направлении, оставив за кустами широкую просеку.

— Идём за ними, — наконец решил Джеймс. — У них два часа форы, но они идут не налегке, к тому же тратят время на заросли. Кристоф, бери сенсоры, идёшь впереди. Фрост и Дитрих — охрана дикоптера, сидите внутри, наружу не выходить. Снежана, в случае нападения — улетайте. Начали.

Они шагнули под сень деревьев.

Джеймс ненавидел здешние леса. Он достаточно повоевал во время Третьей Конголезской войны, чтобы научиться ненавидеть джунгли вообще, да и тропическую саванну тоже. Но леса Фрейи были таковы, что даже повидавший всякого капитан признавал: они во много раз хуже любой земной сельвы.

Здесь царила мёртвая тишина. В джунглях Конго всё время орали птицы, верещали

обезьяны, стрекотали цикады, а здесь не было обезьян, не было настоящих птиц, насекомые не издавали ни звука, и лишь изредка хлопала где-то болотная вода, да шелестел ветер. Змеевидные твари двигались совершенно бесшумно, поджидая добычу на ветвях деревьев или в кустах. Изредка на водопой могло прийти стадо травоядных рептилий, но и они молчали, как рыбы. Казалось, никто не рискует выдать себя звуком, ни хищники, ни жертвы.

Молча шли и солдаты — Кристоф впереди, высматривая ловушки, остальные в десятке ярдов за ним, с оружием наготове.

Они шли за неизвестным врагом. За чужими существами, от которых можно ждать всего, что угодно. Это там, на Земле, враг привычен и редко преподносит сюрпризы: он ведь такой же человек. На Фрейе же вся планета восстаёт против пришельцев. Джеймс даже с каким-то неприятным удивлением понял, что не прочь был бы вернуться обратно в джунгли Конго — лишь бы подальше от этого красно-зелёного ада.

Коротко хлопнул автомат Олега, пронзая один из ближайших кустов. Тот яростно зашуршал, выпуская на свет затаившуюся тварь — огромную безглазую змею, а может, безногую ящерицу: капитан не собирался задумываться над биологическими тонкостями. Существо бросилось на людей, тут же осев и съёжившись под пулями.

Никто не проронил ни слова.

Пока они шагали дальше, Джеймс думал о том, что не понимает логику аквантов. Будь дело на Земле, они давно наткнулись бы на растяжку, «чеснок», бамбуковый кнут, а здесь — ничего. Солдаты шли, как на параде. Пара встреченных змей совсем не походила на ловушку. То ли акванты не предполагали погоню, то ли им просто было плевать.

Что-то подобное он ощущал и в пещере, расстреливая вылезающих из озера инопланетян.

— Визуальный контакт, — раздался в наушниках шёпот Кристофа.

— Рассредоточиться, — велел Джеймс.

Через несколько секунд он увидел врага.

Ржавая земля джунглей спускалась в низину, где деревья расступились, окружая небольшое озерцо. В воде плескалось нечто вроде кита с широченной пастью и алым гребнем, украшавшим спину, на болотистом берегу копошились рыболоды. При взгляде на них Джеймс ощутил прилив отвращения: акванты заталкивали людей в разинутую пасть существа. Один из солдат, явно отойдя от яда, отчаянно сопротивлялся, и рыболоды тщетно пытались связать ему руки какой-то клейкой массой. Мельком капитан отметил, что они не зелёные, как те, в пещере, а чёрно-красные. А затем поймал в прицел первую тварь.

— Огонь! — бросил он, нажимая на спуск. Да, они не успели занять удобные позиции и вообще хоть как-то подготовиться к бою. Только и не смогли бы: вон сидят ящерицы вроде тех, что нападали на «Сигюн», и вертят головами, то и дело пробуя воздух на вкус раздвоенными языками. Не иначе учуяли гостей. Животных не обманешь.

Как бы то ни было, Джеймс не собирался спокойно смотреть на эту жуткую кормёжку.

— Ящериц! — заорал он, увидев, как те сорвались с места и неожиданно быстро ринулись в атаку. Стоявшего ближе всех к врагу Кристофа сбило с ног, но зубы чудища лишь бессильно заскрежетали о броню. В следующую секунду несколько пуль вонзились твари в голову, и парень сумел отпихнуть тяжёлую тушу в сторону.

— Джим, кит! — рывкнул Олег, и Джеймс увидел, как акванты торопливо заползают существу в глотку. Времени удивляться не осталось, по какому-то наитию он выхватил светозвуковую гранату и, сорвав чеку, с криком «ложись!» швырнул её киту в морду.

Кит заревел. Граната вспыхнула прямо у его маленьких чёрных глаз, и шокированное животное заметалось по озерцу, поднимая огромные волны. На землю изливалась вода, обнажая уходящее далеко в глубину дно — озеро оказалось всего лишь выходом на поверхность какой-то подземной сети каналов и рек.

— Не дайте ему нырнуть, — предупредил капитан, осторожно приближаясь к киту. Приказ был совершенно лишним: тот тихо скулил, наполовину выбравшись на землю, и никаких попыток побега не делал. Кто-то всадил ему в хвост длинную очередь, и в воде вокруг клубился алый туман — именно поэтому кит не пытался уйти на глубину. Стоило бы застрелить его, но кто знает, что тогда случится с людьми внутри? А в том, что они ещё живы, Джеймс не сомневался. Вряд ли акванты при виде нападавших совершили бы такое странное массовое самоубийство.

Солдаты обошли кита, готовые при малейшей угрозе открыть огонь. Джеймс медленно подошёл к его морде. Кит затрубил, глядя на него.

— Ну, давай, — сказал Джеймс. Чёрные глазки кита следили за ним, и на миг капитану показалось, что это существо разумно — не меньше, чем он сам, чем Кристоф, Фридрих и все остальные. Но чувство тут же растаяло: вне сомнений, перед капитаном лежало хорошо дрессированное, умное, но всё же животное. — Давай!

Он ткнул стволом автомата в верхнюю губу чудовища, и, снова заскулив, оно медленно раскрыло пасть.

В ней не было зубов, не было глотки, языка и всего остального. Зато из темноты на человека смотрела россыпь огоньков жёлтых глаз.

Центр контроля биологических угроз, 11 июня.

Хелена Моргенсен

Она вновь лежала на своей кушетке, паря в бесконечном пространстве. Сквозь закрытые глаза проникал слабый дневной свет, но этого было недостаточно, чтобы отвлечь разум Хелены от работы. Её мозг продолжал действовать — медленней, чем компьютер, зато с возможностями, недоступными ему.

Последнее время ординатор работала на износ, изучая всё новые данные о враге и делая выводы. Анатомия изученных видов аквантов сильно различалась, что не мешало им действовать вместе, точно одна слаженная структура. Сколько этих видов всего, пока не знал никто.

Несмотря на субботний день, вернувшись домой от Рыжкова, она не нашла ничего лучше, чем отправиться на работу. Это было не впервой: на выходных частенько случалось, что Хелена не знала, чем заняться. Была, правда, флешка с данными о «Метаморфозе», но мимолётный анализ данных выявил пробелы в научных познаниях девушки, учиться же пока не хотелось. Завтра, возможно. Не сейчас.

Скука насаждала, и лишь работа помогала справиться с ней.

Хелена изучала гипотезы, выстраивала логические связи и оценивала вероятности. Информации не хватало, так что приходилось буквально плавать в болоте догадок — занятие, которое она не любила всем сердцем. Догадки бесполезны без твёрдого основания.

«Посетитель», — вспыхнуло в мозгу, и Хелена открыла глаза. У её кресла стоял Иван Драгомиров, мрачный, как туча — даже угрюмей обычного. Работать по выходным он явно не любил.

— Я пытался его не пускать, — сказал Драгомиров. Хелена вздрогнула, ощутив его неприязнь — направленную не на неё, но слишком уж сильную. А может, он просто стоял близко. — К тебе тут гость.

— Гость? — удивилась ординатор.

— Депутат бывший. Хочет с тобой поговорить.

— Впускай, — вздохнула Хелена, выдёргивая провода из шеи и поворачивая кресло к столу.

Она искренне ненавидела тех, кто отрывал её от работы. Пожалуй, это было одним из сильнейших чувств, доступных её организму. Настроение, и без того подпорченное бесплодным анализом глупых догадок, стремительно покатило вниз.

А уж что будет дальше, она могла только гадать.

В дверь вошёл подтянутый рыжий мужчина в сером деловом костюме, аккуратно выглаженном и вычищенном. Ещё на Земле, кажется, Хелена где-то его видела — новостями она не интересовалась, но иногда случалось наткнуться на очередную статью в интернете. А память у неё была хорошей.

— Добрый день, — прохладным тоном сказала она.

— Добрый, — гость аккуратно сел на стул, одновременно поправляя костюм. Драгомиров остался стоять, прислонившись спиной к стене у окна — к Хелене посетители приходили редко и ненадолго, и лишние стулья забрали в зал совещаний. — Позвольте представиться, я — Франсуа Лерье.

Короткое обращение к памяти — имя давало гораздо больше, чем внешность. Министр

внутренних дел Франции. Бывший министр, волею случая оказавшийся на космодроме в Чёрный день и сумевший попасть на «Авангард».

— Чем обязана? — сухо спросила Хелена.

— Видите ли, м... — он на миг задумался. — Я представляю политическую силу, призванную наладить контакт с аквантами и договориться с ними мирным путём.

— Разве не этим же занимается правительство?

— Только частично, — спокойно ответил Франсуа. — Мнения разделились. Одни хотят мирного решения, другие готовят войну. Войну, которую нам не осилить даже по самым приблизительным прикидкам.

— Не осилить?

— Мы здесь — всего лишь небольшой анклав людей, — пояснил экс-министр. — А против нас — целая цивилизация. Вы же ординатор! Разве вероятность нашей победы не крайне мала?

— У меня слишком мало данных, чтобы делать однозначные выводы. Хотя по предварительным расчётам вы, скорее всего, правы.

— Тогда давайте думать просто логически. Разве решить проблему мирным путём — не наилучший выход? Мы ведь развитая цивилизация, в конце концов, а не средневековые дикари.

— Вероятность договориться с аквантами лежит в пределах ниже пятнадцати сотых.

— То есть для этого вывода у вас данных достаточно? — поджал губы Франсуа. — Почему вы так считаете?

— Различия в морфологии и цели человечества на этой планете, — ответила Хелена. — Это основные факторы. Переводя на человеческий язык, мы с аквантами слишком разные, и мы сюда прилетели как завоеватели. Поэтому договоров не будет. Никто не будет с нами говорить.

— Значит, вы тоже скептик, — поджал губы Франсуа. — Жаль.

Хелена пожала плечами.

— Я хотел, чтобы вы поддержали нас в правительстве, — продолжил политик. — Если на нашей стороне будут ординаторы, этим милитаристам придётся нас услышать. Вероятность договориться, может, и мала, но она всяко выше вероятности победы кучки пришельцев над целой планетой.

— Я не занимаюсь политикой.

— Ещё раз жаль, — Франсуа мельком взглянул на запястный смартбрасер. — Всё же рекомендую вам подумать, доктор Моргенсен. Ваша помощь пришлась бы очень кстати, а даже плохой мир лучше самой удачной войны.

— Подумаю, — кивнула Хелена, зная, что этим «подумаю» всё и ограничится.

Едва ли не впервые в своей практике она столкнулась с банальным «не верю». Да, нечто подобное случалось и раньше, когда её выводы резко расходились с ожиданиями и люди просили полный отчёт. Но отчёт им требовался только для того, чтобы установить причины и подумать над решениями. Здесь же человек попросту отверг её данные в пользу каких-то своих измышлений, и Хелена не понимала, почему.

Разумеется, вероятность договориться — штука очень эфемерная, размытая, да к тому же основанная на зыбких предположениях и неполных данных. Но этих данных Хелене вполне хватало для оценки шанса успеха дипломатии. Ей просто было удобнее работать в численных выражениях вместо абстрактных «ну, наверное, возможно» и «скорее всего,

получится».

— Забавные люди, — нарушил молчание Драгомиров, когда за господином Франсуа Лерье закрылась дверь. — Думают, что кроме людей и техники в «Спасителе» на Фрейкс привезли немного демократии.

— Он очень странный. У него есть реальные шансы повлиять на Плутонova и остальных? — спросила Хелена.

— Сложно сказать. Он подчинённый той ирландки, главы инженеров-техников. Влияния у неё много, и сторонников тоже. Большинство тоже понимает, что воевать с аквантами чревато. Только... если бы у нас был парламент вроде европейских, где всё решалось голосованием депутатов, тогда, возможно, они чего-то и добились бы. Но у нас нынче правительство, сформированное не из актёров, а из экономистов, инженеров, управленцев и социологов, ну и пара военных затесалась. Они ориентируются на рациональные оценки положения дел, а не на мнения сторонних людей. Понимаешь, эта «политическая сила» свято думает, что здесь, как и на Земле, каждый имеет право голосовать, подняться к власти и так далее. Но это не так. Земная демократия сгинула, когда на неё упали ядерные ракеты. У нас теперь важно то, что ты делаешь, а не то, о чём говоришь.

— Я не разбираюсь в этих тонкостях.

— Лучше и не разбирайся, — посоветовал Иван. Хелена подумала, что в кои-то веки он забыл, кто она такая. — Абсолютно бесполезная информация для человека, который не собирается в этом цирке участвовать.

— Зато это позволит мне понять мотивы таких, как он.

Иван пожал плечами. На его лице застыло брезгливое выражение.

— Я не специалист-политолог, — сказал он. — Но я никогда не понимал, почему, когда мы голосуем за президента, мнение учёного доктора с целым списком работ по экономике стоит ровно столько же, сколько мнение живущего на пособие безработного, едва закончившего общую школу и целыми днями смотрящего глупые сериалы. Закон говорит, что все люди равны, но, тёмная энергия, на самом-то деле это не так! А ведь докторов экономики куда меньше, чем безработных любителей телевизионного мыла. И люди, которые реально знают, что делать, остаются не у дел. Вот она, гниль демократии. Нам потребовался апокалипсис, чтобы от неё избавиться.

— Думаешь, теперь всё будет лучше, чем на Земле? — медленно проговорила Хелена, наматывая прядь волос на палец.

— Думаю. В конце концов, теперь у нас каждый занимается своим делом. И ты тоже, калькулятор с ножками. Всё, иди думай.

Хелена молча отвернулась к компьютеру и принялась снова вставлять штекеры в гнезда шейного импланта. В чём-то Иван был прав. Прежде она вовсе не задумывалась о политике и даже не знала имени нидерландского премьер-министра. Был, правда, сосед, регулярно смотревший новости и смачно их обсуждавший, но его кости давно истлели где-то в окрестностях разрушенного Роттердама. А сейчас? Она ведь сама была на Совете. Она не могла сделать выводов из того, что видела: для этого Хелене не хватало методов. Но если сейчас действительно каждый занимается своим делом, значит...

Значит, можно надеяться на лучшее.

Тропические леса Фрейи, 11 июня. Джеймс Гленн

— Ты сбрендил, янки, — сказала Снежана. — Совсем ополоумел.

— Я не янки. Я родом из Луизианы...

— А, какая разница, — отмахнулась девушка. — Всё равно ты говоришь глупости.

Эта девица сразу буквально пленила Джеймса. Но если Фиона возбуждала в нём желание сексуальное, то Снежаной он просто восхищался, не пытаясь приблизиться.

На земле она соблюдала субординацию. Она была всего лишь лейтенантом и обращалась к нему «сэр». Зато в воздухе Снежана превращалась в богиню, как-то незаметно и естественно забывая о звании Джеймса и своём собственном, не стесняясь хамить ему и высказывать в лицо всё, что думает. И он с удивлением понимал, что не хочет с ней спорить — возможно, потому, что сам не считал себя офицером, и Снежана чувствовала это.

Она с презрением относилась к тем, кто боится летать, искренне считая их какими-то недолюдьми, бездушными куклами, лишёнными души. Ей даже удалось склонить на свою сторону Джеймса, и только на земле он вернулся к изначальному мнению. Просто там, в небе, Снежана оказывалась чертовски убедительной.

А кроме того, она обладала звучным и красивым именем.

Перед отлётом из джунглей он всё же не удержался и спросил, в чём причина такого различия в её поведении *здесь* и *там*. Снежана долго смотрела на него, а потом сказала: «В воздухе все равны, сэр. Люди всех званий, рас и полов падают совсем одинаково. Всмятку. На земле вы можете меня под трибунал отдать, но небо — мои владения».

— Почему же глупости? — поинтересовался Джеймс. — Война на полное истребление слишком опасна. Мы превратим Фрейю в обугленный безжизненный шар, как до того сделали то же самое с Землёй.

— Значит, надо воевать так, чтобы после победы у нас осталось место под солнцем, — веско заявила Снежана. — Нет, ты точно дурак. Вспомни, как ваши же колонизаторы давили индейцев. Если не получалось раздолбать их в бою, вы спаивали их, продавая огненную воду.

— Индейцы получили резервации.

— Просто потому, что перестали быть силой, с которой можно считаться, даже потенциально. А вот оставить в живых цивилизацию, которая может разработать и выпустить в наш город смертельный вирус — это бред собачий. Ты «Войну миров» читал? Сейчас мы и есть марсиане Уэллса, прилетели сюда, потому что на нашу собственную планету пришёл полярный лис. Просто акванты не такие тупые, как уэллсовы британцы и встречают нас не хлебом-солью, а чёртовой ядовитой плесенью, водорослями, всякими монстрами и чем там ещё. А дай им время, так они и ещё что-нибудь выпустят, только подожди. Странно, что они до сих пор бактериологического оружия не сделали.

Джеймс не очень понял, что за полярного лиса она имела в виду, но общий смысл слов уловил и вынужден был согласиться. Снежана говорила сущую правду.

— Думаешь, прилети они на Землю и начни без спросу заселять океаны, мы стали бы с ними договариваться? — продолжала девушка. — Да ни хрена! Может, сначала и получился бы какой-нибудь контакт, но как только мы бы поняли их намерения, тут же запустили бы ядерные ракеты! Мы хоть и не живём в океанах, но считаем их своей собственностью. Так почему тогда акванты должны думать иначе о Фрейе?

— Ты права, — вздохнул Джеймс. — Но это не отменяет того, что возвращаться нам

некуда.

— Ну да. И значит, либо мы уничтожим аквантов, не причинив большого вреда планете, либо человечеству конец. Понимаешь? Слушай, янки, я не пойму, вы сколько лет воевали по всей Земле, то во Вьетнаме, то на Ближнем Востоке, то вот на Африку перешли. И ты там воевал. Неужели эти вонючие многоглазые рыбомордые задницы тебе милее людей?

— Мы же не истребляли население тех стран, — поморщился Джеймс.

— Так потому и не истребляли, что там жили хоть и другие, но люди, — безжалостно добила его Снежана. — А эти твари на людей не похожи. Убивать их можно сколько угодно. А учёные пусть у себя в уголочке рассуждают о ценности разума, гуманизме и прочем. Гуманизм, тёмная энергия, это когда в центре науки, морали и всего остального — человек. Человек, а не рыба страхолюдина.

— И всё же нельзя просто уничтожить аквантов. Как минимум у их цивилизации много ценного, что стоит изучить и перенять. Научники говорят, их генетика...

— Давай не будем о генетике, — тихо сказала Снежана, и Джеймс замолчал. Судя по всему, он надавил на что-то больное.

Дикоптер мягко коснулся земли. Стойки шасси слегка просели под его тяжестью, но Снежана посадила машину идеально ровно, и та даже не покачнулась. Джеймс глубоко вздохнул, расстёгивая ремни безопасности.

— Через час жду вас на лётном поле, лейтенант.

— Есть, сэр, — чётко ответила девушка.

Центр контроля биологических угроз, 12 июня.

Виктория Орлова

До сих пор Вика не замечала, что работает с самым уродливыми тварями, какие только могла себе представить. Для неё это были всего лишь объекты, живые существа, цель исследования. А потом смешливая девчушка-биолог как-то сказала: «До чего же они страшные!». И былой восторг сменился отвращением.

Инопланетяне были мерзкими. Иначе и быть не могло.

Карикатурные гуманоиды, точно сошедшие со страниц комикса-ужастика. Две руки, на каждой — по паре цепких пальцев с острыми когтями. Две ноги. Чешуйчатый хвост с ромбовидной пластиной на конце. И, конечно, ужасная голова — огромная пасть, усеянная зубами, гребень от макушки до самой спины, колючие иглы которого вызывали мысли о яде, и четыре жёлтых глаза с вертикальными зрачками.

А ещё они были не зелёные, как первый пленник, а чёрные с красным. Пятнами, как земная ящерица-ядозуб.

— Один такой у нас побывал и раньше, толькодохлый уже, — сказал Петер, ища что-то в Сети. — В рапорте военных о нём говорилось, и фотографии даже были. Вот, гляди, — он продемонстрировал картинку.

— Фу! — девушка прикрыла экран руками. — Нельзя было обойтись без демонстрации?

— Извини, — смутился Петер. — Ну, просто решил показать. Вроде бы он командовал зелёными, когда наши в пещеру угодили.

— Командовал? — Вика задумалась, пытаясь выгнать из памяти зрелище изуродованного трупа. Даже на фотографии он смотрелся ужасно. — Это не у него в теле гриб нашли?

— У него. Только это не гриб, а какой-то симбионт. Наши биологи с ним помучились недельку, и оказалось, что он реагирует на инфразвуковые сигналы. По крайней мере, ничего больше они найти не смогли, в остальном он просто питается отходами организма.

— Очень странно. При чём тут инфразвук?

— Мы регистрировали такие колебания в океане, — заметил Петер.

— В океане... — протянула Вика, глядя на бесстрастного охранника за стеной. Тот со скучающим видом стоял посреди коридора, сложив на груди искусственные руки. — Слушай, а что, если это у них такой имплантат?

— Ты имеешь в виду, как у наших жестянок? — Петер тоже покосился на охранника.

— Не называй их так, — поморщилась Вика. — Да. Только не механический, а такой вот... грибной. Дай-ка.

Она выхватила планшет у Петера из рук. Тот хмыкнул и надел на неё обруч мыслеуправления.

«Википедия инфразвук», — мысленно набрала Вика. Поисковик любезно отправил её на нужную страницу, и Петер заглянул через плечо, читая статью.

— Смотри, — сказал он. — «Оказывает негативное воздействие на организм человека и земных животных, однако все изученные морские обитатели Фрейи устойчивы к инфразвуку». Быстро же её редактируют, уже и про Фрейю пишет кто-то. «Далеко распространяется в плотной среде». Хм...

— Может, это такая связь? — спросила Вика. — На большие расстояния, вроде как

подводная рация. А гриб — приёмник. Набросаем рапорт Келлеру?

Скрипнула дверь, и оба одновременно повернулись на звук, но тут же расслабились — это был доктор Цанн. Пожилой учёный выглядел слегка растрёпанным, но довольным.

— Работайте, молодые люди, — сказал он. — Не обращайтесь внимания на старика. Он тут нужен только для того, чтобы вы чувствовали себя уверенно.

— Вы преувеличиваете, профессор, — вздохнула Вика.

— Ничуть. Я смотрю на вас и учусь — вот что я здесь делаю. Запомните, учиться никогда не поздно. Так что продолжайте. А я понаблюдаю.

Он сел в своё рабочее кресло и Вика, покачав головой, вернулась к работе.

Сейчас они с Петером пытались систематизировать услышанные от аквантов фразы и выделить отдельные фонемы. В этом плане они достигли некоторого прогресса, хотя, конечно, не могли считать полученный набор полным: данных по-прежнему не хватало. С другой стороны, они хотя бы выяснили, что этот набор существует, и что язык аквантов, скорее всего, чисто звуковой, а не звукожестовый.

Но нежелание пленников говорить убивало все их попытки на корню.

— Профессор, а что говорят наши — ну, те, кто в их лапах побывал? — спросил Петер. — Вы вроде с ними говорили об этом.

— Ничего, — вздохнул Цанн. — Их накачали каким-то наркотиком, они едва сознавали, что происходит. Был там один солдатик, он покрепче оказался, кое-что сообщил. Пока ждали того кита, акванты между собой переговаривались, но мало. Без жестов, если вы об этом хотите спросить. А собачками своими так и вовсе молча командовали.

— Значит, зверьми она управляют чистым ультразвуком, — задумался Петер. — Вик, земные собаки ведь его слышат?

— Слышат. Но и обычные звуки тоже.

— И командуем ими мы голосом, — подхватил парень. — Что-то у меня в голове вертится, но что...

— То, что у них могут быть разные языки для этих чёрно-красных и для зелёных, и сверхразум знает, сколько их всего, — вздохнула Вика, тоскливо глядя на экран. — А мы всё мешаем в одну кучу.

— Himmeldonnerwetter, — пробормотал Петер.

Мартышкин труд, подумала Вика. Нельзя разгадать чужой язык, если в наличии есть только несколько фраз, смысл которых даже приблизительно неизвестен.

Нельзя войти в контакт с теми, кто этого не хочет.

— Я сегодня раньше хочу уйти, — наконец сказала она. — Не проводишь меня? Всё равно много мы не поработаем уже.

— Провести? Конечно, — усмехнулся Петер. — Даже если придётся через весь город идти.

— Не через весь. Пятьдесят метров прямо, повернуть направо, пройти сорок метров, налево, пройти...

— Стой! — он поднял руку. — Ты что, всю дорогу так запомнила?

— Ну... — Вика смутилась. — Да. Я только так её и могу запомнить.

— Ты знаешь двадцать три языка — и не можешь дойти домой без таких глупостей? — не поверил Петер.

— Да, — она не стала говорить, что это было следствием вторжения чужих рук в её мозг. — Это... ну, такой врождённый недостаток. Знаешь, некоторые путают право и лево, а

у меня — вот так.

Лгать ему оказалось неожиданно просто. А как поступил бы Петер, узнай он правду?

— Хорошо, — кивнул парень. — Давай всё-таки напишем про инфразвук, Вики. Пусть это только идея, но, может, хоть что-то полезное сделаем.

Она кивнула. Это действительно было самым важным из того, что они открыли за последние дни.

Мидгард, 12 июня. Джеймс Гленн

— Всё-таки ты скотина, капитан, — нежась в постели, проговорила Фиона. — Ладно, ла-адно, я поняла, армейская дисциплина, тяжесть щита, а не ярма... Больше таких сцен устраивать не буду...

— Потому что они всё равно ничего не изменят, — хмыкнул Джеймс. Он сидел на краю кровати и размышлял о том, что за нимфоманку ему послала судьба. Нет, он был вовсе не прочь хорошо развлечься, но до сих пор не мог понять, нужен ли Фионе он весь или только одна, совершенно определённая часть тела.

Впрочем, он никогда не понимал женщин.

— Не поэтому, — неожиданно серьёзным голосом ответила Фиона. — Я знала, что куда не полечу. Не дура, какой ты наверняка меня тогда представил. Просто... Думаешь, я забыла ту пещеру? В тот раз меня спасла только Хелена и её мозги. Я не хотела, чтобы ты летел в джунгли. Я уже достаточно о них знаю, чтобы сказать как учёный: человеку там делать нечего. Мы можем выкорчевать их, уничтожить зверей, но всё равно хомо сапиенс в здешних лесах совсем не царь природы, даже в армейском комбезе. Мне бы очень не хотелось, чтобы ты умер от ядовитого укуса какой-нибудь опасной мелочи.

— Неужели? — Джеймс повернул голову. Такой отповеди он не ожидал. — Слушай, я ведь уже говорил тебе, что не хочу жить вечно.

— А я уже отвечала, что если ты решил умереть, сделай это лет через сто, — с нажимом заявила итальянка. — К тому же смерть от яда — самое паскудное, что только можно себе представить. Уж поверь, я знаю.

— Нет, дорогая, не знаешь, — усмехнулся капитан. — Тебе достался тетродотоксин, а это всего-навсего удушье. Есть яды куда хуже. Есть такие, от которых ты будешь умирать часа два, дёргаясь в конвульсиях, испытывая жар и холод одновременно, и вот это действительно страшно.

— Тетродотоксин тоже мерзкая штука.

— Согласен. На этой планете вообще много мерзкого.

— Другой у нас всё равно нет.

— Нет, — согласился Джеймс. — Но другой нет и у аквантов. Знаешь, на обратном пути я разговаривал со Снежаной, нашим пилотом...

— Какой такой Снежаной? — Фиона нехорошо прищурилась, приподнявшись на локте.

— Пилотом дикоптера.

— Вот как? Только пилотом и всё?

— Это просто лейтенант нашей армии, пилот и ничего больше, — проворчал Джеймс. — Так вот, она считает, мы никогда не сумеем договориться с аквантами, потому что прилетели сюда завоёвывать, а не дипломатничать. И в целом я считаю, что она права.

Фиона расслабилась и откинулась на подушки.

— Если подумать, наши экологические ниши слабо пересекаются, — сказала она. — Мы живём на земле, акванты — под водой и не лезут на сушу, хоть и могут дышать там. Не зря же мы не обнаружили никаких коммуникаций и селений с орбиты. И теоретически мы могли бы договориться.

— Но этому мешает страх, — сказал Джеймс.

— Да. А страх этот растёт не только из опасений за свою жизнь. Долю вносит и

внешний вид. Чужие на то и чужие, что выглядят для нас отвратительно. И будь уверен, мы для аквантов тоже вполне можем стать героями фильмов ужасов.

Она хихикнула.

— Представила себе местный фильм. Группа бедных аквантских студентов выезжает в приливную зону на пикник, начинает развлекаться, а потом их зверски убивает и пожирает злое чудовище-человек. Сверкая зубами. Каково, а?

— Трэш-ужастик, — хмыкнул капитан.

— Ну да. То есть вот представь, прилетел ты на планету в качестве исследователя. И видишь перед собой вот такую тварь. Да не будет никаких разговоров! Она выглядит как творение какого-то любителя Лавкрафта. Первой реакцией человека будет нажать на спуск автомата, и только потом — говорить.

— Зато если бы из зарослей вышла голая сисястая девица с хвостиком и кошачьими ушками, надо думать, к ней отнеслись бы иначе, — засмеялся Джеймс.

— Верно. Хм...

— Что?

— Ты подкинул мне идею.

— Только не говори, что...

— Оно самое, оно самое. Была такая теория ещё на Земле, но чисто гипотетическая, люди тогда ещё вообще ничего не знали о внеземной жизни. Так вот, если подумать, в общении всё упирается в одно и то же, как ни крути. Отличия между нашими видами. Вот я, например, люблю хороший секс... Ну, когда мускулистый, не обделённый интеллектом красавец перегибает меня через спинку дивана, крепко стискивает бёдра и засаживает поглубже...

— Это было вчера, — усмехнулся Джеймс, подумав, что только Фиона с её темпераментом могла поддержать подобную бредятину.

— ...или когда он прижимает меня к постели и ритмично двигает бёдрами, а я не могу даже пошевелиться — это же буря эмоций... — не обращая на него внимания, со вкусом продолжала итальянка.

— А это — полчаса назад...

— ...и ещё много чего — в конце концов, «Камасутра» не зря такая толстая. Всё это — эмоции. А вот акванты, — она махнула рукой в сторону мирно спящего на столе монитора, — этого лишены. И знаешь, проблема ведь не только в психологии. Шесть глаз, жабры, хвост — не проблема, если у хорошенькой инопланетянки третий размер, круглая задница и эротичного вида губки. Если хотя бы теоретически ты можешь с ней переспать, и не под дулом пистолета, а по своей воле. А вот если все они выглядят, как андрогины, между ног у них нет вообще ничего, сплошная чешуя, тут разве что какой извращенец возбуждение испытает. Вот почему нам так просто проводить анатомирование аквантов, ставить на них опыты. Они не просто не люди. Они — существа, которых нельзя любить.

— Ты правда думаешь, что если бы вместо акванта на стол легла такая инопланетянка, пусть даже с хвостом и длинными ушами, было бы иначе?

— А почему нет? Её ты подсознательно ассоциируешь с человеком. Даже если не испытываешь влечения — сознательного влечения, я хочу сказать, внутри тебя всё иначе. И резать её тебе будет куда трудней.

Джеймс попытался представить себя в постели с подобным существом. И вынужденно признался, что в целом это был бы интересный опыт. Пусть даже однократный.

— Нацисты во Вторую мировую войну по этому поводу не переживали, — наконец заметил он.

— Так мы и не нацисты, — обиделась девушка. — Там было слишком много других факторов, чтобы сравнивать их и нас.

— Но нельзя же сказать, что дипломатия в этой войне отсутствует только из-за того, что нам неинтересны акванты как...

— Нельзя, — согласилась Фиона. — Как ни крути, это второстепенно. Ну, встретиться мы на какой-нибудь третьей планете, постреляли бы друг в друга сначала, испугались, но потом установили бы контакт. Надо только преодолеть отвращение. Будь они антропоидами, мы просто познакомились бы немного быстрее и без стрельбы. А здесь ситуация другая, твоя подружка права: мы прилетели не как дипломаты, а как колонисты. Экологическая ниша аквантов — океан, но если мы обоснуемся на суше, то станем сбрасывать в него отходы, плавать на кораблях — помнишь «Сигюн»? То есть вторгаться в их мир. И акванты, как ты понимаешь, не станут нас терпеть.

— Значит, остаётся только война, — Джеймс пропустил «подружку» мимо ушей.

— Да. А моя теория, стало быть, просто постельные рассуждения из-за бурлящих гормонов.

— В ней есть рациональное зерно.

— Наверное, стоит задать задачку Хел, — задумалась Фиона. — Если кто и способен понять аквантов, то это она.

— Почему?

— Потому что, как и все ординаторы, она асексуальна. Нет, не подумай, она пробовала — два раза с одним очень милым пареньком-преподавателем и один раз — со мной. Не скажу, что мне тогда не понравилось, но... в первую очередь это не понравилось ей. И с её аналитическими способностями...

— Нет. Как ни крути, но она выросла в человеческой культуре. А наша культура вся пропитана сексом. Ты просто не представляешь, сколько безобидных с виду вещей на самом деле имеют эротическую основу. Даже Фрейд такого не подозревал, наверное. Пусть уж лучше Хелена воспользуется чистой логикой, это у неё получится гораздо эффективней. Знаешь... я завтра поговорю с ней.

— Ты? Учти, она равнодушна к мужикам.

— Я хочу расспросить её о том, каково это — быть ординатором, — усмехнулся Джеймс. — Надеюсь, её не успели достать такими вопросами.

— Ну... Не помню, чтобы она жаловалась.

— Отлично. Девочке стоит развеяться немного и отвлечься от своих бесконечных анализов.

— Возможно, и так, — задумчиво протянула Фиона. — Культура, говоришь, пропитана сексом... Покажешь, как это на деле?

Джеймс рассмеялся, притягивая её к себе.

Центр контроля биологических угроз, 14 июня.

Виктория Орлова

— Всё это — бессмысленная трата времени, — с отвращением сказала Вика, глядя на пленника.

Её не оставляли глупые мысли, что это странное существо попросту издевается над людьми. Никакие попытки хоть как-то продвинуть дело не принесли успеха. В конце концов Петер даже вызвал какого-то своего друга, служившего офицером в германском корпусе в Конго и набравшего там кой-какой опыт. Вика не стала смотреть, что он будет делать, внутренне понимая, что это зрелище не принесёт ей радости. Но и офицер тоже потерпел поражение.

— Ерунда какая-то, ребятки, — сказал он в итоге. — Человека я сломал бы за полчаса. А что делать с этим — один сверхразум знает. Всё равно что пытаться заставить говорить мартышку или слизняка.

В конце концов совершенно обезумевшему акванту сделали эвтаназию и отправили на вскрытие. Уже набравшиеся опыта патологоанатомы первым делом исследовали грудную клетку, где обнаружили такое же странное существо-паразита, как и у остальных командиров.

— Может, это не инфразвуковая связь, а просто такая страховка? — рассуждал Петер. — Он попадает в плен и активизирует паразита. А тот ему мозги выедает, чтобы пленник ничего не рассказал.

— Мерзость какая, — Вика покачала головой. — Ты бы согласился на такое?

— Ну, если бы меня пленили эти твари... я бы пожалел, что на мне нет пояса шахида, — хмыкнул Петер.

— Но не паразита же в голове, который превращает тебя в идиота!

— А у них вообще всё на биологии завязано, — высказался Петер. — Ты ж видела, никакой техники. И кит этот чёртов вместо лодки.

— В тех аквантах, с шестью глазами, их не было, — не сдавалась Вика. — Да и нельзя сказать точно, что это именно паразит. Может — всё-таки инфразвуковой симбионт.

Доктор Цанн наблюдал за ними с лицом старого отца, дети которого затеяли свой детский спор. На его губах играла лёгкая улыбка.

— Главное — выяснить его функцию, а паразит это или ещё кто — дело десятков, — заметил Петер. — О! Смотри, опять экскурсия. А говорили, сегодня пускать никого не будут.

Посмотреть на аквантов приходили довольно часто, но работе эти экскурсии не мешали — одного из пленников просто специально поместили в специальную стеклянную камеру для выставки, где он и сидел под взглядами посетителей. Рабочая зона Вики с Петером располагалась за прозрачной стеной, за счёт чего они легко могли наблюдать за всеми, кто проходил по коридору. По большей части, однако, они даже не замечали гостей, будучи погружёнными в работу.

Но сейчас пришли вовсе не экскурсанты.

— Пожалуйста, — сказал охранник, открывая дверь. В комнату прошли трое — все в деловых костюмах, какие Вика уж и не помнила, когда видела в последний раз. На ногах гостей красовались блестящие туфли, шеи обвивали строгие галстуки.

— Прошу прощения, что отрываю вас от работы, — вежливым тоном начал один из

гостей. Покопался на охранника, который с невозмутимым видом встал у стены, и продолжил: — Меня зовут Франсуа Лерье, я возглавляю группу мирного урегулирования конфликта с аквантами.

— Вот как? — удивился Цанн. — Я уж думал, наше правительство никогда в разум не вернётся.

— Группа санкционирована Амандой Бартлет из Технической Службы, так что мы всё-таки победили, — слабо улыбнулся Франсуа Лерье. — Месье Герман Цанн, я полагаю? Очень рад с вами познакомиться.

Он протянул руку, и доктор с серьёзным видом пожал её.

— К сожалению, многие в Совете по-прежнему сомневаются, — продолжил француз. — Мы считаем иначе...

— Кр-кр-куаф, — сказал пленник, и на миг в зале воцарилась тишина. Месье Лерье с лёгкой опаской посмотрел на акванта.

— Если вы хотите нашей помощи, то увы, — с сожалением проговорил Цанн, не обратив никакого внимания на возглас инопланетянина. — Наши успехи в установлении контакта с аквантами пока более чем скромны.

— Это — пленники. А что бы вы сказали о попытке заговорить с представителями их расы в более располагающей обстановке?

— Тогда есть шансы на успех, — подумав, ответил Цанн. — С хорошим инженером и кое-какой аппаратурой я мог бы собрать электронный лингвенсор. Конечно, до настоящих, профессиональных программ ему будет далеко, но...

Франсуа ждал.

— ...но объясниться мы сумеем, — закончил его собеседник. — А для первого контакта сойдёт и жестовый язык. Он универсален.

— Герр профессор! — не выдержал Петер. — А что, если акванты не станут вас слушать? Пока что, тёмная энергия, они не проявляли дружелюбия!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Стоявшая рядом Вика была того же мнения. Аквант за стеклом отнюдь не казался ей дружелюбным существом.

— Петер, Петер, — укоризненно ответил Цанн. — Мы ведь уже обсуждали эту проблему. Для дружбы нужно в первую очередь понимание. Пусть для аквантов вначале мы были варварами, но теперь они могут изменить своё мнение о нас. Высокоразвитая цивилизация неспособна воевать.

— Именно так, — вставил Франсуа. — Месье Цанн, мы хотим организовать экспедицию на один из плавучих островов. Строго говоря, всё уже готово к вылету, и нам нужен только человек, который мог бы помочь наладить хотя бы первоначальный контакт с инопланетянами.

— Я согласен, — не раздумывая, ответил тот. — До конца недели я полностью свободен.

— Герр доктор... — начал было Петер. Вика молчала, думая о том, что скоро аквантские учёные точно так же, как они сейчас, будут сидеть в залах своего острова и обсуждать томящегося в клетке человека. Правда, в этом случае люди будут очень, очень хотеть говорить.

Может, что-то у них и выйдет.

— Оставь, Петер, — безмятежно сказал Цанн. — Я знаю, мы рискуем. Но риск — дело

благородное. Идёмте, герр Франсуа. Мне нужно собрать аппаратуру...

Петер с Викой молча смотрели, как гость уводит доктора Цанна и охранник закрывает дверь.

— Ну... — протянул Петер. — Будем искать нового руководителя?

— Думаешь, у них нет шансов?

— Есть. Но очень, очень маленькие.

— В истории бывали случаи, когда человеку никто не верил, и всё равно выходило так, как он сказал, — заметила Вика.

— Ага, — согласился немец. — Когда мне сказали в баре, за пару минут до первой ракеты, что эта кружка будет последней — я тоже не поверил. Как оказалось, зря...

Вика лишь вздохнула. Она не верила в авантюру Германа Цанна. И, по чести сказать, вовсе не хотела, чтобы он куда-то летел.

Но отговорить его она не могла.

Центр контроля биологических угроз, 14 июня.

Джеймс Гленн

Капитан Гленн уже бывал в этом маленьком кабинете, но всё не переставал удивляться. Как ни крути, обычно люди работают пусть небольшими, но группами. Это начальник может сидеть в отдельной комнате — ему по статусу положено.

Хелена не была начальником, и всё же работала одна.

Места здесь было не особо много. Небольшой стол, начисто лишённый ящиков, единственный стул для посетителей, подоконник. Аскетичный чёрный монитор, такие же клавиатура и мышь — интересно, она вообще ими пользуется? Всё нарочито простое, без вычурного дизайна, какой Джеймс часто встречал у компьютерщиков. Правда, на Фрейе производители пока что не заморачивались такими деталями, но эту функцию с удовольствием взяли на себя пользователи, издеваясь над техникой со всей доступной фантазией.

Они украшали мониторы бумажными цветами, расписывали их акриловыми красками, иногда нанимая художников для этой работы. Ретрофутуризм, стимпанк, стилизация под любые эпохи — трудно было найти дизайн, ещё не использованный для воплощения в компьютерном искусстве. Джеймс видел монитор, заключённый в оболочку из местной глины, рельеф на которой складывался в узор из человеческих костей. Видел системный блок, выглядевший, как чемодан, обтянутый кожей. Современная корпоративная культура допускала такое для постоянных работников, а сейчас все работники на Фрейе были постоянными. И все они пытались как-то выразить свою индивидуальность.

Здесь компьютер остался в первозданном виде.

— День добрый, — Джеймс вежливо кивнул. — Как работаете, док?

— Добрый. Превосходно, — усмехнулась ординатор и поднесла было руки к проводам, но капитан жестом остановил её.

— Меня не беспокоит это, — пояснил он. — Фиона сказала, что вы так делаете только для комфорта собеседника.

— Хорошо, — Хелена вновь откинулась на кушетку. — Капитан, можно вас попросить? Зовите меня по имени. Обращение «доктор» вызывает у меня неприятные эмоции.

Неприятные эмоции, сказала она. Нормальный человек употребил бы что-то вроде «мне не нравится».

— Без проблем, Хелена, — Джеймс подтащил ближе стул и уселся на него. — Тогда и вы меня тоже. «Капитан» вызывает у меня не меньше негатива, чем у вас — «доктор».

Она улыбнулась.

— Вы мне нравитесь.

— Это взаимно, — осторожно ответил капитан.

— Я не... — она смутилась.

— Я знаю. Не беспокойтесь. Вообще говоря, я здесь по делу. Есть одна идея... может, и глупая, но мне уже надоело её держать в себе. Вот и хочу её высказать вам.

Взгляд девушки затуманился, и Джеймс понял, что она обращается к компьютеру.

— Хорошо, — сказала Хелена. — Пока не появятся новые данные по аквантам, у меня всё равно нет срочной работы.

— Я долго думал о странностях в их поведении, — начал Джеймс. — Ну, было даже

целое заседание, когда мы обсуждали это: засада устроена отлично, в пещере лезут как коровы на убой... И давешняя операция в джунглях тоже — нашу экспедицию они захватили без проблем, а вот погони совсем не ждали. Странно. Будь на их месте отряд конголезских афрорасистов или ещё кого в том же духе, и операция сорвалась бы. Врага мы бы, конечно, уничтожили, но и пленные тоже погибли бы. В общем, у меня создалось впечатление, что они просто выполняют чьи-то инструкции, а как только ситуация принимает неожиданный оборот, теряются, потому что инструкций на этот счёт у них нет.

— Интересная идея, — задумчиво поговорила Хелена, постукивая пальцами по столу. Ободрённый Джеймс продолжил:

— Ну вот, засаду они устроили. Значит, какой-то крутой мозг, вроде правителя, дал им чёткую установку, как это делать. Что выращивать, что спрятать в кустах... полный чертёж. Думаю, птиц они тоже натравили, чтобы те сломали нашему дикоптеру винты. Только акванты не ожидали, что мы выживем при падении. И вот тут всё полетело в пекло: главный мозг-генерал у них неповоротлив и приказы быстро отдавать не умеет, так что пришлось работать сержантам. Брать на себя функции офицеров. Вот они и облажались.

— Вы думаете, у них коллективный разум?

— Не знаю. Может, они — как муравьи, стайные насекомые. Что-то такое слышал на учёных дебатах.

— Вы зря боялись, — она улыбнулась. — Идея вовсе не глупая.

— Я не ручаюсь, что всё это — правда, — предупредил Джеймс. Заходя на «чужую» территорию, он чувствовал себя неуверенно, как будто снова оказывался в далёком шестьдесят третьем году, в дурацком пляжном бунгало со своей первой женщиной. Тренером по фитнесу, уверенной тридцатилетней львицей, хорошо знавшей, как раззадорить юношу. Вот и ощущать себя научником ему пока что нравилось, но всё равно было слегка боязно.

А ещё больше нравилось то, что Хелена не стала язвить по поводу вояки, вздумавшего играть в учёного.

— Это неважно, — сказала ординатор. — Многие научные гипотезы не подтвердились в своё время. Ваша вполне заслуживает того, чтобы её рассмотрели. Вы основывали её на структуре человеческой армии? Я сейчас изучаю материалы о ней.

— Вроде того, — Джеймс позволил себе расслабиться. Рыжая девица прекрасно поняла всё, что он хотел сказать. — Наверное, последнее время я слишком много общаюсь с учеными, вот и набрался... Если мышление аквантов схоже с нашим, как говорил доктор Келлер, то и организация войска тоже должна идти по тем же принципам, то есть принципам эффективности. Неважно, как мы зовём армейские звания, но у нас есть иерархическая структура командиров, нацеленная на удобство управления. Так же должно быть и у них. От старших командиров — к младшим. Могут быть различия в деталях, но не в общей структуре.

— Поняла. Мы попытаемся проверить это. Хотя, если честно, я пока ещё слабо разбираюсь в армейских тонкостях и сейчас не могу даже приблизительно сказать, насколько вы можете быть правы.

— Это ерунда, — усмехнулся Джеймс. — На самом деле я просто выговорился. Первый раз в жизни такое случилось, чтобы в голове придумалось что-то, а рассказать толком некому. Так что спасибо, что выслушали. А что до армии... Я бы сделал вас тактиком. Офицером. Тем, кто руководит. И сам охотно бы вам подчинился.

— Разве вы сами не офицер?

— Нет. Я командовал отрядом специального назначения во время Третьей Конголезской Войны и был мастер-сержантом. В американской армии офицеры и сержанты — это... как две разные касты. Офицеры осуществляют контроль, а сержанты просто воюют, без затей. Я воевал.

— Но здесь...

— А здесь меня сделали капитаном, но функции остались те же, так что офицером я себя не чувствую. Неплохой скачок вверх, верно?

— Я смутно вас поняла, — сказала Хелена.

— Не берите в голову. Просто скажу, что вы были бы идеальны в роли руководителя. Во всяком случае, я предпочёл бы видеть своим командиром вас, а не того олуха, который отдавал нам приказы последние два месяца перед Чёрным днём. Один раз из-за его тупости мы едва не погибли. Вся наша «Белоснежка», числом двенадцать человек.

— Почему «Белоснежка»? — удивилась Хелена.

— Потому что в отряде не было ни одного чернокожего, — ухмыльнулся Джеймс. — Помните тот скандал с «Оскаром» в прошлом году, когда все статуэтки забрали себе белые? Но это киношникам можно возмущаться, у них работа такая. А армейцы нынче народ практичный, им толерантность параллельна. В армии всем наплевать, сколько у тебя кремния с пластиком в теле и какой цвет кожи. Важно то, как ты держишь винтовку и орёшь «да, сэр!». И если лучше всех это умеет делать десяток белых, то этот десяток и пойдёт в отряд, а чёрные останутся не у дел. Даже модификантов, думаю, там бы приняли спокойно.

Ординатор покачала головой.

— Наверное, так и есть в отношении Фионы и других, кто получил частичные изменения и по виду ничем не отличается от обычного человека. Если не знать, то и не заподозришь. Но я не являюсь обычным модификантом, и это легко заметить.

Тут она была права и не права одновременно. Для человека искушённого, знакомого с ординаторами, поведение действительно выдавало Хелену гораздо сильнее, чем даже торчащие из шеи провода. Слова, мимика, какие-то остальные, совсем неуловимые детали, о которых даже не думаешь сознательно. Но вот для того, кто их никогда не видел, трудно было бы отличить ординатора от обычного флегматика. Джеймсу достаточно было вспомнить своё знакомство с ней, чтобы убедиться в этом.

Немного странные люди, но, если разобраться, почти такие же, как и он сам.

Только все ли это поймут? Уже была волна нового расизма — травили тех, кто ставил себе кибернетические импланты. Пусть даже они меняли себя сознательно, а модификантов никто не спрашивал, какая разницы? Белого гетеросексуального мужчину тоже никто не спрашивал, кем он хочет родиться.

— Меня всегда интересовало, как же вы думаете, — наконец сказал капитан.

Хелена громко фыркнула.

— А как думаете вы, Джеймс? Так же и я. Мне перестроили движение нейротрансмиттеров, изменили структуры некоторых зон мозга, но я всё равно осталась человеком, с человеческим мышлением. Вы же не назовёте аутиста инопланетным монстром только потому, что он ведёт себя странно? Мой мозг отличается от вашего не больше.

— Простите, — сказал Джеймс. — Наверное, это было лишнее любопытство.

— Иногда неприятно ощущать себя инструментом, которому для удобства приладили человеческое тело, — вздохнула Хелена.

— Тогда мы с вами в равных положениях. Я играю роль инструмента с детства...

Она непонимающе взглянула на него, и тут на поясе Джеймса ожил телефон, наигрывая мелодию из древнего диснеевского мультика. Капитан поморщился, как будто ему только что сообщили о сорвавшемся отпуске. Детская мелодия означала, что звонит начальство.

— Снова прошу прощения, — он достал телефон и взглянул на экран. Ну, так и есть. — Слушаю.

— Капитан Гленн, — раздался в динамике холодный голос генерала Вальтера. — В штаб, без промедления.

Джеймс поймал вопросительный взгляд девушки и слегка улыбнулся. Если уж ему позвонил сам генерал, игнорировать его точно не стоит. Особенно слова «без промедления».

— Вот теперь я пойду выполнять то, для чего предназначен, — сказал он, поднимаясь со стула. — Было приятно побеседовать, Хелена. Надеюсь на будущие встречи.

— Я тоже, — тихо ответила она.

Мировой океан, 14 июня. Снежана Савицкая

Она села в знакомое кресло, пристегнула ремни. Как обычно, проверила систему аварийной сигнализации и светотехническое оборудование, затем настал черед радиостанций. В центре управления полётами будто только этого и ждали — едва Снежана включила коротковолновую рацию, как в наушниках раздался сухой мужской голос:

— Лейтенант Савицкая, говорит Центр. Маршрут уже загружен в ваш борткомпьютер. Взлетайте.

— Какого чёрта происходит? — спросила Снежана, выводя двигатели на режим холостого хода. — Мой вылет только через два с половиной часа.

— Экстренная ситуация, лейтенант. Ваш вылет отменяется.

— Какая ещё ситуация?

— Перехват воздушной цели, — после короткой паузы ответил голос.

— Э-э... — рука Снежаны коснулась рычага тормоза несущих винтов и замерла. — Что?!

— Не задавайте дурацких вопросов, лейтенант, — раздражённо сказал собеседник. — Если бы у меня была возможность, я полетел бы сам, а не задействовал бывшего гражданского пилота, да ещё и девчонку, у которой в лексиконе отсутствует слово «сэр». Но ваша машина и вы лично — единственные, кто ещё успевает выполнить задачу.

Снежана посмотрела на экран борткомпьютера, где уже светилась схематическая карта ближайших районов Фрейи. Тонкая красная нить протянулась к океану, где виднелась точка плавучего острова.

— Что от меня требуется? — спросила она. — Сэр.

Пауза.

— Группа политиков вылетела на один из островов с целью вступить в контакт с аквантами, — наконец ответил голос. — Ординаторы оценивают их шансы как очень низкие. Вместе с тем мы не можем позволить врагу захватить живых людей. Они слишком много знают и поэтому несут угрозу нашей безопасности. Вы должны принудить их к возвращению или уничтожить в случае неподчинения.

— Плавучий остров? Одну из баз аквантов?

— Да. Сейчас вам передадут уточнённые координаты цели с радаров.

Ещё один взгляд на карту, и через секунду стало ясно, почему именно Снежану выбрали для этой миссии. Алая точка-цель была уже на подлёте к острову, и догнать её из Мидгарда или ближайших станций мог только реактивный самолёт. Но их на Фрейе ещё не строили. Зато цель можно было перехватить из станции к северу от острова — той самой, откуда сейчас стартовала Снежана.

Вертолёт плавно оторвался от земли, и Снежана аккуратно развернула его против ветра. Она бы дорого дала, чтобы оказаться сейчас в кабине привычного дикоптера, а не этого монстра с соосными винтами. Но выбирать не приходилось.

— Взлетаю, — сказала она, начиная набирать высоту.

— Ложитесь на курс.

Снежана оттянула ручку управления. Если верить борткомпьютеру, у неё будет всего несколько минут после визуального контакта. Значит, стоит поторопиться.

А ведь сейчас ей дали приказ на убийство. Она отправит с небес на землю нескольких

человек, которых надо убить, потому что иначе нельзя. Только стоит ли думать об этом?

Да. Только она подумает позже. На земле.

— Курс установлен, — сказала она, взглянув на командный индикатор. — Двигаюсь к первой оперативной точке.

— Продолжайте выполнение задания.

Голос замолк, оставив Снежану наедине с собой — и небом.

Она не потрудилась узнать, кто с ней говорит. Судя по интонациям — какая-то важная шишка, никак не ниже генерала. В присутствии таких личностей Снежана слегка робела, особенно если генерал был не «липовый», то есть с пивным пузом и совершенно невоенного вида, а настоящий — подтянутый, строгий и серьёзный. Этот, наверное, именно такой и есть. «Липовым» прежней работы на Фрейе не нашлось бы, да их даже и не брали сюда.

Мысли роились в голове, и ни одна не касалась предстоящего дела. Снежана мечтала о телячьих отбивных под острым соусом, которые всегда обожала, о глотке хорошего бурбона, которое любила не меньше. Краем глаза она по-прежнему наблюдала за показаниями авиагоризонта, борткомпьютера с медленно сокращающейся нитью текущего курса, вариометра и прочих приборов. Но всё это горело где-то на самой границе сознания и выполнялось автоматически.

— Центр на связи. Лейтенант, какое у вас сейчас вооружение? — спросил «генерал».

— Двадцать-миллиметров-пушка и неуправляемые ракеты AR-80, восьмидесятка, сэр, — отрапортовала Снежана, выныривая из грёз.

— Снаряжено и исправно? — уточнил собеседник.

— Так точно.

— Вы когда-нибудь проходили боевые учения?

— Только на тренажёре, два раза — голос Снежаны дрогнул.

— Вид с нашлемной камеры вы мне передать не сможете, — помолчав, сказал «генерал». — Ладно. Придётся держать голосовую связь и надеяться на компьютер вашей машины. Будьте готовы.

Он вновь отключился.

Неуправляемые ракеты. Хорошо хоть, что хотя бы их установили — после памятной миссии по изучению плавучего острова все винтокрылые машины теперь вооружали на случай встречи с врагом. Управляемое же оружие имело очень ограниченный ресурс полётов — что-то около тридцати, и ставили их только при боевых вылетах. И уж точно не на лёгкий разведчик, в кабине которого сидела Снежана.

А ракеты «воздух-воздух», насколько она знала, сейчас даже и не производились. Не было у аквантов авиации, которую можно было бы сбить.

Она снова переключила циклический шаг перекоса лопастей, внутренне всей душой желая вернуться на старый добрый дикоптер с его симметричной аэродинамикой, и тут снова заговорил «генерал».

— Савицкая, Центр на связи. Объект должен появиться в поле вашей видимости.

— Начинаю поиск, — сказала Снежана.

Надолго он не затянулся. Уже через минуту прицельный экран радостно мигнул, захватывая летящую впереди чёрную точку. Снежана включила увеличение — так и есть, одинокий дикоптер-транспортник. Довольно медленная машина, она раньше часто на таких летала.

— Лейтенант, каково расстояние до цели? — ожила рация.

— Три тысячи двести метров, — девушка взглянула на дальномер.

— Сократите до двух тысяч и выпустите сигнальную ракету так, чтобы пилот цели увидел её.

— Легко сказать, — вполголоса пробурчала Снежана. Она двигалась параллельным курсом с целью, медленно нагоняя её. В конце концов пришлось подняться чуть выше и накренить вертолёт, выпуская цель из захвата. Затем Снежана нажала кнопку, и вперёд устремился красный дымный след, промелькнув у самой кабины чужой машины. Та качнулась в сторону и пошла на снижение.

— Центр, Савицкая на связи. Цель маневрирует.

— Ждите, — сказал «генерал». — Мы пытаемся их уговорить.

Значит, сигнальная ракета была только демонстрацией. Поверят ли эти бараны-депутаты, или кто там на транспортнике летит? Ну, положим, они могут и не поверить, но у пилота же башка вроде на месте должна быть. А в небе они ему не указ.

Они медленно приближались к острову.

— Савицкая, Центр даёт «добро» на атаку.

Вот и всё.

Снежана провела пальцами по гашетке. Сквозь плотную перчатку ребристая поверхность рычажка обычно не ощущалась вовсе, но сейчас чувства словно обострились. Осталась только пилот и цель, по-прежнему висящая в прицеле телевизионного индикатора.

Чужой дикоптер слегка наклонился, облетая остров кругом.

— Наведение завершено, — проговорил мягкий женский голос компьютера. Снежана кивнула неизвестно кому и с силой нажала гашетку.

Под крыльями ахнуло. На лобовом стекле распушились два огненных хвоста. Забыв обо всем, Снежана молча смотрела, как один из снарядов пролетел в нескольких метрах от цели и ухнул в воду. Зато второй врезался точно в правый несущий винт.

— Есть попадание, — бесцветным голосом сообщила она.

Что-то похожее было на тренажёрах, где она проходила базовую военную подготовку. Только там к зоне высадки летел вражеский аппарат, несущий в брюхе десантников, и ты знаешь, что если не выстрелишь, погибнут люди — пусть и виртуальные. А здесь... наверное, в чём-то похоже.

Оставляя широкий дымный след, подбитый дикоптер устремился к земле. У самой поверхности пилоту всё же удалось с помощью уцелевшего винта выровнять машину, и та по касательной пропорола джунгли. Из разбитого взрывом крыла показались языки пламени.

— Цель поражена.

— Состояние?

— Корпус цел, произошла жёсткая посадка. Признаков жизни не наблюдаю.

— Уничтожить, — бесстрастно велел «генерал».

— Есть.

Снежана повела вертолёт «воронкой» вокруг упавшей машины, не выпуская её из виду. Вот открылся задний люк — значит, кто-то всё же остался жив. Но её цель — не сбить вертушку, её цель — убийство.

Она перевела регулятор залпов в положение «4» и, улучив момент, вновь нажала гашетку. Снаружи загрохотало. А через несколько секунд на месте падения развернулся ад — восемь ракет одна за другой врезались в искорёженный корпус дикоптера, и вскоре облако дыма скрыло горящие обломки.

— Выполнено, — сказала Снежана.

— Вы можете передать фотографию?

Девушка вяло ткнула пальцем в кнопку передачи визуальной информации. Щелчок, замигала лампочка на приборной панели. Что они хотя там увидеть? Шлейф дыма? Горящие обломки?

Кто вообще мог выжить в этой консервной банке после удара восьми ракет?

— Фотография принята. Возвращайтесь на базу, лейтенант, — её заставил очнуться голос Центра. — Отдохните и вылетайте в Мидгارد. Вас встретят на аэродроме.

— Есть, — всё таким же серым голосом ответила Снежана, переключая борткомпьютер на вывод траектории обратного пути.

Эмоции куда-то исчезли, но она знала, что они вернуться. И лучше ей тогда будет оказаться на земле.

Это были мрачные дни. Время, когда царили сумерки, а солнце едва пробивало тёмную пелену облаков. Жизнь медленно уходила из людского поселения возле разрушенной Дубны, и ничто не могло её удержать.

Виктории Орловой сильно повезло — правда, поняла это она далеко не сразу. Они с приёмным отцом, Леонидом Владиславовичем, приехали в город ядерных физиков из Мурманска не по работе, а отдохнуть. Хорошенько выпить с папиным другом, у которого наконец свелись концы с концами в какой-то сверхсложной теории о свойствах антиматерии. То есть это отец собирался выпить с другом, Вику же он взял с собой просто так, чтобы та «забыла ненадолго про свои дурацкие закорючки». Это было одним из самых удачных решений в жизни немолодого уже инженера инкубаторных систем.

На Московскую агломерацию упало семь или восемь боеголовок, досталось и Дубне. Всю ночь в городе сияло зарево пожаров, были сирены. Наутро Вика с отцом покинули квартиру: оставаться на месте удара было нельзя. Вскоре их подобрала спасательная команда, а ещё через несколько часов они уже въезжали в лагерь для беженцев.

Следующие две недели растянулись на целую вечность. Не имевшую медицинского опыта Вику приставили к пожилому врачу, который объяснял, что ей делать, и девушка послушно обрабатывала жуткие раны, колола обезболивающие, успокаивала обезумевших людей. Обгорелые, кричащие пациенты умирали один за другим, но Вика очень быстро зачерствела душой. Первый, второй, третий ещё вызывали эмоции, а потом она поняла, что на всех её просто не хватит — и закрылась намертво.

А вскоре прилетел дикоптер.

На нём привезли лекарства и медицинское оборудование, но истинная цель была совсем другой. Вика заподозрила это сразу же, как только узнала, что прилетела машина аж с космодрома ESA. И когда вежливый, опрятный немец сделал её отцу предложение, от которого тот не мог отказаться, Вика тоже долго не колебалась. Впрочем, её и не спрашивали.

— Моя дочь летит со мной, — твёрдо заявил Леонид Владиславович.

— Мы понимаем, разумеется, — слегка улыбаясь, ответил немец. — Для неё найдётся место.

С каким-то неприятным удивлением Вика поняла, что всё благородство из неё бесследно улетучилось за эти мрачные дни. Ещё месяц назад, спроси её какой-нибудь психолог о решении в такой ситуации, девушка ответила бы, что останется с беженцами до конца. Если уж умирать, то всем вместе. Но теперь она понимала, что в реальности мораль забывается, едва только дело доходит до жизни. Если бы возможность спасти всех действительно была, она бы, наверное, что-то потребовала бы. Но места ограничены. Как ни крути, а кто-то всё равно должен умереть.

Так почему это должна быть она?

Потом Вика корила себя за эту минутную слабость. Уже на Фрейе, подыскивая себе новую работу, она стыдилась, что в тот день так легко бросила столько людей, а не разделила их судьбу. Но тогда, десятого сентября две тысячи восемьдесят третьего года, на шестнадцатые сутки после Чёрного дня, она сидела в транспортном дикоптере и смотрела на разрушенный город, радуясь, что улетает отсюда.

Люди чётко показали, что мирных переговоров не будет.

Конечно, вряд ли акванты знали, зачем к ним летел одинокий дикоптер. Их аналитики могли бы придумать множество гипотез, но без понимания человеческой психологии все они бесполезны. Люди показали это в первую очередь самим себе.

Слишком уж высоки ставки.

Возможно, будь у людей возможность, они бы выбрали другую планету. В Совете всё же сидели не дураки и понимали, что воевать с целой цивилизацией будет сложно. Но если акванты не уничтожили пришельцев сразу, позволив им прожить на суше столько дней — значит, они просто не могли это сделать. Значит, шансы есть. А отступать и без того было некуда.

Разумеется, люди не собирались сдаваться, и в Мидгарде кипела работа. Оружейники отгружали всё новые партии, гражданских обучали стрельбе и тактике. Инженеры собирали ракеты и военную технику, используя вывезенные с Земли чертежи.

Оставалось лишь готовиться и ждать, пока инопланетяне проявят себя по-настоящему.

И не порвать за это время друг другу глотки.

Мидгард, 15 июня. Фиона Кристофоретти

Она никогда не замечала в себе талант лектора. Нет, конечно, сделать доклад, предоставить отчёт — это неотъемлемая часть работы. Но вот заинтересовать слушателя, заинтересовать по-настоящему Фиона не умела.

И настигший её прямо на вертолётной площадке звонок отнюдь не вызвал радости. Звонила Галина, директор одной из школ Мидгарда, и с каждым её словом Фиона мрачнела всё сильнее. Лектор у них задержался в экспедиции, и им срочно нужен человек, который мог бы рассказать детям об аквантах и их жизни. Нет, нужен такой, чтобы самолично их видел и знал, о чём говорит. Вас господин Келлер порекомендовал...

На этих словах Фиона плюнула и поинтересовалась, когда же ей приходиться в школу. Оказалось, прямо сейчас. Времени не осталось даже на то, чтобы переодеться.

— Акванты живут на плавучих островах, — Фиона ткнула стилосом в планшет, и на большом экране появились кадры подводной съёмки. Видео было нечётким и смазанным, но в то же время оставалось единственным доступным, так что приходилось показывать, что есть. — Это своеобразный город. Улей. Небольшая часть его возвышается над водой, а всё остальное испещрено пещерами, в которых живут рыболоды.

Девочки слушали без особой охоты. Мальчикам было веселее: они с нескрываемым интересом пялились на затянутую в рабочий комбез грудь Фионы. Будь это в другой обстановке, она бы даже не задумалась над этим, но не на лекции же! Создатели комбеза, наверное, и подумать не могли, что через десяток лет человечество наконец пресытится обнажёшкой, и эротичными станут не глубокие декольте, а облегающие костюмы, подчёркивающие изгибы тела. И плевать, что их изобретение выглядит подобным образом только для удобства работы систем климат-контроля. Общество решило иначе. Прийти сегодня на лекцию в сугубо рабочем комбезе — всё равно, что век назад точно так же прийти на неё в мини-юбке и блузке с открытым животом.

Ничто так не унижает достижения науки и техники, как мода.

— По всей видимости, у аквантов отсутствует техника в нашем понимании, — продолжала Фиона. — Их цивилизация построена на использовании живых существ. Даже острова они выращивают с помощью грибков и полипов. По сути, это огромные коралловые рифы, состоящие из карбоната кальция и примесей других минералов. Для сохранения плавучести в них сделаны пустоты, заполненные воздухом.

Вот сидит впереди девочка — ей явно интересно. Во втором ряду — мальчик, этот с большим усилием пытается сосредоточить взгляд на лице Фионы, глаза то и дело съезжают вниз, но его можно понять: парню четырнадцать лет. А больше, наверное, никого. Все остальные плевать хотели на аквантов. Всю полезную информацию они уже почерпнули с новостных сайтов, а тонкости устройства инопланетной расы им не нужны. Как любил выражаться Джеймс, «просто скажите нам, куда стрелять». Он-то, конечно, говорил это в шутку, но сейчас шутка обрела пугающую реальность.

Они все думают о том, что это последний урок на сегодня, и что не появившись Фиона, они бы уже сидели дома. Из этих школьников не вырастут люди, двигающие человечество вперёд. Просто потому, что для них это скучно.

И пойдут крахом все надежды на идеальное общество. Оно просуществует ещё поколение, не больше, а потом подрастут вот эти дети, и всё вернётся на круги своя. Нельзя

заставить человека заниматься наукой, если он этого не хочет. Для этого нужен энтузиазм.

— Есть вопросы? — Фиона оглядела класс.

Вопросов ни у кого не нашлось. Правда, девочка с первого ряда явно думала иначе, но, как обычно, сработал эффект массового присутствия, и спросить она не решилась.

Зазвенел звонок.

— Вон та русая девочка и паренёк со второго ряда, — негромко сказала Фиона, наблюдая за выходящими подростками.

— С ними работают уже давно, — отозвалась Галина, которая во время лекции сидела за учительским столом и украдкой изучала класс, делая вид, будто занята журналом. — Знаете, а ведь это отличная идея...

— Идея?

— Ставить докладчиком человека в рабочем комбезе. Приличия вроде как соблюдены, потому что одежда профессиональная, но очень легко выделить тех, кому лекция не менее интересна, чем формы лектора.

— Да уж, прямо открытие в педагогике, — проворчала Фиона.

Ей совсем не нравилось отношение этих детей к учёбе. Но в то же время они понимала, что человека не изменить. Из двадцати учеников три-четыре пойдут что-то создавать, исследовать, изучать, а остальные так и будут жить, ни о чём не задумываясь. Разве что генетика поможет. Ребёнок — как пластилин, ну так если в школе ему пытаются привить любовь к обучению, почему бы это не сделать ещё в инкубаторе?

Наверное, потому что тогда все окажутся слишком похожими друг на друга.

Каким же скучным тогда будет мир.

— Что ж, спасибо за лекцию, — услышала Фиона голос Галины. — И не огорчайтесь так. Да-да, я вижу, вы огорчились. Не стоит. Вам удалось заинтересовать хоть кого-то, не имея толком никакого опыта — это уже хороший результат.

— Да? — Фиона кисло посмотрела на неё. — Я всё ещё думаю, что виной тому мой слишком вызывающий комбез.

— Сомневаюсь. У них не было желания чему-то учиться. Этого не выбить одной лекцией.

— Госпожа директор! — в аудиторию ворвалась молоденькая белобрысая девушка. — Вы новости смотрите?

— Нет. Что случилось?

— Включите!

Галина молча пробежалась пальцами по экрану планшета, заходя на сайт официального канала новостей Фрейи. Фиона слегка подобралась. В голове пробежала целая вереница мыслей — нападение на какую-нибудь станцию, армия аквантов...

Но всё оказалось совсем иначе.

— ...был сбит над островом D-426, — говорил диктор. — На борту находились девять человек.

На экране появились фотографии.

— Никифор... — ахнула Галина.

— Это её друг, — прошептала девушка на ухо Фионе. Итальянка понативно кивнула.

— По всей видимости, пассажиры пытались вступить в контакт с аквантами, — продолжал диктор. — По словам ординаторов, шансов у них не было никаких. У нас на связи генерал Вальтер, руководивший операцией. Господин Вальтер?..

— Люди, летевшие на остров, в любом случае потерпели бы неудачу, — бесстрастно отозвался возникший в окошке справа седовласый мужчина с характерно германскими чертами лица. Пожалуй, он вполне мог бы играть какого-нибудь офицера вермахта в фильме о Второй Мировой. — Пускай так, но тогда они попали бы в плен к аквантам. И, конечно, рано или поздно те заставили бы их заговорить. Но что случилось бы тогда? Акванты узнали бы массу сведений о нас. И вот тогда наши шансы на победу окончательно...

— Дурак... Ну дурак... — прошептала Галина. — Говорила я ему, не доведёт тебя до добра эта политика...

— И они вполне могли бы добраться до цели, — всё так же спокойно продолжал тем временем генерал. — Кураторы миссии словно нарочно перенесли время старта, чтобы мы не помешали взлёту. Когда нам сообщили о полёте, дикоптер уже был на подходах к острову. Мы выслали вслед командос, но они не успевали. Мы пытались отговорить безумцев, но все попытки оказались напрасны. К счастью, не так далеко располагалась одна из наших станций с исправным вертолётom, готовым к взлёту. Нам удалось связаться с находившейся там лейтенантом Савицкой, и девушка, пилот транспортника, не обладавшая никаким боевым опытом, проявила чудеса мастерства. Разумеется, лейтенант будет приставлена к награде...

Галина выключила новости.

— Дурак, — мертвенным голосом сказала она. — Спасибо, Дженни. Доктор Кристофоретти...

— Я понимаю, — быстро сказала Фиона. — Соболезную и, м-м, мне надо идти. Если понадобится, звоните...

Галина кивнула. Итальянка торопливо схватила сумку и направилась к двери.

Она так и не поняла, было ли это горе или просто лёгкий шок. Лично Фиона считала, что погибшие вполне заслуживали своей участи, и её известие не затронуло никак.

У неё были веские причины так считать — куда более веские, чем те, что озвучил генерал.

Мидгард, 15 июня. Джеймс Гленн

Во время службы в армии США тогда ещё мастер-сержанту Гленну часто приходилось пить с подчинёнными. Он, конечно, был и оставался командиром своего звена, но когда празднуется очередное спасение из джунглей, за столом все равны. Это раньше субординация значила очень много, а теперь границы стираются. В боевой обстановке все эти люди безоговорочно подчинятся его приказу, но сейчас они отдыхают, и он вместе с ними.

Случалось ему и вытаскивать бойцов из психологической ямы, куда они падали после какого-нибудь особо мерзкого эпизода. Далеко не всегда солдат оказывался прав, но с задачей вправить ему мозги Джеймс, как правило, справлялся.

Сейчас ситуация была знакомой и всё же не совсем. Лейтенант Савицкая не была его подчинённым, а Джеймс не знал специфику её работы. С его точки зрения, в уничтожении вертушки не было ничего особенного. Это совсем не то же самое, что резать глотки африканским боевикам, да ещё и глядя им в глаза. Тут даже чужих смертей не видно.

Вдобавок Джеймсу не давал покоя разговор в дикоптере, а точнее, одна-единственная фраза: «Давай не будем о генетике». После разговора с Хеленой Моргенсен он стал иначе смотреть на мир, а потому не поленился найти личное дело Снежаны и внимательно прочитать его. Разумеется, там не оказалось ни слова о том, что лейтенант была объектом «Ординатора», зато стояла дата рождения по земному календарю: 12 апреля 2061. И сомнений не осталось.

Так или иначе, теперь он стоял перед дверью дома Савицкой с бутылкой в сумке и ждал.

— Сэр? — растерянно спросила Снежана, открыв дверь.

— Я почти что с рабочим визитом, — улыбнулся Джеймс. — Вы сейчас не заняты, лейтенант?

Девушка молча посторонилась, пропуская его в дом.

— Вы пришли сказать мне, что я всё сделала правильно, — вяло проговорила она, садясь на небольшой диванчик, явно служивший также и кроватью. Весь дом Снежаны состоял из небольшой комнатки с минимумом мебели и санузла, но выглядело это до того уютно, что Джеймс даже слегка позавидовал его обладательнице. Сам он создавать такие берлоги не умел.

— Так и есть, но не совсем, — капитан достал бутылку и водрузил её на стол. — Я расскажу, *почему* ты всё сделала правильно.

— Вы думаете, это поможет? — Снежана критично оглядела подарок.

Выглядела пилот не лучшим образом. Растрёпанные волосы, мятая футболка и пижамные штаны — она явно не ждала гостей. Со стороны она могла показаться усталой, но капитан знал, что это лишь обманчивая видимость.

— Разумеется, — он откупорил бутылку и осторожно понюхал напиток. Пахло вроде бы приятно. — Всегда помогает. Это первые на твоём кладбище?

— Да, — тихо ответила Снежана.

— Видишь ли, когда человек впервые убивает другого человека, это довольно сильный шок, особенно если до того он жил в обществе, где намеренное и хладнокровное убийство — штука редкая, — Джеймс принялся разливать фруктовое бренди по стаканам. — У тебя же

случай особо сложный: ты сбила вертушку с гражданскими, которые тебе лично не угрожали и даже не были вооружены.

Она кивнула. Джеймс поднял стакан и, осторожно стукнув им по стакану Снежаны, пригубил бренди.

Состряпанное всё тем же французским виноделом питьё отдавало перебродившими яблоками, но оказалось куда лучше, чем ожидал капитан. Никакого гадского привкуса, какой бывает у дрянного виски. Хотя, конечно, до земных напитков ему было далеко.

— Я до сих пор не знаю, зачем это сделала, — пробурчала Снежана. — Просто кучка идиотов, летящих на смерть. Информация? Фи! Да эти болваны всё равно ни хрена не знали! И за это дерьмо меня награждают!

Она сгребла с тумбочки что-то мелкое и бросила его на стол. Джеймс знал, что это такое, даже не глядя. Он присутствовал на церемонии, как и весь скудный офицерский состав Вооружённых Сил Фрейи. Генерал Вальтер прикрепил этот орден к груди Снежаны, а та стояла молча, и по лицу несложно было догадаться, о чём она думает.

Четырёхконечная звезда с буквой Fв центре. Свежесозданный знак героя Фрейи. Жаль, что первое его вручение случилась из-за не очень-то геройского поступка. И кто знает, как этот поступок ещё аукнется обладательнице...

Разумеется, вслух капитан этого не сказал. Тем более что Снежана прекрасно понимала это сама.

— Надо думать, отправить на землю безоружный транспортник с какими-то кретинами — невероятно достойная вещь, раз мне за него эту дрянь всучили, — продолжала она. — На кой чёрт надо было их сбивать? Акванты сами бы сделали всю грязную работу! Но вы...

Джеймс поднял руки, и она замолчала.

— Есть большая разница между тобой и аквантами, — проговорил капитан и подумал, что совсем не зря озаботился расспросить Фиону о настоящих причинах уничтожения дикоптера с политиками. Сейчас нужны были именно детали. — И проблема была вовсе не в информации, а в самих политиках.

— Не понимаю, — Снежана осушила стакан.

— Какими бы тупыми они ни были, — терпеливо пояснил Джеймс, один в один повторяя слова подруги, — но они — люди. Их тела принадлежат к тому же виду, что и мы с тобой. До сих пор у аквантов теоретически могли побывать лишь три живых человека — тот учёный, который пропал без вести на острове и пассажиры катера, найденного в приливной зоне. При этом акванты — раса, чья цивилизация основана на использовании биоинженерии. Даже если бы они совсем ничего не добились от наших политиков, у них остались бы живые образцы людей — для опытов.

— Бактериологическое оружие, — глухо сказала девушка. Капитан кивнул и налил ей снова. — Я тогда ещё удивлялась, почему они до сих пор его не сделали.

— Верно. Понимаешь, для того, чтобы сделать такое оружие, нужны испытываемые. Это на Земле можно любую смертельную болезнь вырастить и потом сбросить на чужие города — природа всё сделала за нас. Но наш метаболизм сильно отличается от метаболизма... тьфу, ну и слово... аквантов. Они должны сперва испытать оружие, и только потом его применять.

— И для этого им нужны люди...

— Да. Конечно, восемь болванов — это капля в море, их нужны десятки. Но первые шаги акванты бы сделать смогли. Засунули бы наших политиков в воздушные полости в

своих островах, да мало ли что можно придумать, и стали бы изучать их биологию. А чем больше они о нас узнают, тем нам хуже. Вот почему важно было, чтобы ты уничтожила вертушку. Нам плевать на дураков, которые не верят аналитикам. Нам не плевать на самих себя.

— Мне стало легче, — помолчав, сказала Снежана. — Спасибо... сэр.

— А всему мы обязаны вот этому божественному напитку, я ведь хорошо знал, *что* тебе сейчас нужно больше всего, — широко улыбнулся Джеймс, указывая на бутылку. Та уже опустела на треть, но собеседница капитана пока отнюдь не казалась пьяной. Вот и не верь после этого стереотипам о русских. Хотя, кажется, она из Украины...

— Напоминает скисший яблочный компот, в который долили спирту.

— Ты что! — картинно возмутился капитан. — Это же производство самого месье Левассёра!

— Не знаю такого. Но, когда выбора нет...

— По правде говоря, этот месье — волшебник, — подумав, сказал Джеймс. — Состряпать хотя бы подобное за какие-то несколько месяцев — это надо быть настоящим мастером. Символично, что первое натуральное производство на Фрейе — это алкоголь, не находишь?

— А человек — такой зверь, ему лишь бы напиться да потрахаться, — усмехнулась Снежана. — Вы не читали разные книжки о зомби-апокалипсисах и подобном? Ходовым товаром всегда становятся золото, патроны и водка.

— Да, три самых необходимых вещи, — согласился Джеймс. — Слушай, лейтенант... Снежка... я, наверное, перечеркну этим сейчас всё, чего только что добился, но я должен задать этот вопрос. Тогда, в дикоптере, ты сказала, что не хочешь говорить о генетике. Почему?

Она искоса глянула на него, и капитан вздрогнул. Такой взгляд он видел у солдат, шагнувших за черту — куда-то туда, где заканчивается человек и начинается автомат без эмоций, чувств и души.

— Я модификант. А в старших классах общеобразовательных школ не очень-то любят таких, как я.

— Двенадцатое апреля...

— Вы догадались по дате?

— Да. Последнее время все девушки, с которыми я общаюсь, оказываются модификантами. Моя подруга... она тоже. Она и рассказа, что вы все родились в апреле шестьдесят первого.

— Ненавижу генетиков, — Снежана посмотрела на бутылку. — То есть я понимаю, что их работа важна и так далее, но это они отправили меня в обычную школу, чтобы надо мной там издевались. А может, просто у меня тогда мозгов не хватило рассказать придуркам-одноклассникам какую-нибудь правдоподобную сказку. Один сверхразум знает.

— Это всё в прошлом, — мягко сказал капитан. — Кроме того, ты сейчас тоже говоришь с модификантом.

Снежана подняла глаза.

— Все люди сейчас — модификанты, — сухо продолжил Джеймс. — Им вычистили геном, исправили множество ошибок прошлого. А специально для некоторых, вроде меня, устроили дополнительные эксперименты. Ты вряд ли что-то о них слышала, это до самого Чёрного дня оставалось секретной разработкой. Нас никто не спрашивал, согласие давали

родители. Да и не могут эмбрионы говорить. Вот меня и сделали. Регенерация, усиление прочности костей, мышц, аккомодация к темноте, стабилизация кардиосистемы и гормональный контроль. Если уж быть точным, то я изменён куда сильнее, чем ты.

— Вам не правили мозги, как мне, — не сдалась Снежана.

— Хорошо. Если хочешь, я могу познакомить тебя с одним человеком. У неё гораздо больше причин не любить генетиков, чем у тебя. Наверное, вам будет о чём поговорить.

— Кем же?

— Ординатором. Доктор Хелена Моргенсен.

— Вы опоздали. Я с ней знакома ещё с Чёрного дня.

— Вот как? — он поднял брови. — Ну, тогда просто поговори с ней по душам. Вам будет проще понять друг друга.

— Согласна. Сэр, можно я буду звать вас «янки»?

— Как угодно, — ухмыльнулся Джеймс, вновь наполняя стаканы.

— Ты превосходно умеешь утешать, не забираясь при этом под юбку, — фыркнула Снежана.

— В армии без этого никак, не то пришлось бы менять ориентацию, — он снова разлил бренди. — Привыкай, Снежка. Человечество и война — вещи неразделимые.

— Пацифисты с тобой не согласились бы.

— Пускай. Их воля. Только где бы мы были, явись мы на Фрейю без оружия и людей, умеющих из него стрелять? Цивилизация, не умеющая воевать, погибает. Акванты — не умеют, иначе они давно бы стёрли нас с лица своей планеты, что бы там ни говорили советники и журналисты. Ты знакома со скандинавской мифологией? Сейчас начинается Рангарёк. Гибель богов, только не для нас, а для них. *Наши* Рагнарёк остался на Земле.

— Это верно, — Снежана слегка погрузтелла. Как и у всех, у неё тоже были знакомые и близкие, оставшиеся на Земле. На Фрейе они забылись — слишком уж много было работы, чтобы думать о прошлом. А теперь вот вспомнились тусклой, далёкой картиной.

До их братской могилы отсюда четыре с лишним световых года. Миллиарды километров. И мысли оттуда едва-едва доходят сюда, смазывая воспоминания.

— Не огорчайся, — посоветовал капитан.

— Хорошо, — Снежана попыталась выкинуть мысли о Земле из головы. — Ладно, ты прав. Война — это естественно. А убийство? Нормальна ли для человека способность убивать других людей?

— Так же нормальна, как умение дышать. Мы запихиваем это поглубже в душу, прикрываем налётом цивилизованности и воспитанием, только всё равно оно остаётся внутри. И легко может прорваться наружу.

Они вновь выпили. Снежана прикрыла глаза, чувствуя, как бренди проваливается в желудок и мягкой тёплой волной возвращается обратно.

— А что будет, когда закончатся акванты? — спросила Снежана. — Мы займёмся друг другом?

— Наверняка. Я не знаю, какой будет новая война. Холодной, информационной, да какой угодно. На Земле мы уже получили урок, который трудно забыть, но рано или поздно Фрейя всё равно расколется на полюса. Может, по национальному признаку, может, ещё по какому. Только без войны мы прожить не сможем никогда. И теперь я знаю, что это хорошо.

— Звучит дико, — Снежана покачала головой. — Сто лет назад тебя назвали бы фашистом.

— Сто лет назад среди людей была ещё слишком свежа память о Второй Мировой, а человечество не встретило аквантов. Сейчас другие времена.

— Ты романтизируешь войну.

— Ничуть. Я на ней пробыл достаточно, чтобы хорошо знать, что это такое. Война — дрянь, но необходимая и неизбежная дрянь. Раньше, когда автомобили ездили на бензине, они сильно загрязняли воздух. Теперь в быту водородные двигатели, и загрязнение сильно уменьшилось — но всё равно осталось. Так и мы можем заменить активную войну пассивной. Холодной, например. Это куда лучше, чем убивать друг друга напрямую, но выполняет свою функцию: держать нас в тонусе.

— Наверное, — она вздохнула. — Слушай, у меня уже мысли разбегаются. Давай, наверное, оставим эти разговоры и займёмся настоящим делом.

— Каким?

— Напьемся.

Мидгард, 16 июня. Хелена Моргенсен

— Ты зачастила ко мне в гости, — Рыжков улыбался. Ему явно нравились визиты дочери.

— У меня есть причины, — сказала Хелена. — Я не могу разобраться в себе.

— И давно?

— С того дня, как я слетала на плавучий остров и едва не потеряла там лучшую подругу. Прежде не задумывалась над этим.

— Стрессовая ситуация, критическое поведение, — вздохнул Рыжков. — Да-а, вот она, благополучная Европа... Ладно. Я не психолог, дорогая, но чем смогу — помогу.

— А психологи мне и не помогут, — тихо сказала Хелена. — Ну... Фиона умирала. Тетродоксин. А я ничего не ощущала. Что-то очень слабое... нет, был страх, было всё остальное, но... вот здесь, — она коснулась пальцем виска, — всё работало по-прежнему. Как часы. Только потом начался слабый разброд в мыслях. Почему? Что со мной не так?

— С тобой всё в порядке. Просто мы откорректировали влияние гормонов на твоё мышление. Внешне это, конечно, делает твоё поведение нетипичным, но объективно оно становится лишено многих недостатков.

— А может, я хочу занять эти недостатки, — пробурчала Хелена.

— Нет. Не хочешь. Ну, не отпирайся, — он ухмыльнулся. — Ты мыслишь рационально. Приобретение недостатков — негативное изменение, и для тебя поэтому неприемлемое.

Хелена молчала. Возразить ей было нечего.

— Понимаешь, тебе надо просто принять себя такой, какая ты есть, — продолжил Рыжков. — И всё. Не думать о том, чем ты отличаешься от других. Все люди и так разные. Кто-то, возможно, не сможет тебя принять — генетические расисты, например, просто идиоты вроде твоего коллеги, как его там... да чёрт с ними, они почти все на Земле остались. Улетев сюда, мы избавились от огромного груза ненужных вещей. Гомеопатии, псевдонаучных теорий вроде торсионных полей и структурированной воды, астрологии, креационизма, наконец. Общество изменилось, и тебе нечего опасаться. К тому же рано или поздно ординаторов станет много.

— Мы ущербны.

— Глупости. Ущербным можно назвать слабоумного — не неся негативного подтекста, разумеется, просто он и в самом деле лишён некоторых важных вещей. У тебя же это скомпенсировано. Ты не ущербная, ты просто другая. В чем-то ты превосходишь других людей, в чём-то — отстаёшь от них. Главное, что останется неизменным — ты будешь выделяться из общества. Вот и всё. Хочешь понять, в чём главная разница между тобой и обычным человеком?

Хелена кивнула.

— Представь себе рельсы, — начал Рыжков. — По ним несётся неуправляемая вагонетка, очень тяжёлая. Замедлить её или пустить под откос ты не можешь. И вот некий сумасшедший философ привязал на её пути к рельсам пятерых человек. Вагонетка задавит их, но ты можешь переключить рычаг и отправить её на другой путь, где к рельсам привязан только один человек. Все шестеро — совершенно заурядные личности. Как ты поступишь?

— Нажму на рычаг, — не раздумывая, ответила Хелена.

— Почему? — академик улыбнулся.

— Но это же очевидно. Если жизни этих людей приблизительно равны и никто из них не дорог персонально мне, то смерть одного — меньшее зло, чем смерть пятерых.

— А если этот один — великий учёный, а пятеро — африканские чёрные расисты?

— Тогда я позволю вагонетке проехать прямо.

— Отлично. А теперь точно такая же задача, но в других декорациях: представь себе, что ты — хирург, и у тебя есть пятеро больных, которым требуется трансплантация органов, всем разных. И ты встречаешься с туристом, совершенно здоровым молодым человеком. Ты понимаешь, что в принципе его исчезновение никто не заметит, и тебя не заподозрят. Его можно разобрать на органы и подарить жизнь пятерым. Как ты поступишь? Убьёшь его?

— Нет.

— Почему же? — снова лёгкая улыбка.

— Потому что задача не эквивалентна первой. В вопросе про вагонетку был виновник случившегося — сумасшедший философ. Неважно, кто нажал бы на рычаг, убийцей был бы он, потому что это он привязал людей к рельсам. Во второй же задаче убийцей будет хирург, то есть тот, кто переводит рычаг. Если уж остро стоит вопрос о спасении, можно взять органы у опасного преступника — его жизнь для общества не ценна.

— Превосходно. Вот ты и нашла ответ.

— Если так, то я его не поняла, — призналась ординатор.

— Это нормально. Видишь ли, ты сейчас демонстрируешь крайнюю степень утилитарного подхода к жизни. Один дешевле пятерых — и всё, для тебя решение очевидно. Большинство же людей будут колебаться, а многие вовсе не нажмут на рычаг, предпочитая оставить всё на совести сумасшедшего философа. А в задаче про донора большинство, как и ты, не станет делать ничего, и при этом не смогут объяснить свой выбор. Ты — можешь. В этом и разница. Ты знаешь, что делаешь. Всё.

— Пожалуй, так, — медленно проговорила Хелена. — Я начинаю осознавать.

— При нужде ты убьёшь человека безо всяких угрызений совести. Ты пользуешься чисто практичными критериями. Человек опасен — значит, решение санкционированы. Из тебя получился бы превосходный судья.

— Инженер, военный... — слабо улыбнулась ординатор. Её слегка трясло. Новая информация впитывалась в мозг, как и раньше, но теперь будто что-то мешало ей немедленно интерпретировать данные. Потому ли это, что информация касается самой Хелены? Она не знала.

— Тебе надо хорошенько поразмыслить над этим, — поймал её взгляд Рыжков. — Сейчас ты не можешь воспринимать всё так же чётко, как обычно. Тебе мешают эмоции. Ни один человек не может судить о себе достоверно сам, так что всё в порядке. Успокойся и, когда придёшь в себя, вспомни, о чём мы сейчас говорили.

Хелена кивнула. Пожалуй, она так и сделает.

Мидгард, 17 июня. Виктория Орлова

Они развалились в шезлонгах на лужайке перед домом Петера, отдыхая после очередного напряжённого дня. Потратив кучу времени, Виктория уже почти разочаровалась в возможности вывести пойманных аквантов на разговор. Трудно заставить говорить того, кто не хочет тебя понимать.

И всё же она не сдавалась. Хотя бы для того, чтобы забыть о недавнем.

Она ведь знала, что ничего у доктора Цанна не выйдет. Знала, что он может не вернуться. Нельзя сказать, чтобы Вика так уж любила этого человека. Она понимала, что движут им в первую очередь собственные интересы, а работа подопечных для него — дело десятое. Но всё же Герман Цанн был не самым плохим человеком. И Вику угнетала собственная совесть.

Почему она не попыталась хотя бы отговорить его? Петер — тот пытался. А она молчала, как рыба. Может, именно её слова не хватило, чтобы переубедить руководителя. Значит ли это, что она виновна в его смерти?

— Не думай об этом, — сказал ей Петер, когда девушка попыталась завести разговор об этом. — Он сам сказал, что риск — дело благородное. Ты ни в чем не виновата. Да и Бартлет найдёт способ засадить генерала за решётку, поверь мне.

И хотя разумом Вика была с ним согласна, на душе всё равно лежал тяжёлый чёрный камень.

Стоял чудесный день, который на Земле, наверное, назвали бы летним. Разве что солнце казалось слишком ярким. Вот она, мечта: мир, где царит вечное лето. Дальше на север оно переходило в вечную осень, а ещё дальше — в зиму. А южнее лежал Мёртвый пояс.

Времена года здесь были, несмотря на заявления астрофизиков. Просто они равномерно распределились по всем широтам Фрейи, от полюсов к экватору.

— Всё-таки здесь не так уж плохо, — сказал Петер. — Не так жарко, как мне показалось в первый день, и не так пыльно.

— У вас в Германии слишком тепло, чтобы тебя сильно доставала разница, — через силу усмехнулась Вика. — А я жила в Мурманске.

— Это за Полярным кругом, насколько я помню?

— Да. У тебя отличные познания в географии.

— В школе всегда были лучшие оценки по ней. Слушай, Вики... — протянул Петер. — Тебе надо развеяться и забыть о том, что случилось. И знаешь, мне понравилось с тобой работать. А, какой-то неуклюжий комплимент... Чёрт. В общем. Давай поужинаем вместе?

— А на ужин будут витамины, аминокислоты и минералы в виде разноцветного желе и зубных паст? — улыбнулась Вика. Петер смутился. — Нет, правда! Лучше уж тогда погулять по городу, в парке. Согласен?

— Да! — он даже привстал с шезлонга, и в этот момент взвыла сирена.

Вика вздрогнула. Учебных тревог на Фрейе никогда не было. Только что означала сирена? Какое бедствие надвигалось на город?

Сирена давала сигнал, но не давала информации, и привыкшая работать с полными данными девушка попросту растерялась.

Зато не растерялся Петер. Без обиняков он схватил Вику за руку и указал на дом. Та кивнула. Сейчас она была готова подчиниться кому угодно.

— Скорее, — Петер распахнул дверь. — Включи компьютер. По сети должны говорить, что это.

«Дура», — подумала Вика. Могла бы и сама догадаться обратиться к технике. Двадцать второй век на дворе, а она будто из средневековья вылезла.

Под вой далёкой сирены развернулся браузер, вспыхнул сайт официального канала новостей. Краем глаза она заметила, как Петер достаёт из маленького сейфа пистолет. Секундой позже он коснулся её плеча, вглядываясь в экран, где не было ни диктора, ни трансляции, и только текст огромными буквами расположился посреди окна:

«ВНИМАНИЕ! В городе замечены опасные существа. Пожалуйста, оставайтесь в своих домах и не выходите на улицу. Держите оружие под рукой. Оставайтесь на связи до дальнейших распоряжений».

Больше не было ничего.

Повинуясь какому-то неясному внутреннему чувству, Вика полезла на городской форум, где уже создали тему с заголовком «ТРЕВОГА!». Счётчик сообщений в ней накручивался чудовищными темпами, но её не интересовало обсуждение.

Хватило и первых пяти постов.

— Ты без оружия, — сказал Петер, словно размышляя о чём-то.

— Да, — Вика до сих пор не удосужилась научиться им владеть. В оружейном центре открыли подготовительные курсы для граждан, но она как-то пропустила это мимо себя. Да и не любила она никогда эти мужские забавы.

— Тогда не дёргаемся и ждём. Пусть военные работают.

Только это им и осталось, подумала Вика. Какой толк в происходящем будет от крошечного пистолета Петера?

Вика вдруг поняла, что не паникует. Да, новость могла ужаснуть: не каждый день на улицы выходят пернатые ящеры, чтобы убивать людей. Может, эта атака уничтожит город, может, едва пережив одну войну, человечество погибнет в другой. Никто не сомневался, что причина — акванты, да никто над этим и не думал. Хватало более важных проблем. И всё же Вика была спокойна, как никогда прежде.

Это она так изменилась после Чёрного дня — или её изменила чужая планета?

Где-то вдали раздались странные хлопки, точно кто-то очень быстро выбивал ковер. Вика вслушалась, пытаясь понять, что это, и вдруг осознала: так звучит стрельба одиночными из автомата или винтовки.

— Стреляют... — сказал Петер.

— У тебя крепкие двери? — спросила Вика.

— Надеюсь.

Сквозь занавешенные окна пробивалась Альфа, заливая гостиную мягким светом. Несколько минут Вика ждала чего угодно — чудовищ, потопа, взрыва, но ничего так и не произошло. А ещё через четверть часа они с Петером сидели на диване, мрачно глядя в потолок. Изредка с улицы доносились едва слышные выстрелы.

И всё.

— Никогда не думала, что бедствие может быть таким скучным, — пробурчала Вика.

— Ничего удивительного. Это по новостям говорят: случилось, например, наводнение, и люди три дня сидели на крыше дома, ожидая смерти. А на самом деле три дня — это долго. Со скуки помрёшь раньше, чем от голода.

— Ты форум смотрел?

— Угу. Всё творится на площади Ефремова и нескольких западных станциях наблюдения. Какие-то пернатые твари, их уже обозвали «рапторами», и ещё кто-то, даже не знаю, как описать. Дальше их пока не пустили. Есть погибшие...

— Понятно...

Они вновь замолчали, и в наступившей тишине Вика поняла, что слышит, как кто-то скребётся с той стороны двери.

Петер передёрнул затвор пистолета. Скребущие звуки прекратились, а затем раздался цокот когтей по камню — и вновь наступила тишина. А через секунду в оконном проёме Вика увидела врага.

Казалось, он сошёл прямо с экрана, на котором была загружена статья по палеонтологии. Он напоминал бы двуногую ящерицу, если бы не длинные жёлтые перья и змеиная шея, увенчанная длинной пастью. Маленькие глазки внимательно изучали всё вокруг, крылья-лапы возбуждённо подрагивали — тварь охотилась.

— Не шевелись, — одними губами сказал Петер.

Раптор повернул голову и оскалился.

Петер вскинул пистолет.

Будь это обычный зверь, он, наверное, коснулся бы стекла — невидимой, непреодолимой преграды, и затем бродил бы вокруг, плотоядно поглядывая на людей. Но вместо этого раптор бросился прямо на окно, не обращая внимания на осколки.

Вика закричала.

Удар хвост отбросил её к стене, руки обожгло болью. Петер быстро выстрелил несколько раз, но в следующую секунду двухметровая туша сбила его с ног. Пистолет отлетел к ногам девушки, а та, забыв обо всём, смотрела, как зверь кромсает Петера когтистыми крыльями, пытается вонзить зубы в горло, натывается на выставленную руку и сжимает челюсти, превращая ту в кровавое месиво. Затем в голове Вики будто что-то щёлкнуло — она подхватила пистолет и, пытаясь совладать с трясущимися руками, навела его на раптора.

Грянула очередь. От неожиданности Вика выронила оружие, глядя, как раптор дёргается от попадающих в него пуль. Ещё один выстрел — и зверь окончательно затих, уложив голову на грудь Петеру.

Вика будто очнулась. Бросилась к парню, с ужасом глядя на чудовищные раны — правая рука была откушена вовсе, левая изорвана так, что плоть буквально висела клочьями. В памяти всплыли тезисы из учебника первой помощи, и Вика сорвала с себя пояс.

А в окно впрыгнуло юркое существо. Это был робот-паук: изящный небольшой корпус на четырёх тонких ногах, выкрашенный в бурые цвета фрейской пустыни. Три пулемёта поворачивались, разыскивая цели, камеры холодно изучали пространство.

Цокая металлическими лапами, робот подошёл к ним.

— Мне нужна помощь! — выкрикнула Вика, перетягивая пояском от халата культю Петера. Говорить с боевым роботом — наверное, глупость несусветная, но сейчас она не думала ни о чём другом. — Врач!

— Соединяю с Медицинским центром, — сказал робот мягким женским голосом. — Говорит оператор, — тут же добавил он другим, мужским, и камеры уставились на раненого. — Ага... Вы умеете оказывать первую помощь?

— Да... нет... не знаю! — терялась Вика. — Нас учили...

— Успокойтесь. Возьмите себя в руки. Вы перетянули рассечение жгутом. Отлично.

Ищите аптечку, — оператор был терпелив, как тот самый робот.

— Сейчас... сейчас! — Вика беспомощно огляделась. В этом доме она была впервые.

— У дверей... — прошептал Петер. Девушка опрометью бросилась туда, тут же заметив белый шкафчик с красным крестом.

— Классификация аптечки? — донеслось ей в спину.

— Стандартная, SHK-1, — выпалила Вика.

— Превосходно. Проверьте, не угнетено ли дыхание.

— Нормально... — выдавил Петер. Девушка не хотела и думать о том, как же ему сейчас больно. — Всё нормально...

— Найдите синий шприц-тюбик и убедитесь, что на нём написано «Обезболивающее», — сказал оператор.

Вика подчинилась. Паника уходила, уступая место спокойствию. Ей не приходилось думать, она сама стала роботом, выполняющим команды извне. Это было просто и легко, она совершала знакомые действия, которые просто забылись, и которые она не могла вспомнить из-за всей той жути, что навалилась сейчас.

Шприц. Инъекция. Перевязка.

— У вас хорошо получается, — отметил оператор, когда она, наконец, закончила. — Госпитализация будет проведена минут через сорок, раньше не сможем. В случае ухудшения состояния раненого немедленно звоните в службу «Скорой».

— Хорошо... — прошептала Вика, бессильно сползая по стене. Расстрелянный раптор укоризненно смотрел на неё мёртвыми, уже затянутыми поволокой глазами.

— Конец связи, — сухо сказал оператор. Робот повернулся и, наострив пулемёты, выпрыгнул в разбитое окно.

Станция «Терешкова», 17 июня. Фиона Кристофоретти

За дверью стояла тишина, но Фиона знала: они там. Проклятые пернатые твари. Бродят вокруг этого сарая, куда её черти занесли, бродят и нюхают. И только и ждут, чтобы она, дура, вышла и попалась к ним в цепкие лапы.

— Черта с два, — сказала Фиона.

Станция называлась «Терешкова», по имени первой женщины-космонавта, и была совсем крошечной. Шесть на шесть метров белая двухэтажная коробка с антеннами на крыше — вот и всё, что колонисты построили здесь. Больше и не требовалось: персоналу здесь было три человека, которые только тем и занимались, что валяли дурака да раз в несколько дней проверяли разбросанные вокруг станции датчики. Сломался — звони в центральное управление, оттуда пришлют инженера. Цел — отлично, иди, отдыхай дальше. Досуг их ничем не отличался от досуга наблюдателей на большинстве других станций.

Фиона приехала сюда на автоматическом такси, благо что станция располагалась всего в нескольких километрах от Мидгарда. Повод — пустяки: вышел из строя акустический датчик, регистрирующий ультразвуковые шумы. Точнее, начал регистрировать нечто странное, чего не случалось прежде. Поверхностно датчик был в порядке, но никто почему-то не подумал о возможных причинах этих шумов. Вот сюда и направили всего одного человека. Да и то не профессионала, а кто нашёлся под рукой.

Даже самая совершенная система допускает ошибки. В конце концов, её так или иначе всё равно составляют люди.

Теперь все трое дежурных мертвы, и сама итальянка едва спаслась, захлопнув дверь перед носом у кладающего пастью мерзкого пернатого теропода. Антенна уничтожена, а обступающие станцию леса напрочь убивают надежду связаться с городом штатной коротковолновой рацией комбеза. Может, какой-нибудь радиофизик что и придумал бы, но Фиона прежде работала в совсем других областях науки и техники.

Она ещё раз посмотрела в окно. Труп оставшегося безымянным светловолосого парня так и лежал, почти нетронутый, у ближайшего куста. Запрыгнувшая ему на загривок тварь попросту разорвала бедняге шейные позвонки. Жуткая, но быстрая смерть.

И пернатых вроде бы не видно, только всё равно они тут. Они слишком разумны, они знают, что в пластиковой коробке засел ещё один человек. Они даже перекусили антенну, явно подозревая, что это такое — а может, им подсказали. Акустический сенсор станции работал, бесстрастно фиксируя все шумы вокруг, и как раз перед этим был всплеск в ультразвуковом диапазоне.

Тварями командовали.

— Ну и что будет дальше? — спросила Фиона, разглядывая экран сенсора. Тот молчал. — Будете ломать дверь?

Нет, вдруг поняла она. Никто её не будет отсюда доставать. Потому что никому не нужен один-единственный человек. Они пойдут дальше, в город. А здесь оставят парочку солдат. Караулить её.

Фиона сползла на пол, закрыв голову руками и упёршись взглядом в экран. В тот же миг он вновь вспыхнул чередой зубастых волн. Только на этот раз звук можно было услышать человеческим ухом: на улице стреляли.

Она бросилась к окну. Второй этаж, прочные стёкла — можно не бояться, что наглое животное прыгнет сюда. А там, внизу, стояла приземистая шестиколёсная машина с крошечными окошками, тупая морда которой напомнила Фионе кабанов — тех, земных. На Фрейе ещё не появились млекопитающие: эволюция здесь попросту ещё не дошла до этой черты. А может, они были, но давно вымерли.

С транспортёра стреляли. Раздались четыре короткие очереди, и четыре теропода один за другим безжизненными тушами упали на землю. Впрочем, даже доберись они до людей, это не дало бы им ничего: двое сидевших на транспортёре солдат были облачены в мощные экзоскелеты. Прокусить такую броню даже острым зубам вряд ли под силу.

— Фиона! — услышала она голос Джеймса и в тот же миг распахнула окно. — Тёмная энергия, ты жива!

— Ты за мной? — слегка растерянно спросила она. Капитан Гленн стоял внизу, похожий на футуристического звёздного десантника, и автомат в его руках казался игрушечным.

— Почти. Когда вспомнил, что ты здесь, отправился сюда с ребятами. Где остальные?

— Мертвы.

— Жаль, — вздохнул он. — Прыгнешь?

Фиона влезла на подоконник. Второй этаж... Ну, не так уж и высоко, мелькнуло в голове.

— Сэр, движение! — крикнул один из солдат. — Много!

— Поторопись, — сказал Джеймс, и она прыгнула вниз — прямо в его объятия, неожиданно мягкие, несмотря на броню. — Молодец. А теперь — живо в машину!

Просить дважды её не пришлось.

Один из «космодесантников» открыл им дверь. Фиона тут же устроилась на сидении, позволив себе, наконец, расслабленно выдохнуть. Пристегнула ремни, чувствуя на себе жгучие взгляды солдат. Затем хлопнула дверь, и транспортёр тронулся с места.

— Что случилось в городе? — спросила Фиона.

— Атака, — коротко ответил Джеймс. — Пернатые, мы их называли рапторами, и всякие другие. Из города их выдавили, теперь мы зачищаем периметр.

Она хотела спросить ещё, но тут ожил пулемёт наверху, и от чудовищного грохота у Фионы заложило уши. Что-то взревело снаружи, и на броню обрушился удар мощного тела. Итальянка взвизгнула, пытаясь вскочить с места, но ремни держали крепко.

Вновь загремел пулемёт.

— Я биолог, а не солдат, — прошептала итальянка, прижимая ладони к голове.

Никто её не услышал.

— Всё потом, — крикнул Джеймс. — Сейчас не время.

Машина перестала качаться, точно катер в шторм — они выехали на шоссе. Фиона сидела, опустив голову и боясь заглянуть в окно.

Она не хотела знать, что происходит снаружи.

Мидгард, 17 июня. Хелена Моргенсен

Её ни о чём не спрашивали. Просто в Центр контроля биологических угроз вдруг приехал джип с военными — четырьмя плечистыми парнями в полевой форме и с автоматами наперевес. Хелену вежливо, но непреклонно посадили в машину, и та рванула вперёд.

— Куда мы всё-таки едем? — спросила ординатор.

— Администрация, — коротко ответил сидевший напротив солдат. — Экстренное заседание. Умные головы считают, что без вас там никак.

Хоть какая-то информация, подумала Хелена. По пути к автомобилю на все вопросы ей отвечали «не время» и «потом, потом».

Нападение прошло мимо неё: до Центра так и не добралось ни одно существо. У неё не было никакой информации, кроме обрывочных данных из Сети. Ни одного доклада, ни одного отчёта, ни одного образца. Да и не её дело изучать эти образцы, она лишь анализирует готовые данные, соотнося их между собой. Чего же хотят советники?

На этот вопрос солдат только пожал плечами. Его дело, сказал он, привезти доктора Хелену Моргенсен, а уже зачем — пусть начальство думает.

Машина затормозило так резко, что не пристёгнутую Хелену швырнуло на сидевшего рядом парня. Тот мягко удержал девушку и осторожно посадил обратно.

— Спасибо, — слегка растерянno пробормотала она.

— Чисто! — донеслось снаружи.

Солдат распахнул дверь и, спрыгнув на дорогу, подал Хелене руку. Ординатор подчинилась и тут же вздрогнула, увидев на обочине изорванное пулями тело.

— Да, это они, — сказал солдат, заметив её взгляд. — Рапторы.

— Но...

— А нам без разницы, как вы, ученые, их зовёте, — усмехнулся он. — Что по рации быстрее крикнуть, то и говорим. Да и похожи они с виду на велоцирапторов. Или дейнонихов, чёрт их разберёт. Не смотрели? «Остров Юрского периода-4», буквально за месяц до Чёрного дня в кино шёл.

Хелена покачала головой. В кино она не ходила вообще. Все эти костюмированные представления так и оставались для неё всего лишь представлениями. Лишь очень немногие картины были построены так, что она верила в них. Возможно, это было ещё одним следствием перестройки нейронов в её мозгу. А может, она просто не любила кинематограф.

Почётный конвой в лице всё тех же парней с автоматами проводил её к дверям сперва здания администрации, а затем и зала совещаний. Открывая последнюю дверь, солдат сказал:

— Ждём вас здесь, доктор. Когда закончите, доставим обратно.

Хелена кивнула, понимая необходимость таких мер. Расстрелянный труп «раптора» у дороги говорил сам за себя.

Сегодня в зале было куда больше людей, чем в прошлый раз, но большинство лиц оказались незнакомы, а их обладатели носили военную форму. Здесь, пожалуй, собрался весь высший офицерский состав Фрейи — все те, кто прежде координировал лишь действия охраны и дальних экспедиций по изучению планеты, а теперь руководил войной. Сидела Аманда, на которой красовался безупречно выглядящий синий костюм, сидел генерал

Вальтер, знакомый Хелене по телевизионным новостям. И, конечно, доктор Келлер. Судя по кислому лицу, находиться в толпе вояк удовольствия ему не доставляло.

А ещё тут было жарко.

— И должна сказать, что на Земле вы бы уже пошли под трибунал! — голос Аманды Бартлет звенел.

— Вы это уже говорили, — поморщился генерал Вальтер.

— И повторю снова, тёмная энергия! Вполне возможно, что эта атака случилась из-за вашего идиотского приказа!

— Доктор Моргенсен! — Андрей Плутонov поднялся с места, приветствуя гостью. Та сбилась с шага, пытаясь понять, что ей делать, но заметившая это Аманда указала на место рядом с собой, приняв решение за неё. Ирландка выглядела взбешенной, и Хелена понимала, почему. — Наконец-то. Так уж вышло, что в нашем городе вы единственный ординатор, профессионально занимающийся биологией. А частично именно в этой области нам и нужен анализ.

— Анализ? — растерялась Хелена.

— Сейчас вы всё поймёте. Прошу прощения, сейчас мы закончим. На чём мы остановились? Ах, да! Операция по атаке на остров.

— Да, — недовольным голосом заявил генерал Вальтер. — Пожалуй, стоит перейти наконец от криков к делу. Приветствую, доктор Моргенсен... к слову, господа, хочу обратить ваше внимание, именно этой девушке мы и обязаны прорывом... Так вот, наши инженеры уже оснастили ракеты боеголовками, нужны только испытания. Запускаются они с воздуха, с борта дикоптера — на большее у нас нет ни времени, ни ресурсов. В ближайшее время мы высадим десант на один из островов, в первую очередь для сбора сведений о враге, а после отхода солдат ударим по нему ракетами.

— Где вы набрали столько взрывчатки? — спросил Келлер.

— Ординатор придумала использовать остатки топлива с «Авангарда», — нехорошо усмехнулся Вальтер. — Там около сорока килограмм антиматерии.

— Вы держите эту дрянь в городе! — не сдержался советник.

— Вы сотню лет летели рядом с ней в космосе, и ничего не случилось. Успокойтесь, доктор, мы всё контролируем.

— Значит, хоть какой-то план у нас есть, — прервал его Плутонov. — Далее — инфразвуковые сигналы. Аманда, что у вас по ним есть?

Слегка остывшая ирландка пожала плечами.

— Я вновь хочу заметить, что делаю это под давлением с вашей стороны, — ядовито заметила она. — И убийство восьмерых человек не должно...

— Сигналы, Аманда.

— Тёмная энергия! Ладно, — уже совсем спокойно продолжила женщина. — Теория о том, что это их аналог дальней связи, вполне жизнеспособна. В её пользу говорит очень многое. Инфразвук далеко распространяется в воде из-за большой длины волны, и местные животные, как и предполагалось, действительно устойчивы к нему — скорее всего, результат эволюции. Правда, тогда встаёт вопрос, когда же акванты начали применять инфразвук... В общем, мои мальчики построили прибор размером примерно со столитровую бочку. Генератор помех. Если мы правы и это действительно связь, мы сумеем нарушить её. Возможно, генератор сумеет помочь вашей миссии по атаке острова. Впрочем, я ещё надеюсь, что вы всё-таки передумаете.

— Превосходно. Теперь перейдём от наших вооружённых сил к противнику. Карта боевых действий, — Плутонув указал на большой настенный экран. — Красные стрелки — направления атак рапторов. Информация дополняется, но, как видите, они напали практически одновременно с трёх сторон. Доктор Моргенсен, какова вероятность, что это какая-то сезонная миграция или атака стаи неразумных хищников?

— Одна десятая, исходя из моих нынешних данных, — сказала Хелена, приходя в себя.

— Факторы? — поинтересовался Келлер.

— Их поведение схоже с поведением стаи львов, загоняющих добычу. Если предположить, что эти существа имеют очень высокую приспособляемость к новым условиям и высокий интеллект, сравнимый с дельфиньим, то такой вариант возможен.

— Наши сенсоры зафиксировали ультразвуковые сигналы, которые распространялись летающими над городом птицами. Судя по отчётам военных, рапторы явно слушались их.

— Ноль.

— Уже ноль? — с интересом спросила Аманда. Про генерала она, казалось, забыла.

— Симбиоз таких двух видов теоретически возможен. Но если учесть фактор присутствия на Фрейе цивилизации, основанной на биоинженерии и к тому же использующей ультразвук в качестве языка управления, вероятность совпадения всех этих событий падает до критически малых значений.

Хелена говорила монотонно, озвучивая возникающие в голове одну за другой мысли. Сейчас, получив конкретную задачу, она быстро успокоила организм. Исчезли неуверенность, смущение и растерянность. Разум работал над решением.

— Кроме того, рапторы не пытались пожирать людей, — подытожила Аманда. — А просто убивали их. Тут не надо быть ординатором, чтобы сделать верный вывод, Андрей.

— Я всё равно должен был проверить, — извиняющимся тоном ответил тот. — Ладно, перейдём к более сложным вопросам. Хелена, какова вероятность, что эти существа были выведены специально против людей?

Пауза.

— Ноль.

— Я же говорил, — усмехнулся Келлер. — Не меньше нескольких лет на разработку и выращивание, даже с аквантским опытом в этих делах. А мы тут всего четвёртый месяц.

— Тогда зачем аквантам сухопутные войска? — спросил Плутонув. — Мы ведь так и не обнаружили никаких объектов на суше, для захвата которых они могли бы использоваться. А без них всякий смысл в этих... рапторах отпадает.

Пауза. Долгая.

Советники терпеливо ждали.

— У меня пока довольно скудные сведения о структуре армии и назначении войск, — наконец сказала Хелена. — Но, судя по всему, рапторы — это не штурмовики, а охотники. Они слабо защищены, но быстры, умны и умеют загонять добычу. Если основываться на отчёте о нападении на «Сигюн», то там использовалось крупное животное с защищённой роговыми пластинами головой-тараном для удара по судну и ящероподобные животные, повадками похожие на рапторов. Поскольку акванты не применили сейчас против нас подходящих по функциям существ, логично предположить, что у них просто нет нужного биологического оружия, и они используют то, что есть.

— Звучит правдоподобно, — согласилась Аманда. — Дальнейший вывод?

— Если так, то им противостоял некий враг, способный выходить на сушу, но в

основном базирующийся в море. Враг более слаб, чем аквантская цивилизация, в результате чего с ним идёт асимметричная война. Таким образом, они не воюют между собой, либо же их тяжёлые войска ориентированы исключительно на морские действия.

Пауза.

— Пока я не могу сказать, какое из этих утверждений более вероятно.

— А что насчёт причины, по которой они атаковали город? — поинтересовалась Аманда.

— По-видимому, испытание методов ведения войны. Акванты пытаются подстроиться под нас. С той же целью было совершено нападение на «Сигюн». Возможно — захват образцов для разработки бактериологического оружия. Возможно — нанесение урона живой силе. Аквантам известна наша численность, и косвенно может быть известен срок развития от рождения до возможности использовать индивида в боевых действиях.

Хелена выдохнула. Прочитанные днями ранее материалы по военному делу не остались лежать в памяти впустую. Она не считала свой анализ точным — в конце концов, она слишком плохо разбиралась в предмете, но всё же он был тем максимумом, что девушка могла выдать за такой короткий срок.

— Эд, — подала голос Аманда, глядя Хелене в глаза. — Я могу отобрать у тебя эту девочку в свой отдел?

— Не так давно ты не верила её выводам.

— Люди склонны менять своё мнение, знаешь ли.

— Увы, Аманда. Доктор Моргенсен — единственный ординатор в моём Центре, к тому же она биохимик, а не инженер.

— Это-то как раз не проблема... — пробормотала Аманда. — Ординаторы... Андрей, подумай, кого из них ты сможешь выделить хотя бы временно в Техническую службу. Желательно такого, который разбирался бы в нашем ремесле хотя бы поверхностно. И это не просьба.

Плутонов кивнул.

— Подумаю. Что ж, господа, вы все убедились, что доводы Аманды и мои достаточно основательны. Вы можете не верить и доктору Моргенсен тоже, но то, что она повторила наши слова, уже достаточный аргумент.

— Я должен сказать, что всё равно буду готовиться к неожиданностям, — мрачно проговорил генерал Вальтер. — Худшее, что только может произойти с командиром — это недооценка противника. Конечно, логика доктора Моргенсен прекрасна, но она основана только на известной нам информации и паре догадок.

— Не имею желания возражать, — сказал Плутонов. — Только постарайтесь не расходовать ресурсы на глупости.

— На этом всё? — генерал поднялся и надел фуражку. — Спасибо за лекцию, доктор Моргенсен. Отдаю вам должное — вы действительно хорошо поработали.

— Спасибо, — сказала Хелена, чувствуя, как возвращается ощущение растерянности. Она не могла понять, серьёзно говорит генерал или это сарказм.

— Не обращайтесь внимания, — услышала она голос Аманды. Женщина тоже поднялась, засовывая в сумку планшет. — Он всегда такой. Параноик до мозга костей, перестраховщик. В чём-то это правильный подход, но у этого ублюдка он слишком уж радикальный. Надеюсь, мне удастся склонить Совет к тому, чтобы арестовать Вальтера и его людей.

— Меня вызвали только чтобы подтвердить ваши слова?

— Почти, — она улыбнулась. — А ещё поговорить. Вы уже знаете, что все встреченные нами акванты — продукт генной инженерии? Их цивилизация полностью основана на генетике.

— Да. Последние отчёты...

— Плевать на отчёты, — Аманда покачала головой. — Насколько мне известно, Эд... доктор Келлер предлагал вам сдать материал для возрождения «Метаморфоза». Вы тогда сказали, что подумаете.

— Верно.

— Вот и подумайте. Мы находимся в самом начале пути изменения себя. А там, на островах, — она махнула рукой в сторону окна, — можно видеть то, к чему это изменение приведёт. Понимаете?

Хелена медленно кивнула.

— Чудесно, — ирландка лучезарно улыбнулась. От яда, которым она сочилась во время Совета, не осталось и следа. — Если вам надоест работать у доктора Келлера, приглашаю к себе.

— Я... подумаю, — проговорила ординатор.

Её собеседница вновь улыбнулась и, не сказав ни слова, направилась к двери.

Мидгард, 23 июня. Фиона Кристофоретти

Джеймс деловито проверял снаряжение. Экзоскелет, ничем не похожий на обычные военные комбезы — настоящий бронекостюм, позволяющий владельцу выжить даже в открытом космосе. Два двигателя для передвижения в воде. Автомат, уродливый и на первый, и на двадцатый взгляд, копия какой-то старой разработки для стрельбы под водой.

Через час он вылетал на задание.

— Вы же просто смертники, — прошептала Фиона.

— Мы не собираемся брать остров штурмом, — сказал капитан. — Мы — разведчики.

— Смертники, — упрямо сказала Фиона. Ей не нравилось это место, не нравилась комната отдыха, где они сейчас находились, не нравилось всё. Она не хотела, чтобы капитан Джеймс Гленн летел туда.

— Наши шансы велики.

— Да? И что же вы хотите сделать, кроме как умереть с почётом?

— Понять их. Аквантов. Увидеть хотя бы снаружи, как они живут. Заглянуть краем глаза в щель стены, которой они отгородились.

— Понять чужих... Ты всерьёз думаешь, что получится?

— Полностью — нет.

— Тогда зачем это всё?

Джеймс вздохнул.

— Решение уже принято. Мира не будет. Мы будем уничтожать острова аквантов с воздуха, но нам надо знать, смогут ли они противостоять этому. Ты помнишь, как они сбили наш дикоптер? А что ещё может найтись у них в кладовых? Вот для чего нужна эта миссия. Узнать больше о враге.

— Ладно, — Фиона встала с разворошённой постели и вдруг, повинувшись вспышке слепой ярости, толкнула Джеймса, прижимая его к стене. — Поклянись мне, ты, pezzodimerda! Что вернёшься оттуда живым!

— Я не могу поклясться, — мягко ответил он. — Я могу только сказать, что попытаюсь не умереть в этот раз.

Они летели сквозь утренние сумерки — шесть дикоптеров, пятьдесят отчаянных людей, умевших только убивать. Пятьдесят десантников, надежда человечества, те, кто раздавит проклятых инопланетян, как склизкую гадину. Защитники человечества, не знающие страха и упрёка, вооружённые по последнему слову техники...

Это идиотское пафосное описание в духе старинных фантастических боевиков так и крутилось в голове Снежаны, пока она вела дикоптер к цели. Какой-нибудь земной пацифист, думала она, написал бы об отряде фашистов, печалился бы по поводу современной цивилизации, неспособной к мирному решению проблем. Только компанию таких пацифистов она самолично отправила в небытие, просто потому, что так было надо. Немногочисленные журналисты Фрейи по-разному называли её потом в своих статьях, как по-разному относились и вообще ко всей этой истории.

А что они скажут сейчас?

Мерцали впереди огоньки ведущей машины: для романтика — дань традиции, для прагматика — лишняя страховка на случай, если откажут сверхнадёжные компьютерные радиолокационные системы. Сидели в брюхе дикоптера солдаты, ожидая десанта. Ревели винты.

Место высадки уже проутюжили зажигательными бомбами, расчищая остров от насаждений — теперь уже никто не сомневался, что всё это всего лишь один из защитных барьеров на пути вниз. Никто не знал наверняка, что ждёт там солдат. Но иначе было нельзя.

— Приближаемся к цели, — ожила радиостанция. Из транспортного отсека донеслись весёлые голоса.

— Ты помнишь инструкцию, Снежка? — спросил сидевший в кресле второго пилота Джеймс Гленн.

— Совершенно точно, янки, — ответила она. — Уж об этом не беспокойся.

До сих пор, несмотря на поведение в воздухе, она не давала повода усомниться в своей способности выполнять приказы. Джеймс только кивнул в ответ. Он прекрасно это знал.

— Борт Один — всем машинам. Начинаем. Бомбовозам — установить генераторы помех.

Два вертолётки полетели вокруг острова, сбрасывая в воду толстые бочонки, покрашенные в красный цвет. Если научники правы, у аквантов не получится связаться со своими.

Снежана медленно вела дикоптер к нужной точке. На душе было пусто, точно она вновь летела на перехват, убивать людей. Но ведь в чем-то нынешняя миссия похожа на ту. Она везёт сюда убийц. И какая разница, будут ли умирать люди или другие разумные?

Она тряхнула головой.

Нет. Разница огромная. Люди — свои. Акванты — чужие. И никак иначе.

Дикоптер грузно приземлился на белую, вычищенную ветрами от пепла поверхность острова. Вверх взметнулось облако меловой пыли.

— Возвращайтесь живыми, ребята, — сказала Снежана. — Я не успела толком разглядеть ваши гнусные рожи, когда вы сели в машину, но, правда, мне будет очень сильно их не хватать.

— Как пожелаешь, — ухмыльнулся Джеймс Гленн.

Пещера была точной копией той, где в прошлый раз Джеймс с Олегом оборонялись от наступавших аквантов. Всё та же мерзкая губка под ногами, такое же небольшое озерцо в центре. Теперь люди уже знали, что это всего лишь одна из воздушных камер города, и таких, скорее всего, под ногами ещё много.

Зонды с георадарами выявили такие камеры по всему верхнему слою острова. Сапёры подорвали своды пещер, открыв путь для солдат. А теперь отряды туннельных крыс спустились к озеру, собираясь отправиться вниз, в самые глубины термитника.

План был чётко продуман и теперь выполнялся — медленно и неотвратно.

Джеймс снял автомат с предохранителя. Оружие, несмотря на две недели тренировок, по-прежнему казалось непривычным. Не слишком удобной формы, с широким магазином, набитом длинными иглообразными пулями. Зато иглы эти могли поражать цели под водой — там, где обычный снаряд теряет пробивную силу уже через пару ярдов.

— Идём, — сказал он, включая фонарь.

Пловцы один за другим ныряли в тёмную воду озерца. Дальше начиналась неизвестность: никто толком не знал, что их ждёт внутри. И приказ потому был чётко — при серьёзном сопротивлении немедленно отступать. Их цель — информация, а не бой. Что угодно, лишь бы узнать об аквантах побольше.

Без единого слова они плыли по извилистому тоннелю, только булькал выдыхаемый воздух, да жужжали двигатели на экзоскелетах. Свет фонарей выхватывал из темноты ровные, точно выплавленные кислотой стены без щелей и отверстий.

Затем ход изогнулся и стал подниматься. Джеймс приглушил фонарь — наверху мягко фосфоресцировали водоросли. Тут и там они росли на покрывавшей стены губке, с каждым ярдом разрастаясь всё больше и наполняя пространство слабым зеленоватым светом. Приближались жилые ярусы.

Ещё десяток ярдов. Ход резко расширился, выпуская пловцов в большую пещеру, и на какое-то мгновение Джеймс замер, разглядывая открывшуюся картину.

Здесь работали. С потолка пещеры спускались длинные сталактиты, усеянные ростками водорослей. Несколько аквантов пёстрой жёлто-синей расцветки плавали вокруг, касаясь ростков пальцами и тут же отдёргивая руки, будто от удара током. Тут и там между полом и потолком висели в воде яркие светящиеся медузы, точно живые лампочки, освещавшие всё вокруг.

Никто даже не посмотрел на вынырнувших из нижнего хода людей. Водоросли лениво колыхались, точно на слабом ветру. Акванты продолжали работать.

— Зачистить, — приказал Джеймс, и вода взвихрилась первыми выстрелами. По ушам ударил приглушённый грохот.

Кто-то дёрнулся, пытаясь защититься, и тут же обмяк, когда пуля вошла ему в глазницу. Один из рабочих стремительно бросился к боковому лазу, но на полпути его настигла очередь, и уже безжизненное тело ударилось о стену рядом с проходом. Остальные лишь бестолково метались, не зная, что делать. Разума у них было не больше, чем у животных.

Больше всего это было похоже на картину безумного экспрессиониста. Растворялись в воде оставленные пулями белые пенные следы. Расплывался алый туман, сочащийся из глубоких ран. Колыхалась на волнах пробитая пулей медуза, медленно утрачивая свет.

— Соберите образцы, — велел Джеймс. Ларингофон и ультразвуковая станция связи работали исправно, но разум всё же кольнуло тонкое остриё страха: акванты ведь тоже говорят на ультразвуке. А значит, могут их услышать. Что с того, если они не понимают ни слова? Вопли африканцев капитан Гленн тоже почти не понимал, но это не мешало ему убивать их.

— Выходы взять под контроль, — добавил он, глядя на висящий посреди комнаты труп. Изорванный пулями аквант медленно переворачивался, оставляя в воде длинный кровавый след. На бездушном рыбьем лице не было боли — а может, Джеймс просто не замечал её.

Двое научных принялись за работу: исчезла в небольшой коробочке подвернувшаяся под руку медуза, затем другая и третья, отправился в банку комок водорослей. Мертвецов так и оставили плавать по комнате — всё равно возвращаться, скорее всего, придётся этим же путём, а если нет, невелика потеря. Затем по знаку Джеймса в самый широкий тоннель устремился разведчик.

— Чисто, — вскоре доложил он.

Тоннель спускался вниз, к сердцу термитника. На миг Джеймс представил себе всё это со стороны — огромный меловой остров, испещрённый ходами, такими вот камерами, где работают акванты, жилыми отсеками и воздушными пузырями, обеспечивающими плавучесть. Голову будто сжало невидимыми тисками, заставляя резко выдохнуть и закрыть глаза. Стало легче.

Клаустрофобия, понял он. Лучше не думать о камне, нависшем над головой. И о том, что будет, если откажет дыхательная система экзоскелета. Иначе он сойдёт с ума раньше, чем это произойдёт.

Ещё один зал. Пустой, лишь из покрывающей стены губки растут длинные красные щупальца-полипы. Ни колонн, ни водорослей, ни аквантов. И тупик, если не считать выходом множество мелких отверстий в стенах.

— Назад, и быстро, — решил Джеймс. Он не знал, что может полезть из этих пор и что за сюрпризы могут преподнести полипы. И меньше всего хотел сейчас это узнать.

Второй тоннель, более узкий и тёмный. Новый зал. Совсем круглый, тёмный и пустой. Ещё одна сеть тоннелей. Быстрый осмотр — два тупика, такие же, как предыдущий, третий пошёл далеко вниз. Какое-то время солдаты плыли цепочкой, один за другим, пока каменная кишка вдруг не изогнулась, расширившись и выпустив их на открытое пространство.

Это был настоящий лабиринт. Сталактиты и сталагмиты переплетались между собой, образуя колонны, сети, арки и целые купола. Зал был огромен, Джеймс не видел, куда уходят стены и где кончаются конструкции из меловых выростов — все они попросту уходили вдаль, постепенно истаявая в зеленоватой мгле.

И здесь не было никого. Точнее, были, но видеть людей они не могли.

— Тёмная энергия, — выдохнул Фридрих, разглядывая бесконечные ряды полупрозрачных яиц, растущих из губки. Утолщённое основание накрепко приклеивалось к стене, дальше начиналась студенистая плоть яйца, внутри которого отчётливо можно было разглядеть эмбрион. Ещё не рождённые акванты будто спали, набираясь сил.

Джеймс не удивился. В конце концов, людей теперь тоже выращивают в инкубаторах — да что там говорить, он сам был одним из первых, чьи родители сдали генетический материал после вступления в силу закона о рождении. Его генотип был вычищен от программных ошибок во многом благодаря инкубатору. Он иммунен к большинству видов рака, он не страдает наследственными заболеваниями, он модифицирован для своей

профессии. Вполне естественно, что акванты пошли тем же путём.

Он заметил, как научники, не дожидаясь приказа, стали фотографировать всё вокруг. Олег подплыл к одному из выходов, направив туда луч фонаря. Мельком взглянул на датчик шумов — пока всё было тихо.

— Что делаем, командир? — спросил Фридрих.

— Наша задача — сбор информации, — поразмыслив, сказал Джеймс. — Уничтожать яйца будет слишком долго, да и не нужно. Куда ведут остальные ходы?

— Все вверх, — отозвался Олег. — Здесь сердце города.

— Засёк переговоры, — вдруг бросил один из бойцов. — Много и часто.

— Уходим. Умные головы, что у вас?

— Две минуты, — сказал кто-то из научников.

Во мгле возникли длинные тени.

Кто-то нажал на спуск, и мимо Джеймса, устремляясь к цели, пронеслась вереница белых бурунов.

— Сворачивайтесь! — рявкнул он уже в открытую.

Пули вонзились в распахнутую пасть ринувшейся на людей зубастой рыбины в десяток футов длиной, и та забилась в агонии.

Тонкий писк звенел где-то на границе сознания. Шипели наушники, воспринимая чужие частоты. Акванты говорили между собой, докладывая куда-то о вторжении, а тем временем из неприметных укрытий бросались на пловцов их солдаты — длинные пятнистые мурены в роговых шлемах, почти незаметные на фоне белых стен, змеерыбы, чьи зубы бессильно скрипели о броню экзоскелетов. Люди были почти неуязвимы в своих защитных костюмах — но ровно до того момента, как в игру не вступил новый участник.

Джеймс так и не понял, как он не заметил его сразу. Просто вдруг шевельнулась растущая из пола белёсая конструкция, разжала огромные клешни и схватила Фридриха, едва не разрубив его пополам. Что-то булькнуло в воде, хрустнуло, снова загревели выстрелы. Огромный бледный ракоскорпион сжался под ударами, защищаясь, а потом вдруг распрямился, точно пружина, взмахнул шипастым хвостом, и только ловкость спасла Джеймса от нарушения данной Фионе клятвы.

Это оборонительные механизмы, понял он, вонзая в глаза рака длинную очередь. Акванты вовсе не дураки. Они заметили высадку людей, поняли, куда те могут пойти, и устроили оборону. А может, это просто одна из защитных точек улья — спящие до поры до времени стражи, готовые атаковать расслабившихся гостей, сумевших добраться до инкубатора.

— Назад! — скомандовал он, увидев за клубящимися в воде кровавыми облаками тени новых мурен. Зубы этих тварей не могли прокусить пластины брони, но кто знает, что ещё припасли акванты для незваных гостей?

Им вполне хватило и того, что уже случилось.

Люди поочерёдно ускользали в проход. Джеймс с Олегом прикрывали — так уж вышло, что они оказались дальше всех от входа. Затем капитан кивнул напарнику — тот закинул автомат за спину, нырнул в тёмное отверстие, и Джеймс остался один.

Он не стал уходить сразу. Поворачиваться сейчас к врагу спиной — дать ему шанс. А врагов было много. Плыли в полумраке изорванные трупы рыб, распласталась у одной из колонн искорёженная туша рака, белели во мгле разбитые роговые пластины. И за всем этим приближались новые и новые существа, а где-то там, за пределами взгляда, слушали голоса

гостей акванты.

— Тёмная энергия, — прошептал Джеймс. Вонзил пулю в метнувшуюся к нему мурену и с оружием наготове устремился в проход.

— Командир? — раздалось в наушниках.

— Всё в порядке. Общий доклад, состояние.

Отозвались семеро. Фридрих, первым попавшись гигантскому раку, чудом ухитрился выжить. Был ранен, но, кажется, без яда. И ещё трое остались там, внизу. Их тела уже не достать.

— Завершаем операцию.

Вода — враждебная человеку среда, в этом капитан Гленн убеждался не раз. Сегодня он убедился в этом снова.

Петер слабо улыбнулся.

— Плохо быть безруким, — сказал он.

— Тебе поставят новые, — Вика уселась на больничную койку у его ног. Выглядел немец не лучшим образом. Зубы ящера сделали своё дело: левую руку парню отрезали по локоть, от правой осталась лишь короткая культя. Сейчас раны покрывал заживляющий гель, но это лишь временная мера. Петеру предстояла операция.

— Я буду жестянкой, — он ухмылялся. — Тёмная энергия, я буду чёртовой жестянкой! Всё равно, что американский афрорасист в шкуре ку-клукс-клана!

— Это лучше, чем жить без рук, — Вика была непреклонна. — Может, ты и к ординаторам отношение переменишь. Поверь, они вполне нормальны.

— Да... наверное, — ухмылка сползла с лица Петера. — Будет трудно.

— Я помогу.

Она не могла не помочь. Ведь это из-за неё Петер получил такие жуткие травмы. Это её он спасал тогда, дома, и сам подставился под прыжок раптора. А она не смогла даже нажать на спуск, чтобы спасти его.

Дура. Что ей стоило поучиться обращению с оружием? Сколько ещё людей пострадает из-за неё?

Петер перехватил её взгляд.

— Только скажи, что это из-за тебя, и клянусь, как только врачи поставят протезы, я тебя отшлёпаю, — сказал он.

— Но...

— Никаких «но»! — рявкнул он. — Хватит брать на себя чужую вину! Всё!

Она притихла, не зная, что ответить. Может, Петер и прав. А может, просто убеждает её в этом, пытаясь казаться настоящим мужчиной. Только Вика-то знает, кто виноват. У неё тоже голова на плечах есть.

— И чтоб ни слова больше, — предупредил Петер.

Наверное, пускай лучше будет, как он хочет. С этим Вика могла согласиться. В конце концов, никто не мешал ей хотя бы сознать правду.

— Меня вызвали на станцию «Леонов», — сказала она. — Позвонили за минуту до того, как я к тебе пришла. Сверхсрочный вызов. Они поймали акванта, который сам вышел к людям. И вроде бы реагирует совсем по-другому, чем наши.

— Тогда чего же ты ждёшь? — возмутился Петер. — Бегом на лётную площадку!

— У меня ещё несколько минут до транспорта. Слушай, я просто хотела сказать — прости...

Она увидела гримасу на его лице и замолчала. Нет, всё же он прав. Сама Вика может думать что угодно, но говорить вслух лучше совсем другое, а ещё лучше — молчать. Мужчины все такие. Не умеют трезво смотреть на вещи и злятся, когда им на это указывают.

— Давай, двигай, — буркнул он и отвернулся, всем своим видом показывая, что закончил беседу. Вике ничего не оставалось, как подчиниться.

Уже в коридоре она думала, что если бы не её глупость, сейчас они летели бы вместе. С гибелью доктора Цанна у Совета осталось только двое профессиональных лингвистов, имевших опыт общения с аквантами. А теперь и вовсе один. Петер, конечно, выздоровеет,

ему поставят новые руки, только будет это в лучшем случае через неделю.

И на встречу с аквантом летит не умудрённый опытом седовласый учёный, а молоденькая девица, едва закончившая университет.

Вряд ли на этого нового пленника возлагают большие надежды. Иначе его привезли бы сюда, в Мидгард, а уж здесь и без неё нашлось бы кому разговорить его. Просто Плутону нужно отреагировать на проблему, а Вика сейчас свободна. Вот и всё.

Только лежало у неё на душе предчувствие, что на этот раз инопланетянин действительно заговорит.

Фиона улетала на орбиту одной из последних. Почти две тысячи человек уже погрузились в сон там, на борту «Спасителя», и теперь с погибающей планеты вывозили оставшихся — тех, кто до последней минуты занимался подготовкой стартов. Техников, солдат, инженеров и врачей, которые осматривали улетающих. Была среди них и Фиона — врачей не хватало, а у неё были за спиной курсы медпомощи.

Слухи о ковчеге разлетелись вокруг с ураганной скоростью. Со всех сторон к крохотному городку у космодрома валили толпы людей, только чтобы узнать: они остаются на Земле и никуда не полетят. Конечно, их хотели бы забрать с собой. Но законы физики неумолимы. Корабль рассчитан на две тысячи человек, и брать с собой хоть одного сверху означает поставить под угрозу весь проект.

Для них просто нет места.

Городок со стартовой площадкой и складами ракет обнесли стеной, защищаясь от отчаявшихся людей. Иногда те пытались прорваться внутрь, словно надеясь, что тогда их всё-таки посадят в ракету, но стук пулемётов быстро утихомиривал их.

Сгущались тучи.

Эта ракета была последней и потому самой сложной. Солдаты отступили к самому космодрому, обустроили импровизированное заграждение из бронетранспортёров и поставили автоматические пушки с датчиками движения. После того, как нескольких смельчаков изрешетило, едва те перешли невидимую черту, остающиеся просто сели на границе и молча смотрели на суесящихся техников.

С неба упали первые капли дождя.

Фиона заняла своё место. Она была пассажиром, и от неё не требовалось ничего — просто сидеть. Иллюминаторов в камере не было, но она знала, что снаружи всё так же сидят эти *лишние люди* — сидят и смотрят, как улетаёт ракета.

Им не оставалось ничего другого.

Земляне сильно отстали от соперников в сфере изучения противника, но их путь развития гораздо меньше зависел от таких знаний. Чтобы разработать серьёзное биологическое оружие, нужно не только уметь собирать гены, как конструктор, нужно хорошо знать своего врага. А чтобы сбросить на него бомбу, достаточно лишь разбираться в физике и найти человека, умеющего водить самолёт.

Первый удар по врагу нанесли четыре дикоптера — это был тот самый остров, где погибли первые люди, и который изучала на своём подводном судне Снежана. Это не было эмоциональным решением: просто остров располагался ближе всего к Мидгарду и оказался очень удобен для отработки новых приёмов.

Разрывая воздух винтами, летающие машины неспешно приближались к цели. Пилоты молчали, лишь изредка связываясь с базой и уточняя координаты. Им не требовалось много слов. Не требовалось и много времени.

— Точки погружения установлены, — сказал командир звена.

— К пуску готовы.

— Первая посылка — пуск.

Под брюхом дикоптера взревело. Несколько томительных секунд, громкий плеск, и сверкающая серебряная стрела глубоко ушла в воду, взбудоражив окрестных рачков.

— Ожидание.

Четыре ракеты медленно опускались ко дну. Автоматические датчики бесстрастно следили за давлением снаружи, измеряя глубину погружения. Пять метров, десять, пятнадцать. Затем в какой-то момент давление превысило критическую точку — и остров вздрогнул. Тяжёлый удар вздохнул из глубины, взметая в воздух многометровый султан водяной пыли.

— Вторая посылка — пуск.

Ещё одна ракета вонзилась точно в центр острова. Миг — и на экранах шлемов полыхнуло невыносимым сиянием, далеко впереди оглушительно грохнуло, точно сотня великанов разом швырнула в воду по куску горы.

— Цель уничтожена, — бесстрастно сообщил командир.

Ракетный удар расколол остров на куски. Потерявшие общую опору, теперь они медленно переворачивались, поднимая огромные волны.

Акванты лишились одного из своих городов — первого, но отнюдь не последнего.

— Курс на базу.

— Принято.

Дикоптеры спокойно разворачивались, оставив позади гибнущий город.

Центр контроля биологических угроз, 24 июня.

Фиона Кристофоретти

Работы навалилось столько, что вздохнуть свободно было нельзя, и всё же Фиона наслаждалась. Она даже не замечала очередного отсутствия Джеймса, улетевшего срочной миссией на одну из станций в компании какой-то смазливой девицы. Что они забыли на той станции — сверхразум его знал, но против обыкновения Фиона не стала задавать вопросов. У неё было чем занять голову.

Цивилизация аквантов по-прежнему оставалась для людей загадкой, и вывезенные солдатами с острова образцы лишь очень ненамного приподняли завесу. Можно было лишь точно теперь сказать, что прогресс чужих строился на биотехнологиях. Так что теперь Фиона занималась своим делом: изучала биологические конструкции, восхищаясь мастерством их создателей и чувствуя себя ребёнком, получившем конструктор на день рождения.

В отличие от человека с его возвратным нервом, слепым пятном в сетчатке и множеством других ошибок эволюции, здесь структура организма представляла собой поистине разумный дизайн.

Пойманные командой Джеймса медузы оказались идеальными лампочками. Электрические органы, наподобие органов ската, вызывали люминесценцию жидкости внутри, свет которой отлично проходил сквозь прозрачное тело животного. Щупальца-рецепторы на внешней оболочке воспринимали прикосновение пальцев, включая и выключая ток — Фиона с беззаботным восторгом проделала это раз десять, прежде чем с сожалением вернулась к работе. Ещё один рецептор позволял, судя по всему, выключить сразу все медузы-лампочки в комнате: он реагировал на распылённые в воде вещества.

Рот, желудок, несколько щупалец без каких-либо следов стрекательных клеток, мезоглея. Всё. Ничего лишнего. Живой источник света, и не больше того.

Инструмент для создателей.

Таковыми же инструментами, наверное, были и «рапторы». И тот левиафан, едва не потопивший «Сигюн». И птицы, сбившие их дикоптер. И много кто ещё. А если посмотреть на то, как отличаются между собой убитые акванты, возникает вопрос: может, настоящие правители по-прежнему остаются скрытыми, а это всего лишь их слуги?

На это Фиона не могла ответить.

Станция «Леонов», 24 июня. Виктория Орлова

Дикоптер приземлился мягко, как никогда прежде, но Вика почти не заметила этого. Её ждал разговор.

Все те жалкие крохи информации, которую ей с Петером удалось выудить из пленных аквантов, не шли ни в какое сравнение с аквантом, желающим говорить. Если Вике удастся создать лингвенсор между двумя языками, возникнет надежда договориться — надежда, убившая доктора Германа Цанна и его коллег.

Акванты уже погибали под ракетными ударами людей — возможно, именно поэтому из моря и вышел этот?

Только, подумала Вика, он всё равно опоздал.

— Прилетели, — объявил пилот.

Девушка отстегнула ремни безопасности. Её слегка мутило — Вика не любила летать. Было что-то неприятное во время полёта, какой-то безотчётный страх, затаившийся глубоко в душе. Фобия, а может, просто её комплексы. Она не знала наверняка, но летать всё равно боялась.

Сидевший напротив мужчина в военной форме улыбнулся ей и подал руку. Вика покачала головой. Капитан Гленн любезен, но она должна справиться сама.

— Вы же только вчера с задания, — сказала она, чтобы отвлечься от кружащейся головы.

— Для меня нынешний полёт — отдых после острова. Что-то вы бледноваты, док.

— Ничего, — Вика слабо улыбнулась. — Я могу попросить ваших солдат взять багаж...

— Тащите, ребята, — сказал Джеймс.

Двое солдат молча подхватили здоровенный ребристый ящик с ручками по бокам и понесли его наружу. Ящик весил, наверное, под двести килограмм, но мужчины остались бесстрастными, лишь индикаторы на экзоскелетах налились жёлтым. Капитан проводил их взглядом.

— Идёмте, док, — добавил он. — Нас ждут.

Вика молча подчинилась. Все её мысли блуждали, и девушка тщетно пыталась сконцентрироваться на том, что ей предстояло: контакт с инопланетным разумом. Настоящий, а не тот суррогат, которым она маялась последние дни. И всё же слишком много произошло — гибель доктора Цанна, нападение монстров, ранение Петера, а она никогда не умела сопротивляться стрессам.

Сейчас от неё требовали невозможного.

— Доктор Орлова? Капитан Гленн? — на лётном поле их уже ждал невысокий мужчина лет сорока на вид. — Я Жан Ренэ, начальник станции.

— Ведите, — коротко ответил ему капитан. Ренэ кивнул, и через несколько минут Вика уже смотрела на акванта.

Он был непохож на других — тех, кого девушка уже видела к сегодняшнему дню. У него было две руки, два глаза, простая зелёная чешуя, как у самой обычной ящерицы. И всё же это было разумное существо, аквант. Враг.

— Он просто вышел из леса прямо к нашим экологам, — рассказывал Ренэ. — Солдаты, конечно, сразу за оружие, но сержантом у них был Шарль, умный парень. Он и сказал не стрелять, а только взять на прицел. Аквант это увидел и жестами ему показал, что не воевать

пришёл. Вот его сюда и притащили.

Разумеется, люди не поверили чужому. Акванта заперли в одном из помещений станции, приставив к дверям охрану и установив наблюдение. Тот, похоже, воспринимал это как должное. Ренэ немедленно отправил рапорт в Мидгард, и там среагировали так же быстро, прислав Орлову, Гленна и двух солдат, выступавших в роли носильщиков. Расторопность начальства привела Ренэ в восторг.

— Не знаю, что бы мы с ним делали, — говорил он, пока Вика изучала пленника на экране монитора. — Ему же есть-пить надо. Воду мы ему поставили, а подходит ли ему наша еда — один сверхразум знает.

— Мы привезли рыбу, которой они питаются, — отозвался Гленн. — Думаю, придётся потратить немало времени. Док, вы готовы?

— Вполне, — Вика оторвалась от экрана.

Они вошли в комнату-камеру вдвоём — она, в серебристом рабочем комбезе учёных, с прозрачным щитком, прикрывающем лицо, безо всякого оружия, и он — в армейском снаряжении и с автоматом наготове. Вика считала, что эти предосторожности излишни: пленник ведь сдался сам. Зачем ему нападать? А вид солдата мог напугать его и затруднить понимание. Но упрашивать Джеймса было так же бессмысленно, как пытаться уговорить булыжник на дороге.

За ними закрылась дверь. Генрих, инженер станции, собирал привезённую на дикоптере аппаратуру, с помощью которой они пытались говорить раньше. Но сделано это будет только через час.

— Привет, — Вика шагнула вперёд, стараясь, чтобы голос звучал как можно мягче. Только как его воспринимают акванты, если они слышат ультразвук? Может, для них её «привет» всё равно, что рык тигра?

Не пытаясь больше ничего говорить, она показала пленнику два кусочка мела, протянув один ему. Тот осторожно взял его, осмотрел со всех сторон и даже лизнул. Рыбья морда по-прежнему оставалась безучастной.

Вика аккуратно набросала на полу конус, пересекла его плоскостью и с такой же тщательностью построила рядом эллипс.

Аквант с любопытством посмотрел на рисунок.

И больше не сделал ничего.

— То же самое, что и всегда, — прокомментировал Джеймс.

— Помолчите, капитан, — Вика бросила на него укоризненный взгляд. Вечно эти вояки всё комментируют, мелькнуло в голове. Ладно. У неё есть задача. Лучше будет просто забыть об американце.

Почему аквант не отреагировал на конус с эллипсом? Вика знала ответ. Он был очень прост и, наверное, именно потому ускользнул от учёного совета, пытавшегося найти решение.

Аквант просто не знал, что это такое, так же как не знала сама Вика до того, как ей пояснили. Когда-то она учила это в школе, но очень давно. А сколько лет акванту? Изучал ли он вообще когда-то математику? Может, и нет. Может, он просто дикарь.

Тогда почему он должен реагировать?

Глубоко вздохнув, Вика стёрла конус и вновь коснулась гладкого полка мелком. На этот раз она прочертила короткую линию, рядом добавила ещё три, а в конце — четыре.

Глаза акванта вспыхнули. Склонившись над полом, он нарисовал четыре линии, затем

ещё четыре, и рядом — восемь. Затем поднял голову и посмотрел на Вику. Та медленно кивнула ему.

— У нас прорыв, капитан Гленн, — сказала она.

Центр контроля биологических угроз, 24 июня.

Хелена Моргенсен

Рабочий день уже закончился, но Хелена не спешила уходить домой, изучая данные о последней военной операции на плавучих островах. Ей доставляло искреннее удовольствие учиться чему-то новому, а тем более такому, что прежде было очень далёким и непонятным. Только на работе условия для этого были куда лучше, чем дома.

Но на этот раз засидеться допоздна ей не дали.

— Надеюсь, я не оторвала тебя от чего-то важного, — сказала Снежана, входя в кабинет.

— Ни в коем случае, — Хелена села, борясь с желанием вытащить провода из шеи. Нет, надо устранять эту привычку. — Ты давно не заходила.

— Ещё с Земли, если быть точной, — усмехнулась пилот, садясь на стул. — Извини. Я... ну, в общем, у тебя было много работы, а я моталась по всей Фрейе.

— Пускай. Я не в обиде.

— Ты никогда ни на что не обижалась. Ладно. Я по делу. Личному.

— Делу?

— Угу. Ты ведь знакома с капитаном Гленном? Командиром отряда «Гамма»?

— Да.

— Вот. У меня тут недавно было... в общем, стресс, и он хотел познакомить меня с тобой. Но опоздал, как ты понимаешь. И улетел допрашивать какого-то там очередного акванта... короче, я решила сама зайти. А то с ума сойду от всего этого, — закончила она совсем уж угрюмо.

— Ты уверена? — растерялась Хелена. — Я же не психолог.

— То, что мне нужно, сможешь рассказать только ты. То, что с тобой и мной сделали генетики «Метаморфоза». Только простым языком, потому что я из биологии знаю только про тычинки и пестики. А Келлеру не верю.

— Ну... — ординатор запнулась, вспоминая рассказ Рыжкова и данные с его флэш-карты. — Мне сильно перестроили определённые зоны мозга. Переделали... усилили...

— У меня модификация по линии ускоренного обучения. Запоминание и анализ, — мрачно проговорила Снежана. — Келлер мне рассказывал какую-то хрень про синоптиковую пластичность или что-то в этом роде...

Это слегка вернуло мысли Хелены в нужное русло.

— Синаптическую пластичность, — поправила она. — Механизм обработки сигналов нейронами. Это реализация процесса обучения в материи. Увеличить скорость прохождения сигнала по нервам нельзя, но можно увеличить эффективность работы системы в целом. С тобой примерно это и сделали, затронув структуры мозга только минимально. Медиальную префронтальную кору и правую дорсально-латеральную, всё. Ты — обычный человек. Почти. Тебе редуцировали рефлексорное повторение информации, вызывающее усталость мозга.

— Ничего не поняла.

Хелена вздохнула.

— Повторение информации помогает закрепить уже полученный навык, но затрудняет изучение следующего. Кроме того, случается, что мозг самопроизвольно повторяет уже

пройденное. Тебе снизили влияние этого фактора — ты запоминаешь всё раз и навсегда, повторение тебе не нужно. А как побочный эффект — у тебя высокая стрессоустойчивость. Никогда не будет вьетнамского синдрома, ну и так далее. Ты ведь про это хотела спросить? То твоё задание... когда первоначальный шок пройдёт, всё вернётся в норму.

— Оно и вернулось, — Снежана забарабанила пальцами по столу, задумавшись о чём-то. — Хорошо. А ты?

— А мне переделали всё очень сильно, — вздохнула Хелена. — Нет, я не стала живым компьютером... я просто очень, очень глубокий флегматик, который может считать в уме дифференциальные уравнения. Наверное... Я и сама до конца не поняла результат. Думаю, доктор Келлер тоже.

— Паразит он хренов. Знаешь, я давно хотела спросить... ты бы согласилась на такое, будь у тебя выбор?

Хелена подумала, что эта девушка повторяет тот же вопрос, что задал Келлер. Нет, Келлер не спрашивал, он просил, но суть оставалась той же. Хелена не чувствовала неудобств, они закончились в детстве. Довольна ли она жизнью? Вполне.

Она точно могла ответить на это, но не на вопрос Снежаны.

В чём измеряется счастье? В количестве удовольствий и их разнообразии, том коктейле, который только и подходит одному человеку. Писатель счастлив, когда пишет и когда заканчивает писать, музыкант — когда творит музыку. Любитель экстремального спорта — когда в его кровь выплёскивается волна адреналина. Бабник — когда затаскивает в постель симпатичную девчонку. По отдельности всё это — пустышка, счастье приносит лишь жизнь в таком ключе, пока у человека не сменятся приоритеты, и более того — развитие такой жизни, получение новых и новых ощущений. А счастлива ли она?

Вполне. У неё отличная работа, которая ей нравится. У неё спокойная, насыщенная жизнь. Она развивается, обучаясь новым наукам. Да, ей недоступны секс, наркотики, большая часть кино и других развлечений, но... она ведь не страдает от их отсутствия.

Только вопрос ведь в другом. А будь она на месте Снежаны, обладай она способностью получать удовольствие от всего этого, согласилась бы она вот так измениться?

Вряд ли.

И даже нынешнее своё состояние она не хочет передавать своим детям, отказывая Келлеру в генетическом материале, который так ему нужен.

— Это очень сложно, — тихо сказал ординатор. — Я не знаю.

— Ладно, — вздохнула Снежана. — Что-то я тебе систему перегрузила... такой бред, да ещё после работы. Зря я пришла. Надо было как-то аккуратнее... Но спасибо, что рассказала. Философия, тёмная энергия...

Она направилась было к двери, но не успела взяться за ручку, как ты повернулась сама.

— Прощу прощения, — вошедшая в кабинет Амандра Бартлет вежливо уступила ей дорогу. Снежана бросила быстрый взгляд на Хелену, кивнула напоследок и скрылась за дверью.

Ординатор покачала головой. Ей не нравился столь поздний визит главы Технической службы.

Ирландка была в красно-белом комбезе медицинского работника, светлые волосы аккуратно уложены, на губах — знакомая лёгкая улыбка. А на поясе — кобура с пистолетом. Хелена даже узнала «детище наследников Глока» — точно такой же до сих пор лежал у неё в столе ещё со времён экспедиции на остров.

— Вечер, доктор Моргенсен, — Аманда спокойно прошла к столу. — Рада, что застала вас на месте.

— Вы едва успели. Я собиралась уходить.

— Ничего страшного, много времени я не займу.

— Но раз вы пришли сейчас...

— Да, это будет немного личный разговор, — она словно повторяла слова Снежаны. — Видите ли, в нашем обществе грядут некоторые перемены. Например, мои люди собираются арестовать генерала Вальтера. И, возможно, кое-кого из Совета — заядлых милитаристов, только и умеющих, что лупить кувалдой по врагу. Увы, нынешний состав правительства несовершенно и уже наделал ошибок. И продолжает их совершать, попутно устраняя конкурентов. На меня уже один раз покушались... видите? — она подняла руку, и Хелена увидела медицинский блок. — Если мой пульс прервётся, эта штука передаст сигнал команде быстрого реагирования, и через несколько минут Совет будет под контролем моих мальчиков, а убийцы объявлены вне закона. Вряд ли солдаты Вальтера успеют отреагировать. Конечно, хотелось бы избежать всего этого и решить дело мирно, но увы...

— Чего вы хотите?

— Чтобы вы возглавили отдел по урегулированию ситуации с аквантами. Сейчас мы в очень выгодном положении. Продемонстрировали силу — за это Вальтера стоит поблагодарить, да и вас тоже. Акванты поняли, что война будет тяжелой — хоть нас и мало, но технологически мы сильнее. Нужен мир. Возможно, сосуществование. Неизвестно, может, потом мы всё-таки уничтожим местных, но... для этого вы нам и нужны. Для прогнозов, планов, инструкций. Анализ — то, чем вы занимались здесь.

— Келлер?

— Знает, но решение остаётся за вами.

— Мне нужно знать, какова будет ситуация после этой реформы.

— Ординатор... — Аманда тихо засмеялась. — Понимаю. Что ж, на это нетрудно ответить. Снежана Савицкая и генерал Вальтер как главные виновники будут арестованы. Обеспечить их содержание и изоляцию мы не сможем, поэтому их придётся ликвидировать — на этом этапе мы не можем оставить в обществе потенциально опасные элементы. Остальные офицеры, чтобы сохранить свои позиции, одобряют этот шаг. Пожертвуют двумя, спасая всех. Совет останется почти в прежнем виде... всё остальное тоже.

— Снежану казнят? Но она ведь просто выполняла приказ.

— Эсэсовцы на Нюрнбергском процессе тоже говорили, что просто выполняли приказы. Но их это не спасло.

Хелена медленно покачала головой.

— Она ваша знакомая? — подняла брови Аманда. — Простите, доктор Моргенсен, но я не могу на это пойти. Дестабилизации не избежать — исключений быть не должно. Снежана — козёл отпущения, так же как и генерал Вальтер, и иначе никак. Это — рациональное решение. Вы должны понять.

— Понимаю, — тихо ответила Хелена, осторожно сунув руку под столешницу.

Обращение к списку досье на членов Совета. Вероятности смерти Снежаны при разных вариантах развития ситуации. Если Аманда повлияет на решение — восемьдесят семь сотых, если нет — двенадцать...

Пальцы сами нащупали ребристую рукоять «Глока».

А что будет, если Аманда погибнет? Бойня. Хелена хорошо представляла себе мощь

военной машины Фрейи, составленной из ветеранов Третьей Конголезской войны и собранных с миру по нитке спецназовцев разных стран. А кто в подчинении у Аманды? Обращение к базе данных...

Расчёт. Может, у неё и получится. Но, скорее всего, нет. Вероятности слишком неточные...

Указательным пальцем Хелена нажала на кнопку включения лазерного целеуказателя.

Бойня с не до конца ясным исходом. Но всё равно это больше, чем двенадцать сотых. Намного больше.

— Вагонетка несётся по рельсам... — прошептала Хелена.

Только здесь на рельсах лежит небезразличный ей человек.

— Что? — ирландка подалась вперед, и ординатор одним плавным движением направила ствол ей в лоб.

Она успела увидеть, как в изумлении расширяются глаза Аманды, как рука гостьи тянется к кобуре, но медленно — слишком медленно. Выстрел отбросил ирландку назад, опрокинул на пол, заливая его кровью. Пальцы последний раз дёрнулись в конвульсии, и начальник Технической службы Мидгарда затихла навсегда.

Хелена медленно подняла руку со смартбрасером и набрала Джеймса Гленна.

— Да! — он ответил почти сразу.

— Джеймс? — тускло спросила Хелена. — Звоните в штаб, это срочно. Сообщите, что сейчас на них нападут. Люди Аманды Бартлет. Пусть подготовятся...

Он не стал ничего спрашивать. Просто коротко бросил «понял» и отключился.

Хелена посмотрела на убитую. Аманда лежала на полу, безвольно раскинув руки. Пуля вошла ей в правый глаз, разворотив пол черепа. Что сейчас должна чувствовать убийца? Она впервые убила. Хладнокровно, спокойно, как и говорил Рыжков. Какой-то отклик в душе просто должен быть, иначе никак. Но его нет. Она устранила опасное существо, ничем не отличавшееся от местных змей или пернатых ящериц. Разве только существо принадлежало к тому же виду, что и она. А может, в этом и ключ? Может, Хелена — не человек?

Или она всё-таки поступила правильно?

Нет. В расчётах не было ошибки. Она выбрала оптимальный путь. Наилучшее решение — для неё, а не для кого-то другого, потому что она не хотела терять Снежану.

Разве это не совершенно человеческий поступок?

— Куаф, — сказал аквант.

Экран лингвенсора мигнул. «Чужой», — гласила надпись. Это слово было знакомо Вике, как в слышимом диапазоне, так и в ультразвуке. Так же как и фраза, в которую оно входило, благо что её повторяли много, много раз.

Она набрала на клавиатуре нужные символы.

Кр-кр-куаф, — сказал лингвенсор.

«Множество (математика) — чужой — остановка — существование», — светилось на экране.

— Я так и знал, тёмная энергия! — не сдержался капитан Гленн. После замечания от Вики он молчал, как рыба, все эти бесконечные часы — можно было только позавидовать его терпению. Только один раз звякнул старинный кнопочный телефон, капитан вышел ненадолго и вернулся чем-то встревоженный. Вика не стала спрашивать, чем — она была слишком поглощена работой. Снаружи давно стемнело, но никто и не думал об отдыхе. — Так и знал!

— Вот оно что, — прошептала Вика.

Кр-кр-куаф, говорили ей все пленные.

Можно было бы догадаться и раньше, что это означает.

Все чужаки должны умереть.

Она не торопилась с расспросами. Как только Генрих настроил лингвенсор, Вика принялась уточнять понятия. Они начали с самых простых существительных, которые аквант улавливал безошибочно. Язык людей, как и предполагала девушка, оказался ему недоступен, и общаться приходилось посредством лингвенсора. Набирать слова на допотопной клавиатуре после сенсорных экранов и мыслеуправления тоже было непривычно, но её вполне устраивало и это.

Когда закончились существительные, пришёл черёд глаголов. Рисовать Вика толком не умела, и тогда пришлось подключиться Генриху, который оказался неплохим художником. Вика объясняла ему, что нужно изобразить, и инженер выполнял её желания без лишних вопросов. Аквант прекрасно понимал и это.

Затруднения возникли, лишь когда дело дошло до абстрактных понятий. Нельзя нарисовать мир, добро и зло. Но Вика не зря изучала семиотику. Для каждого понятия была найдена длинная цепочка более простых, и с каждым кивком акванта — он очень быстро понял, что означает этот жест — работать становилось всё проще.

Её мозг укладывал в памяти все обозначенные слова. Людской язык слишком сложен, так что каждую фразу приходилось разлагать на составляющие, вычищать от вспомогательных частей речи и так набирать на клавиатуре. И синтезатор, и распознаватель работали только для акванта — Генрих не хотел лишний раз усложнять конструкцию.

Сто слов. Двести. Пятьсот. Тысяча. Две тысячи. Идентификация акванта как личности — Вика назвала его Иваном. Идентификация её самой — имя «Виктория» не передавалось на язык аквантов, и пришлось позволить гостю назвать собеседницу, как ему заблагорассудится. Идентификация Мидгарда как поселения людей...

В дверь осторожно постучали.

— Хочу напомнить, что на часах две минуты до полуночи, — сообщил Ренэ.

— Плевать, — отозвалась Вика, обернувшись на мгновение. Капитан Гленн кивнул, и Ренэ закрыл дверь с той стороны.

Ни командир, ни инженер не показали виду, будто устали. Не устал и аквант.

«Чужой», — сказал он. Это было последним понятием, которое они только что согласовали.

«Причина — Иван — это место», — набрала Вика.

Лингвенсор застрекотал. Аквант ответил.

«Остановка — существование — Иван», — высветилось на экране.

— Тёмная энергия, — выдохнула Вика. — Да он же приходил умереть! Умереть, а вовсе не договариваться с нами!

— Какое нестандартное желание, — усмехнулся Джеймс.

Даже на лице Генриха промелькнуло удивление.

Вика не знала, что ответить. Она решила, что аквант вышел с дипломатической миссией — поначалу это выглядело очевидным. Возможно, рыболюди поняли, что им не выстоять против оружия людей, и захотели мирных переговоров. Только всё оказалось не подтвердившимися гипотезами.

Глупостями, придуманными из-за заостренности мышления.

«Остановка — существование — Иван — причина», — набрала Вика и затаила дыхание, ожидая ответ.

Аквант опустил голову в ведро с водой, громко хлопнул и выдал длинную тираду.

«Общество — акванты — нет — движение. Множество (количество) — обороты светила. Иван — общество — множество (математика) — отрицание. Общество — акванты — остановка — существование — причина — люди», — читала Вика на экране.

— Что значит «в обществе нет движения»? — спросил американец. — Нет миграций? Или чего?

— Думаю, это значит, что цивилизация аквантов не развивается, — после паузы ответила лингвист. — Он хочет сказать, что не входит в это общество. Изгой. А умереть захотел, потому что считает, что аквантам конец.

— Это я понял. А как долго у них нет развития?

Вика застучала по клавишам.

«Общество — акванты — нет — движение — время».

«Множество (количество) — десяток — десяток — десяток — десяток — обороты светила».

Она озадаченно уставилась на экран.

— И что это значит? — риторически спросил Гленн.

— Если я прав... — подал голос инженер. — Скорее всего, он говорит о четвёртом разряде в позиционной системе счисления. Ну, просто иначе получаются слишком большие цифры.

— И это?.. — нетерпеливо спросила Вика.

— Десять в четвёртой степени. Десятки тысяч лет.

Воцарилось молчание. Шокированная Вика потянулась было к клавиатуре, но тут же бессильно опустила руки. Она вновь не знала, что сказать.

Тогда аквант заговорил сам.

Иногда Вика жестом просила его остановиться, пытаясь понять, что гость имел в виду. Иногда им приходилось втроём разбирать его фразы, предполагать варианты и наводящими

вопросами уточнять смысл очередного предложения. Затем аквант продолжал говорить, а Вика забывала даже пополнять память компьютера и свою собственную новыми образами. Аквант давал ответы на вопросы, которые не могла разрешить вся коллегия учёных Фрейи.

Когда-то давно они были единым видом, как сейчас люди. Десятки тысяч лет назад — это число никак не уместилось в разум Вики. Они изучали науки, животный мир своей планеты, и в итоге научились менять себя. Точно так же, как сейчас люди.

Их начали делить на касты, используя генетические вмешательства. Когда-то у аквантов была своя религия, но с развитием науки, как и на Земле, она захирела и постепенно исчезла совсем — у них не было препятствий к опытам над самими собой. Так появились акванты-рабочие, воины, исследователи, пастухи, ремонтники. Множество подчинённых существ. Их всех постепенно адаптировали под определённые нужды, заменив естественную эволюцию искусственной и возведя в культ обеспечение нормального функционирования термитника, но в этом и крылась ловушка.

«Общество — нет — движения. Общество — неверно», — говорил аквант.

Нормальное функционирование для аквантов — это стабильность. А стабильность ведёт к застою.

И акванты остановились в развитии. Все их силы уходили на поддержание определённой численности особей каждой касты и состояния гнезда. Акванты просто жили, не задумываясь о смысле своего существования и не пытаясь его найти. Их история сохранила описания ледниковых периодов, потеплений и других глобальных изменений климата Фрейи, но в океане эти изменения сказывались куда меньше, чем на суше. Акванты без труда адаптировались к ним, и общество продолжало жить — размеренно, чётко, как механизм атомных часов.

«Возможность — отрицание — война — люди — акванты», — отстучала Вика.

«Отрицание».

«Причина».

«Общество — акванты — Фрейя. Общество — люди — Фрейя. Пересечение (математика). Следствие (логика) — война».

Капитан Гленн засмеялся — сухо, отрывисто, как человек, получивший подтверждение чему-то, что он давным-давно хорошо знал.

Гость не знал ничего о том, каким было общество прошлого. Сам он был, как и сказала Вика, изгоем — членом крошечной группы «диких» аквантов, живших во фьордах и приливных зонах. Там они строили жилища-пещеры, отмечая каждый прожитый год. Пожалуй, «дикие» остались единственными, чья эволюция продолжалась естественным путём, но и они не могли изменить сложившееся положение дел: жители плавучих островов только и умели, что это положение восстанавливать. Так они и жили. Время от времени «дикие» пытались штурмовать плавучие города, очень редко у них это даже получалось, но каждый раз изгоев выбивали обратно во фьорды, а иногда устраивали облавы, вырезая всех, кого могли найти.

«Островные» отлично приспособились к такой жизни, а размножающиеся «дикие», подчиняясь неумолимым законам экологии, раз за разом вынуждены были выползать из своих укрытий и терпеть поражение.

Акванты не воевали между собой. Все плавучие острова занимались только тем, что поддерживали стабильность. Война шла только с изгоями, да и ту назвать полноценной войной было сложно: скорее это были операции зачистки приливных зон и моря от

скрывающихся там недобитков.

— Высокоразвитая цивилизация не обладает способностью воевать, — прошептала Вика, глядя в стену остановившимся взглядом. — Так, доктор Цанн?

А потом прилетели люди, и всё рухнуло, лопнуло, как мыльный пузырь. Привычные схемы оказались бесполезны против нового противника. Давно испытанные тактики не работали. Это и объясняло странный разброс в поведении аквантов: разучившись за тысячелетия создавать новое, они использовали то, что имели — иногда успешно, иногда нет.

Против гибко мыслящих, привычных к тотальной бесконечной войне людей у «островных» не было ни единого шанса.

Ещё меньше их было у «диких».

И, сознавая этот факт, Иван пришёл к врагу, чтобы хотя бы умереть с достоинством.

— Кошмар, — выдавила Вика, когда аквант умолк.

— Вот оно, значит, что, — проговорил капитан Гленн. — А мы со Снежкой бактериологического оружия боялись. Цивилизация биотехнологов, чёрт её дери. Цивилизация дегенератов! Может, они и отличаются от людей, но в одном мы похожи: идиотизм есть везде!

— Не надо, капитан, — чуть ли не жалобно прервала его лингвист. — У меня... у меня уже голова болит...

— Пять утра. Понятное дело. Давайте, док, идите спать.

— Стабильность... — Вика вдруг поняла, что у неё страшно ломит спина, болят ноги, а в глаза будто насыпали раскалённого песка. — Застой цивилизации...

Две минуты до полуночи. Надо было остановиться тогда.

«Виктория — возвращение — восход светила», — набрала она.

«Иван — множество (математика) — отрицание» — был ответ.

Тогда Вика лишь кивнула, не пытаясь вникнуть в смысл этих слов. Она устала и слишком хотела спать.

А через час после их ухода аквант разорвал себе когтями горло.

Наверное, он устал ждать, когда же это сделают люди.

Административный центр Мидгарда, 25 июня.

Хелена Моргенсен

— Вероятность критического дисбаланса сил при влиянии на ситуации Аманды Бартлет составляла девяносто две сотых, — ровным голосом говорила ординатор. — Поэтому было принято решение устранить угрозу.

Ложь срывалась с её губ и таяла в воздухе.

Андрей Плутонوف слушал молча, но лицо его говорило о многом. В небольшом, поспартански обставленном кабинете уже второй час продолжался допрос, и второй час Плутонوف не мог понять, что же всё-таки произошло. Сидевший рядом Келлер старательно придавал себе спокойный вид, но было видно, что он едва сдерживает улыбку.

Сперва ординатора допросили военные. Потом генерал Вальтер. Потом какие-то специалисты из незнакомой службы. Теперь вот Плутонوف, и всем она повторяла одно и то же. Все изумлялись, таращили глаза, но в конечном итоге признавали, что она поступила правильно.

А Хелена продолжала лгать.

— То есть ты взяла и просто застрелила главу Технической службы, — уточнил Плутонوف. В разных вариациях это уже звучало сегодня несколько раз, но Хелена не обращала на повторы внимания. Ей было плевать. Вероятность негативного исхода для неё — три сотых.

Ничего они не сделают. Им слишком нужны ординаторы.

Люди, которым верят безоговорочно, потому что они не ошибаются.

— Именно так.

Плутонوف схватился за голову.

— Тёмная энергия, — просипел он.

— Такого мы не предполагали, — сказал Келлер.

— Не предполагали — чего? Что создали машину для убийства?

— Я не машина для убийства, — заметила Хелена.

— Молчи! Ни слова! А, тёмная энергия, ну нельзя же так! Взять и... и просто... без всяких...

— Вероятность...

— Хватит с меня вероятностей! — Плутонوف закатил глаза.

— Должен заметить, что во многом она права, — заметил Келлер. — Дестабилизация...

— Хорошо! Всё! Вопрос закрыт. Больше я его поднимать не буду. Доктор Моргенсен, идите к себе. Эд, ты тоже... проследи за своей подопечной. Хрен с ним, вероятность, мать её, девяносто... Чтоб я её не видел как минимум месяц!

— Пойдём, — Келлер подал Хелене руку, и та послушно встала. Бросила последний взгляд на хмурящегося Плутонова. Да, ему предстоит много работы. Только всё равно дело спустят на тормозах. Солдаты Аманды Бартлет перебиты, стабильность восстановлена. Наказывать из-за этого ординатора — глупость. А в Совете сидят не дураки.

Сколько жизней стоила жизнь Снежаны Савицкой? Хелена не знала точно, да и ей, по большому счёту, было всё равно. Равнозначны ли эти жизни для общества? Вряд ли.

Но не равнозначны для неё.

А любой человек прежде всего эгоист.

Она не исключение.

Келлер вежливо вывел её в коридор и жестом велел подойти к окну.

— Вы действовали из чисто рациональных побуждений, — сказал он.

— Да.

— Понимаю. Но вы кое-что упустили... видите ли, главная ваша проблема, доктор Моргенсен, в том, что вам недоступно понимание мышления обычного человека. И прочитать вам о нём нигде, потому что никто не документирует подобное. Вы можете основываться на художественной литературе, на криминальных делах, но информация везде будет неполная и потому не поможет вам. По сути, это основной недостаток всех ординаторов.

Келлер сделал паузу. Девушка кивнула. Пока в его словах она не нашла изъяна.

— Поэтому, зная ваш способ мышления и некоторые факты, например, ваши приятельские отношения с Савицкой, я могу сказать, что знаю настоящую причину убийства Аманды Бартлет. Мне остаётся лишь надеяться, что в остальном вы просчитали всё наверняка.

— Фактор того, что вы догадаетесь, я тоже учла, — бесцветным голосом ответила Хелена.

— И? — с интересом спросил Келлер.

— Вы меня не выдадите.

— Конечно. Я не скажу, что рад смерти госпожи Бартлет, но если придётся выбирать между ней и вами...

— Я вам нужна.

— И это тоже верно. У нас есть общий план разработки педагогической программы для будущих ординаторов... да, да, мы всё равно её запустим, согласитесь вы сдать материал или нет. Но запуск этот будет лишь после окончательной победы над аквантами. Теперь, после доклада госпожи Орловой, мы не сомневаемся в ней.

— Значит, вы будете продолжать генетические исследования, — медленно проговорила Хелена.

— Как же иначе? — удивился Келлер. — Конечно, в мозги глубоко мы залезать больше не будем. У нас есть несколько линий, которые после доработки можно будет запустить в серию. Линии эти вам хорошо известны. А кроме них, мы будем разрабатывать новые, не затрагивающие мышление. Человек ведь всё равно изменится, доктор Моргенсен. Даже на Земле он эволюционировал, а здесь, на Фрейе, уже третье поколение будет отличаться от нас. Физически, не умственно. Скорее всего, люди этого поколения окажутся выше, стройнее, а может, под солнцем Альфы они станут смуглыми и золотоглазыми — но изменения не сдержать.

— И вы хотите уничтожить человечество как вид? — не сдержалась Хелена. — Мне всё детство рассказывали, что я остаюсь человеком, просто немного не таким, как все. И отец говорил то же самое. А теперь? Вы будете разделять людей? Один — специализированный военный, другой — учёный?

— В специализации нет никакого толку. Разве доктор Рыжков вам этого не сказал? Девяносто процентов любой работы всё равно выполнит техника: как ни крути, но мы не акванты. Можно делать детей с рождения заточенными под конкретное дело, но это заведомо обречено на провал. Во-первых, нельзя одними нейронами заставить человека полюбить профессию. Во-вторых, рынок постоянно меняется. Люди увольняются, и у таких

специалистов нет шанса освоить что-то новое. Смысл имеет только линия ординаторов, превращающая людей в живые вычислительные машины... простите.

Хелена вздрогнула и вдруг поняла, что сверлит Келлера ненавидящим взглядом. Пожалуй, это была сильнейшая эмоция, которую она испытывала за последние десять лет. Когда Драгомиров называл её ходячим ноутбуком, это не вызывало в её душе ровным счётом ничего. Только сейчас перед Хеленой сидел человек, создавший её.

Ненависть. А способна ли ординатор любить?

— Я не хотел вас обидеть, — сказал Келлер.

— Но это вам удалось без труда, — глухо выговорила Хелена. — Продолжайте.

Слегка поколебавшись, он вновь заговорил:

— Как я уже говорил, вашу судьбу никто не решает. Разумеется, мы хотим, чтобы вложенные в ваше создание деньги — немалые деньги — вернулись, но это достигается воспитанием. Вы ведь довольны своей профессией?

— Вполне, — буркнула ординатор. — Только я теперь совсем не уверена, что это было моё желание.

— Полностью ваше. Мы проводили тесты и распределяли детей по направлениям согласно этим тестам. Конечно, всплывали ошибки, и довольно часто, но таких учеников мы просто переводили на другое направление, пока не проявлялся положительный результат. Вам нравилась биология, доктор Моргенсен, нравилась химия — именно поэтому вы сейчас и работаете в Центре. Если бы вам нравились машинки и самолётики, вы бы стали инженером-конструктором.

Закусив губу, Хелена молча слушала. Советник развеивал её сомнения, будто зная, о чем она думала и говорила последние дни. С академиком Рыжковым, с Амандой Бартлет, со Снежаной... Мешало лишь то, что она не знала, можно ли ему верить.

А она всегда не любила растерянность, в которой сейчас пребывала.

— И нам сейчас остро не хватает людей, — продолжал Келлер. — А в будущем, когда закончится адаптация и начнётся рост, дефицит только увеличится. Именно потому нам нужны ординаторы. Именно поэтому — в основном — я не сообщу Плутонову об истинной подоплёке вашего дела.

Он был прав, Хелена не могла спорить. Она просто не обладала умением отстаивать точку зрения, ложность которой уже увидела.

— Я скажу больше, — его голос звучал будто где-то вдалеке. — Вы ведь читали новость о говорящем акванте? Жаль, что он умер, но доктор Орлова и без того выудила из него очень многое. Их общество существовало десятки тысяч лет, совершенно не меняясь. Мы идём по тому же пути — к застою. Мы можем остаться на Фрейе, но вполне возможно, что ещё через десять тысяч лет сюда прилетит новая цивилизация, а мы не сумеем противостоять ей. Единственный выход — экспансия, иначе человечество закончит так же, как акванты. Мы знаем, что буквально за месяц до Чёрного дня в США заявили об успешном испытании генератора искривления. Значит, сверхсветовое передвижение возможно. Но без ординаторов мы потратим на его разработку семьдесят лет, как американцы. А если учесть затраты на развитие колонии... Нам нужны люди вроде вас, доктор Моргенсен. Много людей. Понимаете?

Он умолк, и в коридоре наступила тишина.

— Я приняла решение, доктор Келлер, — наконец сказала девушка.

— Вот как? — оживился советник. — И что же?

— Все остальные ординаторы отказались, так ведь?

— Да, — он помрачнел. — Как я уже сказал, это ничего не изменит, только сильно увеличит срок, когда родится первая группа.

— Но всё равно первых ординаторов вы сможете использовать только через четырнадцать-пятнадцать лет.

— Скажите уже, да или нет, Хелена, — устало ответил он.

— Я не дам вам свой генетический материал. В первую очередь потому, что он бракован. Но если вы согласитесь, я наберу людей и исправлю ваши ошибки, создам чистый геном ординаторов, которым не придётся мучиться, как мне когда-то. Это займёт несколько лет. Отсрочка не так уж велика по сравнению с общим временем, но она даст гарантии, которых нет у вас.

Келлер молчал, глядя ей в глаза, и Хелена вдруг ощутила, насколько же он стар. Ему было никак не меньше сотни лет, и теперь весь этот тяжёлый груз проступил наружу, став на несколько секунд видимым для юной соплячки вроде неё.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Возможно, это будет лучшим выходом. Говоря откровенно, я не ждал и такого решения. И... спасибо.

Ординатор молча развернулась и пошла к лестнице.

— И всё же, почему вы передумали? — спросил ей в спину Келлер. Хелена обернулась.

— На моё решение не повлияли эмоции, — сказала она. — До свидания, доктор Келлер.

«Спаситель» погрузился в сон. Фотонный двигатель стонал где-то в центре огромного корабля, но до жилого тор-модуля сквозь связующие стержни доносилась лишь слабая, почти незаметная вибрация. Из двух тысяч человек на борту не спали полтора десятка. Им предстояло закончить проверку всех систем, после чего тоже лечь в камеры анабиоза.

Бывший мастер-сержант армии ныне не существующих Соединённых Штатов Америки Джеймс Хоук Гленн сидел у контрольного пульта и смотрел на многочисленные экраны. Его отпуск с туром по французским городам сорвался, но на фоне общего бедствия это не казалось чем-то значимым в жизни.

Где-то там, внизу, остались его сослуживцы — те, кто сумел выжить после массированного удара по Америке. Приятели, любовницы, начальники и те, кто совмещал в себе всё это. И все уцелевшие скоро будут играть на арфах в раю, поглядывая вниз, на искореженную Землю, да и ту не увидят сквозь плотный слой пепла.

А он сам? Он летит в неизвестность. Астрономы говорят, что Фрейя пригодна для жизни, но никто не знает до конца, насколько именно. Там может быть слишком высокое или низкое содержание кислорода — всего один-два процента, но это уже много. Могут быть ядовитые газы в атмосфере. Да мало ли чего. В конце концов, она может банально оказаться занята чужой цивилизацией.

Тогда людям придётся сражаться, и их шансы не так уж велики. Всё зависит от того, каковым окажется враг. Сможет ли он сопротивляться существам, только и знавшим, что воевать всю свою историю, без конца совершенствуя способы убийства?

Впрочем, какая разница. Те, кто летят на «Спасителе», больше не земляне.

Всего-навсего погорельцы, лишившиеся дома.

Кучка жалких изгнанников.

Сироты небесные.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Некоторые примечания

Всё нижеследующее есть всего лишь попытка понять, насколько реален описанный выше мир. Читать этот мутный поток сознания вовсе не обязательно, но если вы хотите понять, из каких *настоящих* открытий и изобретений растут ноги у высказанных в романе идей, то почему бы и нет?

Основное — это, конечно, ординаторы. Многие люди почему-то считают, что человеческий мозг — совершенная конструкция. На самом деле с точки зрения инженера это отнюдь не так: работа мозга — это сборище невообразимого количества программных и структурных ошибок из-за обусловленного слепой эволюцией строения. Список этих ошибок — когнитивных искажений — будет подлиннее, чем список грехов Сиджизмондо Малатесты: тут и иллюзия превосходства, когда человек неспособен адекватно оценить свои возможности в сравнении с другими людьми, и регрессивный консерватизм, до сих пор тормозящий науку и провоцирующий митинги против ГМО, и иллюзорная корреляция, формирующая стереотипы и суеверия, и много чего ещё [1]. Из-за этих искажений, например, вам нечего надеяться на честный суд: так или иначе судья всё равно будет предвзят, даже если сам он искренне считает себя справедливым. А по закону подлости, разумеется, предвзятым он будет именно к вам.

Но это только цветочки. Строго говоря, ни один из нас вообще не воспринимает мир таким, каким он есть на самом деле [2]. Весело? Может, и так: от когнитивных искажений есть и польза [3]. По-видимому, именно они в том числе позволяют вам читать этот роман и (надеюсь) воспринимать его как художественную историю, а не как чьи-то убогие выдумки. И вполне вероятно, что исправление некоторых искажений лишит человека возможности воспринимать большую часть современного масс-медиа, как это произошло с Хеленой Моргенсен.

Короче говоря, мы все больны. И встаёт вопрос: а надо ли лечить болезнь? Скорее всего, нет. Во всяком случае, не полностью. Но лечить её будут.

Вполне естественно предполагать, глядя на последние успехи в генетике, например, методов CRISPR/Cas[4], что рано или поздно нечто аналогичное проекту «Метаморфоз» будет создано. Конечно, современные методы редактирования генома пока ещё остаются достаточно дорогостоящими и сложными, но ведь и первые автомобили до сотни за семь секунд не разгонялись. А нынче уже даже эксперименты над человеческими эмбрионами ставят [5]. Правда, сам факт этих экспериментов вызывает лютую ненависть у некоторых социальных групп общества (ну, вы же помните про регрессивный консерватизм). Но прогресс не остановить, как бы им того не хотелось.

Если же остановиться всё-таки на ординаторах, то многофункциональность зон мозга ныне подтверждена экспериментально [6], хотя, по-видимому, слово «многофункциональность» тут не совсем уместно. В указанном исследовании выяснилось, что в восприятии смысла слов участвуют не только «языковые» зоны, но и остальные участки мозга — конкретно в данном случае при понимании слов, связанных с движением, участвовала моторная кора. Мозг по своей сути — биохимическая вычислительная машина, но если в обычных полупроводниковых компьютерах только один универсальный транзистор сигнала — электрический ток, то в мозгу их несколько сотен, и каждый по-разному взаимодействует с разными структурами мозга [7]. Это создаёт серьёзную проблему

на пути современных баронов Франкенштейнов, которую, собственно, я и попытался осветить в романе. Разумеется, нельзя однозначно сказать, что перестройка «ординаторских» зон мозга повлечёт за собой именно редукцию эмоций, но рациональное мышление само по себе обязано быть лишённым эмоциональности. Так что причины достаточно веские.

Нельзя также предположить, что в ходе создания ординаторов у них была устранена хотя бы десятая часть присущих человеку когнитивных искажений: багов, во-первых, слишком много, а во-вторых, материальный механизм подавляющего большинства из них неизвестен и вряд ли будет раскрыт в ближайшие сто лет. Более того, для учёного-аналитика вредны лишь некоторые из них, такие, например, как селективное восприятие [8], эвристика доступности [9], уже упомянутая выше иллюзия корреляции и другие. Таким образом, Хелена представляет собой лишь самую чуточку необычного человека, который точно так же может поступать иррационально во многих ситуациях — другое дело, что она сама этого не сознаёт.

И совсем уж невозможно считать, что в процессе не будет допущено ошибок, подобных той, из-за которой проект потерпел крах. Современный научный метод при правильном его использовании боится от очень большого количества ловушек, но всё же не ото всех. Достаточно вспомнить лайнеры «Де Хэвиллэнд Комета» [10], которые падали только из-за того, что в те времена не было толковой теории усталостной прочности материалов, и этот фактор попросту не учли при проектировании. Далеко не факт, что мы не напоремся на скрытые рифы, пытаясь изменить свой геном.

Куда проще всё со Снежаной и Фионей. Обучаемость, как предполагается, зависит в первую очередь от синаптической пластичности [11], а сверхпамять можно выработать простыми тренировками, элементарно по-другому кодируя информацию [12]. Повторение, как и утверждала Хелена, закрепляет навык, но мешает освоить новый: оно влияет на синтез глутаминовой и гамма-аминомасляной кислот — возбуждающего и тормозящего нейротрансмиттера соответственно [13]. У девушек же вследствие генетического вмешательства нейроны входят в стабильное состояние не за несколько часов, а гораздо быстрее, и новая память не перекрывает уже приобретённую. Поэтому для них повторение пройденного бесполезно, как бесполезны и стандартные программы обучения.

Орловой «исправили» ошибку эволюции, перестроив уже упомянутое кодирование памяти, в результате получив человека, способного без труда выучить двадцать три языка, но вынужденного переводить в словесную форму дорогу домой.

Первый блин комом.

«Авангард», он же «Спаситель» — очень слабое, на самом деле, звено. Я прекрасно сознаю куцость этого фантастического допущения, хотя вполне возможно, что это вмешиваются уже вспетые выше когнитивные искажения: нейробиология как была, так и осталась для меня тёмным лесом, а вот аэрокосмическая техника — уже полупрофессиональная сфера. Возможно, я просто не вижу ошибок в допущениях с ординаторами, но оно, наверное, и к лучшему. С «Авангардом» же меня спасает только примитивная отмазка «роман не об этом, ну чего вы». По сути, именно поэтому в тексте не описаны детально ни системы корабля, ни принцип работы гиперсна, ни всё остальное. Хотя теоретическая модель двигателя на антиматерии существует [14] [15], почти наверняка процесс её синтеза в ближайшем будущем останется крайне сложным [16], и вся концепция выглядит откровенно маловероятной. «Авангард» летел к Фрейе сто десять лет; если

предположить, что он разгонялся с ускорением $a = 4,5 \text{ м/с}$, то из элементарных формул релятивистски равноускоренного движения можно вычислить, что разгонялся он один месяц и достиг скорости в $0,04c$, а после периода равномерного движения столько же времени замедлялся. Для расчёта количества топлива я воспользовался теми же формулами, приняв для упрощения, что энергия напрямую конвертируется из антиматерии по знакомому даже абсолютному гуманитария формуле $E = mc$. У меня получилось, что при ориентировочной массе загруженного корабля в 200 тонн в идеальных условиях потребуется 16 тонн антиматерии — это, цензурно выражаясь, *очень* много, даже без поправки на КПД. Я уж не говорю о выводе на орбиту двух тысяч человек в условиях апокалипсиса, даже с грядущим удешевлением космических запусков. Фактически «Авангард» — всего лишь костыль для остального сюжета, ну и, конечно, отсылка к Хайнлайну; тем не менее, я посчитал неэтичным вводить в сюжет некий хреноптаниум только для обоснования этого факта. Короче, *роман не об этом*. Я в домике.

Зато с остальной техникой проще. Электромагнитная подвеска ровера, на котором капитан Гленн с девушками рассекал по Мёртвому поясу, существует на самом деле и позволяет ездить даже по российским дорогам без особой тряски [17]. Для серийных машин это дорогая и не очень-то нужная штука, а вот для планетохода она идеальна. Дикоптер — это, по сути, двухвинтовой вертолёт поперечной схемы. У такой машины есть ряд преимуществ перед вертолётom как классической схемы, так и соосной, в частности, более простое управление, где не надо думать об асимметрии подъёмной силы, и высокий КПД. Есть, конечно, и недостатки, но для колонии на другой планете в условиях будущего такие вертолёты — вполне оптимальный вариант.

Нейроинтерфейс, которым пользуется Хелена, на сегодня существует в виде медицинских устройств для помощи парализованным больным: так, например, полностью парализованная женщина получила возможность хоть как-то влиять на окружающий мир, силой мысли управляя компьютерной системой [18]. Проводным он сделан для того, чтобы полностью исключить помехи со стороны. Учитывая, что имплант встроен в мозг и каждую миллисекунду передаёт на него огромный объём информации, было бы не очень приятно ощущать дискомфорт в голове оттого, что рядом кто-то зашёл на порнхаб, используя тот же частотный диапазон, или в небе разразилась магнитная буря. Кроме того, до физического предела пропускной способности оптоволокну ещё ой как далеко, и она значительно превосходит радиосвязь [19]. Ну и, наконец, самый главный аргумент: провода в затылке круто выглядят.

Обручи мысленного управления теоретически также возможны — существуют устройства, позволяющие с помощью электроэнцефалографа управлять кибернетической рукой [20]. Фактически они повторяют принцип упомянутого выше нейроинтерфейса, с той лишь разницей, что не требуют имплантации в человеческое тело бездуховной электронной фигни и являются односторонними передатчиками сигнала. Как и нейроинтерфейс, сейчас это позиционируется в основном как способ помощи парализованным людям. Дело благородное, но уже есть и игрушки такого рода, где нужно гонять вверх-вниз шарик силой мысли под комментарии не кого-нибудь, а самого магистра Йоды [21]. Неизбежная коммерциализация таких устройств приведёт к тому, что они если не вытеснят сенсорные экраны, то наверняка займут серьёзную нишу на рынке смартфонов, айфонов, айпадов и тому подобной ерунды.

Комбезы, в которых щеголяют почти все персонажи — по сути, просто эволюция

скафандра. На сегодня уже есть и первые автоматические системы климат-контроля [22], и гибкие безопасные аккумуляторы [23]. Про полноценные экзоскелеты и говорить нечего: несмотря на обширный список проблем с ними, эти проблемы медленно, но верно решаются. Разрабатываются новые аккумуляторы [24], системы контроля [25], а уж первых ласточек самых разных назначений не счесть [26] [27] [28]. Нет никаких сомнений, что в будущем всё это получит серьёзное развитие: это всё-таки не яблони на Марсе. Серьёзных физических ограничений, как, к примеру, для сверхсветового путешествия, я здесь не вижу.

Фрейя — планета выдуманная. Но она обладает вполне реальными астрофизическими параметрами, из которых, в свою очередь, прогнозировался её климат, включая экваториальный Мёртвый пояс, приливы и всё остальное [29][30]. Был бы он таким в реальности — я не уверен. Но ведь от чего-то же надо было отталкиваться.

Вот, в общем-то, и всё. Стоит только отметить одно: так или иначе только что вы прочли самый обычный фантастический боевик с бравыми морпехами, сексапильными красотками, злыми инопланетянами, циничными учёными и прочими полагающимися любому фантастическому боевику деталями. А послесловие — так, просто заметить, что кроме всего этого в нём есть ещё кое-что.

Некоторые параметры Фрейи

Перигелий — 162 602 837 км

Афелий — 187 457 092 км

Большая полуось — 175 029 965 км

Эксцентриситет орбиты — 0,071

Сидерический период обращения — 434 земных суток/400,6 местных

Орбитальная скорость — 29,24 км/с

Наклон орбиты — 5°

Период обращения — 26 часов 12 минут

Ускорение свободного падения на экваторе — 0,94g

Средний радиус — 6051 км

Масса — 0,848 земных

Плотность — 5,40 г/см

Список источников

1. Martin Hilbert. Toward a synthesis of cognitive biases: How noisy information processing can bias human decision making // Psychological Bulletin 138(2), 211–237; доступен по: martinhilbert.net/HilbertPsychBull.pdf
2. Bless, H., Fiedler, K., & Strack, F. Social cognition: How individuals construct social reality. — Hove and New York: Psychology Press, 2004.
3. Gigerenzer, G. & Goldstein, D. G. Reasoning the fast and frugal way: Models of bounded rationality // Psychological Review 103: 650–669. DOI:10.1037/0033-295X.103.4.650
4. Ian M. Slaymaker, Linyi Gao, Bernd Zetsche, David A. Scott, Winston X. Yan, Feng Zhang. Rationally engineered Cas9 nucleases with improved specificity // Science, 01.12.2015. DOI:10.1126/science.aad5227
5. <http://guide.hfea.gov.uk/guide/ShowPDF.aspx?ID=5966>

6. Nikola Vukovic, Matteo Feurra, Anna Shpektor, Andriy Myachykov, Yury Shtyrov. Primary motor cortex functionally contributes to language comprehension: An online rTMS study // *Neuropsychologia*, Volume 96, February 2017. DOI:10.1016/j.neuropsychologia.2017.01.025
7. Николлс Джон, Мартин Роберт, Валлас Брюс, Фукс Пол. От нейрона к мозгу / Пер. с англ. П. М. Балабана, А. В. Галкина, Р. А. Гиниатуллина, Р.Н. Хазипова, Л. С. Хируга. — М. Едиториал УРСС, 2003. — 672 с., цв. вкл.
8. Pronin E. Perception and misperception of bias in human judgment // *Trends in Cognitive Sciences*. — 2007. — Vol. 11, no. 1. — P. 37–43. — DOI:10.1016/j.tics.2006.11.001.
9. Brinol, P., Petty, R. E., Tormala, Z. L. The Malleable Meaning of Subjective Ease // *Psychological Science*. 17 (3): 200–206. DOI:10.1111/j.1467–9280.2006.01868.x
10. R. J. Atkinson, W. J. Winkworth and G. M. Norris. Behavior of Skin Fatigue Cracks at the Corners of Windows in a Comet I Fuselage. Reports and Memoranda No. 3248, June, 1960. Доступен по <http://naca.central.cranfield.ac.uk/reports/arc/rm/3248.pdf>
11. Citri A., Malenka R.C. Synaptic Plasticity: Multiple Forms, Functions, and Mechanisms // *Neuropsychopharmacology*. — 2008. — T. 33, № 1. — С. 1–24.
12. Martin Dresler, William R. Shirer, Boris N. Konrad, Nils C.J. Müller, Isabella C. Wagner, Guillén Fernández, Michael Czisch and Michael D. Greicius. Mnemonic Training Reshapes Brain Networks to Support Superior Memory // *Neuron*. Published online March 2017. DOI:10.1016/j.neuron.2017.02.003
13. Shibata, K., Sasaki, Y., Bang, J. W., Walsh, E. G., Machizawa, M. G., Tamaki, M., ... & Watanabe, T. Overlearning hyperstabilizes a skill by rapidly making neurochemical processing inhibitory-dominant // *Nature Neuroscience* 20, 470–475 (2017) doi:10.1038/nn.4490
14. <https://arxiv.org/abs/1205.2281>
15. https://science.nasa.gov/science-news/science-at-nasa/1999/prop12apr99_1
16. www.engr.psu.edu/antimatter/Papers/NASA_anti.pdf
17. https://www.bose.com/prc.jsp?url=/automotive/bose_suspension/the_solutios.jsp
18. <https://www.newscientist.com/article/2112562-first-home-brain-implant-lets-locked-in-woman-communicate/>
19. Листвин А. В., Листвин В. Н., Швырков Д. В. Оптические волокна для линий связи. М.: ЛЕСАПарт, 2003
20. Jianjun Meng, Shuying Zhang, Angeliki Bekyo, Jaron Olsoe, Bryan Baxter & Bin He. Noninvasive Electroencephalogram Based Control of a Robotic Arm for Reach and Grasp Tasks // *Scientific Reports*. Published online December 2016 DOI:10.1038/srep38565
21. https://en.wikipedia.org/wiki/Force_Trainer
22. <https://www.roscosmos.ru/16326/>
23. <http://news.panasonic.com/global/press/data/2016/09/en160929-8/en160929-8.html>
24. M. H. Braga, N. S. Grundish, A. J. Murchison, J. B. Goodenough. Alternative strategy for safe rechargeable battery // *Energy Environ. Sci.*, 2017,10, 331–336 doi: 10.1039/C6EE02888H
25. K. Okada, M. Inaba, H. Inoue. Real-time and Precise Self Collision Detection System for Humanoid Robots // *Ieeexplore.ieee.org*. 2005-04-22. doi:10.1109/ROBOT.2005.1570256.
26. Larry Greenemeier. The Future of Exoskeletons: Lighter Loads, Limbs and More // *Scientific American* September 21, 2007
27. Larry Greenemeier. Real-Life Iron Man: A Robotic Suit That Magnifies Human Strength // *Scientific American* April 30, 2008

28. <http://www.esa-telerobotics.net/gallery/Research/Haptic-robots-design-development/X-Arm-2/16>
29. С. Доул. Планеты для людей / Пер. с англ. И. С. Щербиной-Самойловой. — М. Наука, 1974. — 200 с., ил.
30. Duane Walisher, Bin Guan. Extreme winds and precipitation during landfall of atmospheric rivers // Nature Geoscience 10, 179–183 (2017) doi:10.1038/ngeo2894